

КОНТОРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЛАДИМИР
ПЫНЁВ

18+

Владимир Лынёв

Контора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64857041

SelfPub; 2021

Аннотация

В недалеком будущем человечество захлестнула волна психических заболеваний. Молодой психотерапевт Алекс Вульф устраивается на работу в государственную службу психологического мониторинга, призванную оградить общество от эпидемии. Вульф участвует в сеансах коллективных осознанных сновидений, конструируя терапевтические сны как новое средство борьбы с душевными недугами, но со временем понимает, что лекарство можно использовать в качестве орудия. Ему предстоит выяснить, что же на самом деле скрывается за стенами таинственной конторы, и какие идеи вкладывают создатели в передовую технологию лечебных сновидений. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. Рекрут	14
Глава 3. Психонавты	25
Глава 4. Сновидица	43
Глава 5. Гипнос	57
Глава 6. Погружение	67
Глава 7. Раковина	78
Глава 8. Ама	92
Глава 9. Шерпа	112
Глава 10. Ферзь	137
Глава 11. Жнец	153
Глава 12. Прорыв	174
Глава 13. Страх	191
Глава 14. Извлечение	206
Глава 15. Декомпрессия	235
Глава 16. Траление	263
Глава 17. Фуга	287
Глава 18. Тень	300
Глава 19. Противостояние	321
Глава 20. Кошмар	339
Глава 21. Обряд	351
Глава 22. Восхождение	362
Глава 23. Комиссар	374

Владимир Лынёв

Контора

Глава 1. Прибытие

Чек за поездку в такси вышел солидный, однако деваться было некуда. Алекс чертовски боялся опоздать в свой первый день на новой работе. Сколько времени займет дорога на общественном транспорте от аэропорта до центра города, он не знал, поэтому прибегнул к услугам первого эшелона обдираловки для туристов и приезжих. По прибытии в пункт назначения Алекс расплатился, не оставив ни пенни чаевых.

– Гребаный скупердяй, – пробормотал водитель-иммигрант на хинди, увидев электронный чек на экране инфопада, прикрепленного к приборной панели. Но через мгновение натянул общественно приемлемую маску, в душе понимая, что только цена делает его привлекательнее беспилотников, и, повернувшись к пассажиру, отчеканил с широкой улыбкой на чистом амеранглике: – Хорошего дня, сэр!

– И вам всего наилучшего! – ответил Алекс Вульф, выбираясь из прохладного кондиционированного салона машины, пропитанного дешевым химическим освежителем воздуха, в знойное марево, накрывшее полуденный мегаполис.

Главный офис государственной службы психологического

мониторинга находился в ничем не примечательном небоскребе. Его панорамные окна цвета размякшего от июльской жары асфальта казались зеркалом, подпиравшим небеса. Они отражали лихорадочный антураж города, напоказ искрившегося энергией и энтузиазмом, но в холодные ночи или в терпком одиночестве скорее напоминавшего гигантскую чумную яму для истерзанных душ.

Это было не самое высокое здание среди всех прочих, лишённое намека на помпезность. Нагая функциональность и строгость геометрических линий придавали ему вид эдакой серой мышки в яркой и пестрой городской толпе. От проезжей части его отделяла небольшая рекреационная зона с фонтаном посередине. Там же располагалось несколько мобильных торговых стоек с бургерами, хот-догами и газировкой. В дальнем углу, у входа в метрополитен, притаился газетный киоск. В общем и целом, обычный муниципальный пейзаж, банальный донельзя. Необычной была лишь организация, притаившаяся за типичными городскими декорациями. Над центральным входом офиса красовалась вывеска с гербом ГСПМ: человеческий мозг, закованный в цепи, а за ним маяк, озаряющий разум своим светом.

По пути к офису из зарослей декоративных кустарников, высаженных вперемешку с карликовыми деревьями, оформленными в актуальном урбанистическом стиле, на Алекса вывалился бездомный и принялся кланчить мелочь.

– Отвали! – Вульф от неожиданности отпрянул в сторону

и ускорил шаг.

– Не ходите в эту башню, мистер, – не отставал бродяга, плетясь за ним следом. – Там нет принцесс, но зато обитают чудовища!

– Ты так и будешь за мной тащиться? – прошипел Вульф, не оборачиваясь. – Где же полиция, когда посреди бела дня творится такое дерьмо?

Отвлечшись на перепалку с низкосоциальным гражданином, как их теперь называли, Вульф столкнулся с юнцом, плотно упакованным в толстовку до колен. Глубокий капюшон с забралом модной голографической маски надежно скрывал угреватое лицо.

– Хей, братишка! – возмутился тот. – Это свободная страна, но смотри, куда прешь. О`кей?

– Извините... – ответил Вульф с едва скрываемым раздражением, за что был удостоен поднятого вверх среднего пальца, засим конфликт был исчерпан.

При упоминании правоохранительных органов бездомного как ветром сдуло, но кислый запах давно немытого тела, мочи и перегара буквально засел у Алекса в подкорке. Пришлось достать из портфеля туалетную воду и sprysнуть шею, чтобы перебить вонь, навязчиво преследовавшую его, пока он пересекал минималистский парк, столь привычный обитателям крупных городов с плотной застройкой и крайне дорогой землей.

На входе Вульфа встретила большая автоматическая ре-

вольверная дверь, отделявшая шумную душную улицу от вестибюля с маячившей в глубине рецепцией. Она активировалась при его приближении и медленно поползла по кругу. Разместившись в одной из ячеек, Алекс стал неторопливо продвигаться внутрь здания. На середине пути дверь застыла, не давая ему ни войти, ни вернуться на улицу. Несколько секунд он недоуменно оглядывался по сторонам, осторожно потолкал остановившуюся лопасть вперед, после аккуратно постучал по стеклу, пытаясь привлечь внимание персонала. Неожиданно весь свет как искусственный, так и естественный погас, оставив Вульфа в крошечной темноте. Над головой загорелась красная лампочка аварийного освещения. Он оказался запертым в зеркальной комнате, наполненной тревожным багровым светом, в окружении десятков своих отражений. Они смотрели на него, а он разглядывал их. Вульф сосредоточился на фигуре, стоявшей ближе всего. Из зеркала на Алекса таранился молодой человек в районе тридцати лет с зачесанными назад каштановыми волосами и легкой небритостью на щеках. Недорогой костюм, делавший его похожим на клерка средней руки, был изрядно помят из-за многочасового перелета и долгой дороги. Белки холодных голубых глаз покрылись рубиновыми дельтами полопавшихся капилляров. Тонкие губы кривились в гримасе растерянности.

Одно из отражений вышло вперед и уселось на неизвестно откуда появившийся стул прямо напротив Вульфа. Алекс

обернулся, но стула за собой не обнаружил. Пальцы судорожно вцепились в ручку портфеля, пытаясь компенсировать нервное напряжение. Двойник сидел перед ним, свободно расставив ноги. Руки, сложенные пирамидкой, подпирали подбородок.

Несколько утомительно долгих секунд он пристально всматривался в лицо Вульфа, а затем с усмешкой задал вопрос:

– Вам когда-нибудь казалось, что вы безумны?

Отражение перед Алексом плыло и искажалось, как изображение на экране устаревшего лампового телевизора при плохом сигнале вещания. Позы и выражения лица двойника менялись судорожно и непредсказуемо.

Вопросы следовали один за другим.

– Вы сегодня уже мастурбировали? – каждое слово проносилось будто бы отдельно, не привязываясь к общему смыслу построенного предложения. Первое проговаривалось затравленным полушепотом, второе вбивалось менторским тоном, третье выкрикивалось истеричным фальцетом.

– Как часто вы испытываете чувство вины?

Ответов не требовалось.

– Вы боитесь оказаться голым перед группой незнакомых людей?

Досада за столь нелепую потерю контроля над ситуацией сменилась раздражением. Страх сломался под тяжелой ношей усталости. Понимание пришло, когда Вульф заметил

бесстрастные глазки камер, взиравшие на него с разных ракурсов.

«Очередной стресс-тест!» – подумал он.

Когда в голове родилась эта идея, весь фарс прекратился. Кратковременная темнота сменилась привычной картиной рутины рабочих будней. Дверь продолжила свой плавный ход, впуская его в вестибюль государственной службы психологического мониторинга, структуры пока не заостренней в многолетних бюрократических традициях, а потому еще способной на подобные неоднозначные спецэффекты. Само его появление в этих стенах говорило о данном факте.

На больших голографических экранах информационных мониторов, развешанных на стенах лобби, дабы скрасить ожидание посетителей, крутились рекламные ролики, призванные осветить цели, задачи и характер работы ГСПМ. Они вносили стерильную маркетинговую простоту и ясность в ту область медицины, где ясности отродясь не водилось. Напротив, будучи территорией абсолютного хаоса и энтропии, она могла свести с ума любого неподготовленного путника, случайно забредшего в эти мреющие земли. Вульфа всегда мутило от подобной пастеризованной информации. От нее смердело корпоративной этикой, накрахмаленными белыми воротничками и антисептиком для рук из офисного туалета.

Говорящие головы, максимально приближенные к стан-

дартизированным эталонам красоты и приятия, гипнотизировали рекламными проповедями свою невольную паству на всех широко распространенных языках мирового сообщества. Их тщательно подобранные по тембру и тональности голоса подталкивали к бесстыдным фантазиям о нежных любовниках из самых потаенных грез, беззастенчиво лаская слуховые нейроны.

«Человек разумный – так именуют наш вид, и то, что осталось неизведанной территорией для ученых минувших веков, сокрыто в этом названии. Разум. Предмет философских, теологических и этических диспутов. Понятие, некогда окутанное ореолом мистической тайны, сегодня становится фундаментальным объектом прикладных исследований...»

«Начало десятилетия ставит новые задачи перед современной медициной. Статистика расстройств сознания и заболеваний разума говорит о формировании эпидемии нового образца, сталкиваться с которой прежде обществу не приходилось...»

«Ни для кого не секрет, что интеллект в двадцать первом веке превратился в главный и основополагающий инструмент ремесленного труда. Объемы информации, обрабатываемые мозгом каждый будний день, ежегодно увеличиваются в геометрической прогрессии. Информационный шум, обрушивающийся на анализаторы ежечасно, заставляет сознание отказаться от когнитивных функций в угоду функ-

циям сита, где крупички полезной информации высеиваются золотом из речного песка. Интенсивный ритм жизни вынуждает принимать миллион взвешенных решений за единицу времени и не прощает ошибок. Ночь – время восстановления. Перегрузите свое сознание с аппаратом «Морфей». Снижение стресса, профилактика эмоционального выгорания и расстройств психики. Наши незабываемые сны – лекарство нового поколения...»

Алекс мысленно отсекает все лишние впечатления и интуитивно шагнул по подсвеченной дорожке, приведшей его к нужному администратору. Рецепция представляла собой цветник, наполненный молодыми людьми всех сортов и оттенков. Лицо ГСПМ походило на фреску эпохи Возрождения. Она символизировала глобалистские тенденции, существенно сдавшие свои позиции после арктической военной кампании, завершившейся подписанием договора о перемирии между Североатлантическим Альянсом и Содружеством Независимых Государств. Пускай политическая повестка пропагандировала всеобщее недоверие, в службе психологического мониторинга, судя по всему, ей не следовали. Сотрудница, к которой его незримо направили, по всем внешним признакам была родом со Скандинавского полуострова. Она одобрительно довела его взглядом до своего рабочего места и приветливо улыбнулась, поздоровавшись.

– Александр Волкофф, – утвердительно, но с некоторым трудом произнесла она. – Мы рады приветствовать вас в

ГСПМ, инновационном проекте по поддержанию душевного здоровья человечества.

– Зовите меня Алекс Вульф. Перед самым отъездом я получил паспорт интернационалиста. Думаю, так будет проще для всех.

– Очень хорошо, Алекс. Как добрались?

– Долго. Мучительно. Почти не спал.

Лицо девушки приняло сочувствующую мину:

– Тогда у вас есть немного времени, чтобы перевести дух. Менеджер по работе с персоналом встретит вас совсем скоро. Прошу пройти в зону ожидания. Угощайтесь чаем, кофе и безалкогольными прохладительными напитками, – слегка помедлив, администратор добавила: – Наше учреждение работает по принципу самообслуживания.

Вульф ухмыльнулся:

– Пояснение для неандертальцев из стран третьего мира?

– У всех нас свое культурное и общественное наследие, – смутилась девушка. – Это одобренная руководством стандартная формулировка общения с посетителями.

– Я понял. Ноль проблем.

Администратор облегченно и практически незаметно выдохнула, одарив Вульфа отработанной профессиональной улыбкой.

– Хорошего дня, Алекс, и добро пожаловать в Контору.

Глава 2. Рекрут

Менеджер по работе с персоналом явно не спешила. Алекс успел заварить себе зеленый чай с мелиссой, наскоро проглотил пару сдобных булочек с джемом, красиво разложенных в вазочках для угощения посетителей, и удобно устроился на офисном диванчике, потягивая ароматный горячий напиток. Полистав несколько периодических изданий по психологии и психиатрии, он принялся было задремывать, слегка разомлев от перекуса, однако, вынырнув в очередной раз из краткосрочного забытья, Вульф обнаружил, что находится в совсем ином помещении. Никакого офисного вестибюля вокруг не было и в помине – одни голые белые стены, уходящие в бесконечность. За антрацитовый глыбой рецепции, зависшей в полуметре над полом, сидели разноцветные изломанные манекены для краш-тестов. Алекс был пристегнут к такому же креслу, как и манекены. На самом пороге слышимости кто-то вел медленный и монотонный отсчет от десяти к одному. Вульф стал падать в белую бесконечность, пока пространство над ним не обрело форму женских губ и не щелкнуло его по темечку фразой: «Вы в порядке».

– Вы в порядке? – спросила девушка в строгом деловом костюме, слегка склонившись над Алексом, но все же находясь на безопасном расстоянии от его зоны комфорта и вне

амплитуды резких телодвижений едва проснувшегося человека.

Вульф вздрогнул, не без труда вынырнув из странного сновидения, сел ровно и ответил, попытавшись принять благопристойный и глубоко профессиональный вид:

– Да, мисс. Похоже, я ненадолго задремал.

Щеки девушки покраснелись от быстрой ходьбы, а непослушная прядка коротких волос, выбившаяся из прически, была моментально водружена на место привычным бессознательным движением.

– Здоровый естественный сон – это привилегия, которую мы дарим обществу, мистер Вульф. Радуйтесь, что вы еще на него способны без аппаратной поддержки и медикаментов, – она небрежно протянула руку, и Алекс машинально пожал ее. – Меня зовут Жюли Орье. Я старший научный сотрудник и занимаю должность менеджера по работе с персоналом в службе психологического мониторинга. Мой отдел занимается поиском и рекрутированием кандидатов в психонавты. Прошу следовать за мной.

– Психонавты? – удивился Вульф. – Насколько мне помнится, я претендовал на должность психотерапевта. Разве нет?

– Все верно. Внутренний сленг. Скоро привыкнете.

Орье, не удостоив его дальнейшими разъяснениями, развернулась на низких каблуках и уверенно зашагала в сторону лифтов, располагавшихся в глубине вестибюля. Алексу толь-

ко и оставалось что, подхватив свой портфель, поспешить следом, стараясь не сбить горшки с декоративными растениями, по чудной прихоти дизайнера интерьеров хаотично разбросанными на территории лобби. Едва Орье нажала кнопку вызова, створки справа от нее бесшумно распахнулись, впуская их в просторную кабину, наполненную тихой мелодичной музыкой и мягким успокаивающим светом.

– Вы не боитесь замкнутых пространств? – неожиданно спросила Орье у Вульфа, когда лифт мягко потащил их наверх.

– Естественно нет.

– Вы использовали слово «естественно» как защиту. Почему?

– Любое отклонение от нормы делает тебя уязвимым.

– Согласно врачебной этике рекомендовано говорить «особенности», – пояснила Орье, – а никак не «заболевания» или «отклонения».

– Ну а мы у себя на задворках цивилизованного мира без зазрения совести используем выражения вроде «поехал кукухой», «потек крышей» и прочие нерафинированные фразеологизмы.

Губы Орье слегка скривились, будто она попробовала лимон.

– Ваша культура слишком прямолинейна. В англосаксонской традиции, ставшей нормой делового общения в западном обществе, это сочтут за грубость и невоспитанность.

– Мы же зачастую сочтем за лицемерие ваши формулировки, – парировал Вульф. – Довольно культурологических экскурсов. Вы пригласили меня не ради толерантности и скругленных углов. Сии характеристики точно не относятся к моим сильным профессиональным сторонам. Однако я здесь.

– Это верно, – согласилась Орье. – Вы обладаете набором определенных психосоматических параметров, необходимых для успешного выполнения предстоящей работы. Плюс богатый клинический опыт. После завершения боевых действий на арктическом шельфе вы активно участвовали в реабилитации многих пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством. Откуда взялось такое истовое христианское рвение?

– Глубокое личное погружение в проблему, знаете ли.

– Как романтично... – процедила сквозь зубы Орье.

Створки лифта распахнулись с характерным предварительным сигналом, выпуская их в просторный коридор. Жестом Орье пригласила Вульфа идти следом.

Пол коридора выстилал ковролин с замысловатым геометрическим узором ярких оттенков, присмотревшись к которому можно было утонуть в фантазмагорической бесконечности. По полу ползали лаборанты службы психологического мониторинга, тщательно перебирая ворсинки, нежно поглаживая их и иногда с упоением зарываясь лицом в ворс.

Вульф остановился и замороженно уставился на разыграв-

шеся перед его взором парадоксальное действо, почувствовав себя невольным участником артхаусной постановки в любительском экспрессионистском театре.

– Что они делают? – спросил он.

– Добровольцы из фармакологического отдела тестируют новые синтетические энтеогены, – бросила через плечо Орье.

– Не думал, что попаду в коммуну хиппи.

– Мы не можем экспериментировать на посторонних, – Орье резко остановилась. – Не выноси сор из избы. Так ведь у вас говорят? Территория наших интересов далека от устоявшихся рамок. Стоит ли удивляться разносторонности используемого инвентаря?

– Неожиданно наблюдать подобный подход на государственной службе.

– Напротив, переход из сферы частного предпринимательства на государственное финансирование многое упростил. Например, легальный доступ к запрещенным бюро общественной безопасности веществам, оборудованию и технологиям.

– Узаконенный оборот наркотиков? Похоже, я влип.

– Вы такой скучный, мистер Вульф! Привыкли к синим чулкам и пыльным инфотекам у себя на родине?

– Есть немного.

– Выбросьте из головы представления о привычных шаблонах протокольных научных исследований. Можете считать

Контору современной башней из слоновой кости для ученых в сфере психологии, психиатрии и нейрофизиологии. Здесь сконцентрированы лучшие умы и работают сотрудники, считающиеся пионерами в своих профильных областях.

– Похоже, один из ваших пионеров недавно обделался...

– ехидно заметил Вульф.

Они оставили позади экспериментальный кусочек мира и благоденствия, выпестованный нейрохимическими методиками посреди акульей фермы корпоративной реальности, продолжив путь к кабинету Орье.

Алекс глубоко задумался. Лобовое стекло его внутренних чувств едва позволяло трезво оценить ситуацию. Анализаторы словно обдало весенней грязью из-под колес встречной машины. Зашоренное восприятие сбивало с толку, и от этого он ощущал себя особенно некомфортно. В головном офисе государственной службы психологического мониторинга не было острых граней как в архитектуре, так и в формулировках, принятых в общении его персонала. Все вокруг было чрезвычайно обтекаемым и зыбким. Миражами в пустыне. Он будто скользил по склону горы в пропасть неизведанного. Алекс не мог остановиться, уцепившись за надежную и крепкую опору.

В кабинете Орье параноя ослабила хватку на горле Вульфа. Там царил порядок, рационализм и контроль. Аскетично обставленный офис был чистым, светлым и умиротворяющим. Многочисленные папки с электронной бумагой лежали

аккуратными стопочками на большом умном столе со столь разнообразным и богатым функционалом, что любой топ-менеджер искусал бы локти в попытке заполнить такой же. На полках вдоль стен хранилась огромная коллекция профильной прикладной литературы. На диванчике в углу офиса остались лежать неприбранными с ночи смятые декоративные подушки и свесившийся с края плед.

Проследив за взглядом Вульфа, Орье пояснила:

– Иногда приходится задерживаться допоздна.

– Не знал, что в амеранглике «иногда» и «регулярно» стали синонимами.

– Сказать по правде, мое жилье не особо отличается от этого офиса, так зачем бессмысленно тратить время на дорогу туда и обратно? Вопрос сугубо риторический, и давайте сразу расставим все точки над «и»: первое – это не ваше дело, а второе – как вы догадались?

– Никакого психоанализа, лишь старое доброе обоняние. Здесь пахнет не офисом, а жилыми апартаментами.

Орье хмыкнула, располагаясь в мягкой зоне, предназначенной для приема посетителей, и предложила Вульфу последовать ее примеру.

– Поздравляю. Пока что вы демонстрируете все поведенческие паттерны, благодаря которым вас пригласили принять участие в этом проекте.

– Как раз об этом и хотелось бы поговорить. Извольте пролить свет на характер предстоящей работы и роль, уготован-

ную мне.

– Всему свое время, мистер Вульф. Остался последний вопрос. Что подвигло вас бросить все и отправиться на другой конец света?

– Предложенная оплата труда и имя Джона Пейтона в качестве научного руководителя.

– Ваш напускной цинизм столь же смешон, как первые курчавые волосы на лобке у подростков, которыми они так гордятся в юности. Говорите правду или отправляйтесь во-свояси первым же рейсом.

– О`кей. В проникательности вам не откажешь. Раз вы так просите... – он кашлянул в кулак, прочищая горло и собираясь с мыслями. – Безнадега. Депрессия. Отсутствие возможной самореализации там, где я находился. Наивно, но в мире, о котором я мечтал, врач, полностью посвятив себя выбранному призванию и саморазвитию, должен был помогать людям и получать за это достойное вознаграждение, позволяющее ему не заботиться ни о чем кроме работы. В реальности все оказалось иначе. Медицина свелась к сфере услуг. Ты должен был впаривать помощь пациентам вроде шарлатана от мира эзотерики, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Мне же хотелось быть на острие профессии.

– Идеалист, да? Пожалуй, это даже будет интересно. Вы либо инфантильный дурак, мистер Вульф, либо...

– Либо?

Орье не ответила, обдумывая услышанное. Тонкие паль-

цы с неброским маникюром телесного цвета неосознанно тербли желтую шелковую ленту на запястье левой руки, прикрытой рукавом пиджака.

Алекс понимал, что она пытается прочитать между строк. Анализирует его причесанную и напомаженную версию истины. Разве мог он признаться в том, что после Арктики стал психологическим калекой? Дело тут крылось не только в пережитом ужасе и посттравматическом стрессовом расстройстве. Вульф изменился. Его разум был не в порядке. После увольнения в запас он так и не смог толком социализироваться. Посильно оказываемая ветеранам шельфовой кампании помощь была сугубо симптоматической, а потому, чтобы разобраться в этиологии проблемы, ему пришлось отправиться за океан. Алекс Вульф искал свое место в мире и возможность применить полученные в медицинском университете знания на практике. Он хотел быть полезным людям, подспудно обрета исцеление на передовой научного фронта.

Поняв, что неловкое молчание затянулось, Вульф перешел в наступление, подводя итог вышесказанному:

– Таким образом, мне требовалось новое начало. Неважно, будет оно лучше или хуже моих предыдущих мытарств. Главное, что совершенно иное и будоражащее разум, ибо скука порождает апатию, а апатия – это маленькая смерть.

– Мне всегда казалось, что оргазм – это маленькая смерть. Так, по крайней мере, говорят французы.

Вульф рассмеялся:

– Судя по всему, в течение жизни мы проходим экзистенциальную реинкарнацию бесчисленное число раз. Индуисты с буддистами были бы в восторге, но вернемся к моему вопросу...

Орье приняла решение:

– Слушайте и запоминайте, потому что повторять дважды я не буду. Контора является центральным офисом ГСПМ. В этих стенах мы занимаемся программированием терапевтических модулей, загружаемых впоследствии в аппараты «Морфей». Они широко представлены на рынке медицинских услуг в любой аптечной сети и рекомендованы к ежедневному использованию Министерством здравоохранения. Процесс конструирования таких модулей весьма сложен и не поставлен на конвейерный поток. В нем комплексно и поэтапно задействованы все отделы Конторы. Верстаком для подобной работы служит особое сознание – так называемый хост. В хосте созревает заложенная специалистами Конторы активная информационная единица – семя. Это будущая основа терапевтического модуля. Извлечение семени из хоста – плод синергического труда нескольких разумов. Группа извлечения представляет собой отряд психонавтов, находящихся в аппаратном сеансе коллективного осознанного сновидения на базе хоста. Основной проблемой является то, что отрядов психонавтов у нас не так много, как хотелось бы, а мистер Пейтон постоянно требует достижения более глубоких и комплексных терапевтических результатов от произ-

водимого продукта. Внедрение в хост и извлечение семени дают чрезмерную нагрузку на разум психонавтов, что вынудило нас путем опытных изысканий ввести в отряд новую ролевую модель, именуемую якорем. Вы станете нашим первым якорем, Алекс. Сегодня вы отдохнете и наберетесь сил после долгой дороги, а завтра нас ждет много работы.

Глава 3. Психонавты

Этой ночью Вульффу ничего не снилось. Видимо, он слишком вымотался из-за долгого перелета и смены часовых поясов. Алекс кое-как проснулся от очередного сигнала будильника в гостиничном номере, снятом ему Орье в отеле неподалеку от Конторы. Голова раскалывалась на части. Глаза не хотели открываться. Он словно не спал ни минуты. Пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из постели. Наскоро приняв душ, Вульфф заварил кофе и выкурил пару сигарет – самых обыкновенных, без использования всех этих новомодных гаджетов. Привычка осталась у него с армейских времен, и избавиться от нее оказалось непросто.

По дешевой инфопанели транслировали утреннюю сводку новостей, где в подробностях рассказывалось, что число самоубийств по причине суицидального психоза за последний месяц в среднем составило около сотни зафиксированных случаев, приходящихся на каждый город-миллионер. Но статистика в Соединенных Государствах Америки планомерно пошла на убыль вследствие учреждения службы психологического мониторинга. Крупные кадры с мест происшествий без прикрас демонстрировали тела, размазанные по асфальту после падения с многометровой высоты, висельников на фоне самых разнообразных бытовых декораций, утопленников в пресных и соленых водоемах от тропи-

ков до северных широт, самострелов в панировке из костей черепа и ошметков мозга, ванные комнаты в багровых подтеках и прочие анатомические красоты, способные взбодрить самого хладнокровного обывателя. Среди детей в первопричинах психозов специалистами было выявлено генерализованное депрессивное расстройство личности, завязанное на родительской депривации в связи с всевозрастающей утратой актуальности классической семьи как полноценной ячейки общества, с перекладыванием воспитательных функций на частные и государственные организации. Взрослые, перегруженные нестабильностью общественного окружения, избыточным объемом обрабатываемой информации, стрессом профессиональной активности, невозможностью реализовать себя в полной мере и отсутствием прочных эмпатических связей с друзьями и любовниками, доминировали в категориях когнитивной, социальной и эмоциональной депривации. Депривация провоцировала появление депрессивного расстройства, терминальной стадией которого становился суицидальный психоз.

От бесчисленных похорон картинка переключилась на ручейки из городских паломников, стекавших в зоны бесплатной сетевой раздачи ради цифровых проповедей, набравших с каждым днем все большую популярность.

Репортаж вело бодрое молодое существо с бесполой внешностью ангела:

– На фоне безрадостной действительности неудивитель-

ным смотрится тот факт, что огромное число людей с головой погружается в эзотерику, астрологию и мистицизм. В этот скорбный час в ход идет все: от классических монотеистических верований до сантерии и синтоизма. Феноменом последних лет стала церковь «Единения». Число ее неофитов растет с каждым месяцем. Она проповедует юницизм. Эта относительно молодая полурелигиозная трансгуманистская конфессия призывает следовать технологическим путем эволюции человеческого сознания. Неужели мы на пороге цифрового средневековья или всему виной продуманная агрессивная маркетинговая кампания? Бесчисленные сетевые проповедники, строительство гигантского храма посреди Сан-Франциско на десятки тысяч прихожан, звездные амбассадоры – все это...

Вульф, скривившись, выключил инфопанель. Он был далек от религии. От новомодных конфессий в особенности.

К назначенному часу Алекс оделся и перед выходом обильно spraysнул шею и волосы туалетной водой. Покинув номер, он обнаружил у двери человека из службы безопасности.

– Вы простояли здесь всю ночь? – спросил Вульф.

– Защита интеллектуальной собственности государства – одна из непосредственных задач мистера Пейтона на посту директора ГСПМ, а теперь прошу следовать за мной, сэр! – ответил охранник и больше не проронил ни слова на всем пути до Конторы.

Вульффу ничего не оставалось, как бесцельно пялиться по сторонам.

Не требовалось профильного медицинского образования, чтобы осознать одну простую истину. Город за окнами машины был болен. Впрочем, как и любой другой мегаполис, хотя имелись и существенные различия. Если там, откуда был родом Алекс, многомиллионные людские сообщества напоминали прокаженных побирушек, подыхавших в подворотне посреди мусорных куч, то этот гарцевал декадентствующим аристократом-сифилитиком. За аурой курящихся ароматических свечей не чувствовалось вони гниения, а толстый слой грима прикрывал кровоточащие гуммы. Вульфа не мог обмануть внешний лоск. Он смотрел глубже, наблюдая за языком тела и поведенческими аффектами.

Сердечный ритм города пульсировал рваной тахикардией спринтера, которого заставили бежать марафон в привычном для бегуна на малые дистанции темпе. Он лучился энергией и жизнерадостностью антидепрессантов, запитых крепким кофе. Горожане на улицах походили на холеричных безумцев. Они болтали без умолку по беспроводным гарнитурам с невидимыми собеседниками, слепо смотрели в пространство перед собой, погрязнув в паутине инфосети, чьи глубины отражались на линзах дополненной реальности, которые мало кто снимал даже на ночь, хаотично мотали перед собой руками в перчатках виртуального взаимодействия – моторика пока оставалась наилучшим способом манипу-

лирования программным софтом, а за патент на прямой интерфейс с центральной нервной системой до сих пор сулили баснословные премиальные корпоративные дельцы со всех континентов. Если бы Вульф мог лицезреть мир в инфракрасном спектре, то без особых проблем обнаружил, что разум среднестатистического обывателя пылает двадцать четыре часа в сутки.

На этом строилась вся трудовая философия. Цифровые рекламные агитки с ярмарок вакансий недвусмысленно призывали позабыть об отдыхе ради лучшей жизни, возможной не в райских куцах, но здесь и сейчас. Их мотивирующий посыл бил по яйцам убогого воображения прямым уколом адреналина в сердечную мышцу. Он оставался крайне нативным и сваливался к заповедям примитивного потребительского карго-культа и отращиванию павлиньих хвостов. Приторный мед речей информационных зазывал ничем не отличался от рабовладельческого хлыста, и все многовековое развитие социума свелось к риторически аккуратному и правильному формулированию.

Технологическая сингулярность беззастенчиво поимела общество. Походя на цепную реакцию, ее концепции и теории давно обогнали отсталый человеческий разум, приспособленный к каменному топорщику и праще. Плоды ее достижений были недоступны простым обывателям, чей мозг на пути к яблоку познаний превратился в банальные хабы и свичи. Нервная система стала не более чем оптоволоконным

кабелем, по которому текли бесконечные потоки данных, а сознание перестало справляться с поставленными задачами. Симптомы были повсюду. Приступы истерик и нарколепсия посреди бела дня. Апатия, соседствующая с гиперэмоциональностью. Удушливый смех и беспричинные слезы. Список можно было продолжать бесконечно долго.

Тепло попрощавшись с друзьями после мимолетных встреч, по завершении тяжелого трудового дня в погоне за мороком успеха, в комнате голографического присутствия, ставшей бытовым технологическим трендом последних лет, каждый с опаской поглядывал на широко открытые окна в приступе горького одиночества, не удовлетворенного общением с нолями и единицами, – вдруг Питер Пен предложит подбросить до Неверленда на заботливых волнах гравитации. Холодная кровать не грела душу, но теплый бок под рукой требовал существенной подпитки из персонального бюджета посреди непредсказуемой жизни и бесконечного праздника для мальчиков и девочек, что никогда не повзрелеют. Для большинства людей герметичная сфера серьезных отношений не оправдывала себя ни эмпатически, ни экономически, а потому отправлялась на помойку «гениальных» идей. Отсутствие в личной жизни прочных корневых связей уже давно перестало порицаться коллективным бессознательным, но логика внутривидовых популяционных взаимодействий давала сдачи за двоих нейрохимической голодовкой. Все же, как ни крути, мы стайные животные, возо-

мнившие себя охрентительно важными, сильными и независимыми личностями, и здесь крылось критическое противоречие. Наплевав на разъедающую душу гангрену одиночества, каждый возвел своему «я» убогий тотем и стал приносить ему в жертву собственный чувственный опыт. Наше эго посчитало, что столь редкий в природе единорог самосознания способен озолотить потомков. Ученые предпочли умолчать, что пресловутое «я» и продукты его жизнедеятельности являются не более чем артефактами исследования, радиочастотными помехами, глитчем, эдакими цифровыми газами, выпущенными в ноосферу.

На фоне общественно-социальных преобразований появление генерализованного депрессивного расстройства личности как новой нозологической единицы, выглядело вполне закономерным исходом, но вот формирование эпидемии, захватившей все континенты, не имело никаких предпосылок и не на шутку переполошило общественные институты.

Когда машина подъехала к зданию центрального офиса психологического мониторинга, Вульф заметил импровизированный пикет, состоявший в основном из бездельников-активистов с голографическими транспарантами. Они перегородили главный вход и заняли всю рекреационную зону. На плакатах Алекс разглядел призывы вроде: «Хватит травить наш рассудок!», «Скажем “Морфею” – НЕТ!», «Сны – наше личное пространство!» Перед входом в Контору стоял довольно известный политик левого толка в окружении

сопартийцев и телохранителей. Вульф опустил стекло, чтобы лучше слышать его гневную проповедь. «Они уже контролируют наши банковские счета, геолокацию и сетевой трафик. Теперь хотят добраться до нашего разума через пропагандистские сны. ГСПМ – очередная полицейская организация под крылом Дяди Сэма, пожирающая наши с вами налоги ради ограничения наших же свобод!..»

– Дерьмо! – буркнул охранник. – Придется в объезд. Мне поручено препроводить вас на завтрак с другими психонавтами.

Как сообщил Алексу его сопровождающий, весь персонал службы мониторинга питался централизованно на территории Конторы. Основной кафетерий располагался на первом этаже. Для того чтобы пройти к нему от главного входа, сперва нужно было пересечь лобби и оставить позади бесконечные коридоры технических помещений, а также отдел службы безопасности, где не особо были рады празднующимся посторонним служащим, но поскольку перед зданием развернулся пикет, машина доставила его напрямиком на автомобильную парковку на цокольном этаже. Оттуда можно было попасть напрямиком к дверям кафетерия, всего лишь поднявшись на лифте.

Приглушенные оконными стеклами и жалюзи яркие лучи утреннего света белыми полосами падали на просторное помещение, заставленное столами с простыми пластиковыми сиденьями. Посередине зала пили кофе трое мужчин. Двое

сидело за одним столиком напротив друг друга, о чем-то негромко беседуя. Третий расположился за соседним, рассеянно теребя буйные рыжие кудри и с досадой разглядывая пустую тарелку перед собой.

– О! – оживился рыжий, заметив вошедшего Алекса. – В нашем полку прибыло. Топай сюда, дружище, не стесняйся. Нечего мяться как девка на выданье. Это по воле мистера Стейнбека мы торчим тут на юру так далеко от еды. Ему, видите ли, не нравится обонять вонь пищи, исходящую от буфета. Без чашечки крепкого кофе его пищеварительные железы не соглашаются работать, а нам, значит, приходится ждать, когда они соизволят выдать из себя хоть каплю желудочного сока, чтобы мы уже смогли пожрать по-человечески с утра пораньше.

Подойдя поближе, Вульф кивнул, приветствуя мужчин, и представился:

– Алекс Вульф – якорь, что бы это ни значило.

– Наконец-то Орье с Пейтоном подобрали кандидата, – проворчал лысый джентльмен с аккуратно подстриженной седой бородой, рассматривая Алекса поверх приспущенных на нос очков. – Слишком долго мы ждали. Уже два отряда психонавтов успело пострадать от постгипнотической фуги, пытаясь добыть лекарство от генерализованного депрессивного расстройства личности из своих хостов. Пейтон говорит, что включение якоря в группу извлечения все исправит. Что ж, надеюсь, он прав, но, глядя на вас, молодой человек,

трудно проникнуться его уверенностью.

– Думаю, не стоит так сразу развешивать ярлыки, мистер Стейнбек, – вмешался третий, протягивая Алексу руку. – вспомните о мальчике, который кричал: «Волк! Волк!» Что до сей скромной персоны, то можете называть меня Сетом Беккером. Бывший врач федерального психиатрического центра. Особенности структуры сознания позволили мне стать прекрасным специалистом в области психодрамы. В сеансе КОС исполняю роль комиссара.

– КОС?

– Коллективное осознанное сновидение.

Рассматривая Беккера, Вульф не смог зацепиться взглядом ни за одну примечательную деталь в его облике. Напротив, Алекса не покидало ощущение, словно он видит сонм людей, запертых в зеркале.

– Профессор позитив и шут гороховый, – буркнул рыжий, вставая. – От такого приветствия недолго и штаны обмарать с испугу. Еще врачами себя называют. Пойдем, Алекс! – он хлопнул Вульфа по плечу. – Подальше от этих зануд. Я тебе покажу, что здесь пользуется особенной популярностью из съестного. Заодно и сам поем наконец. Звать Артур Гловер. В КОС – ама. Сминаю межличностные барьеры и растапливаю сердечки людей, точно масло на сковородке. Видал вчера милашку Жюли? Вот это попка!

Вульф улыбнулся:

– Разве ама не должна быть женщиной?

Гловер в сердцах всплеснул руками:

– Не хватало мне подколок Ямагути, так еще один умник нарисовался. Звучит красиво, и все тут!

Гловер провел Алекса к столам, уставленным разнообразной свежеприготовленной снедью, исходящей ароматным паром.

– У вас тут шведский стол, как в хорошем курортном отеле? – восхитился Вульф, рассматривая богатое разнообразие блюд, представленных на завтрак.

– С чего бы скандинавам приватизировать нашу еду? – удивился Гловер, набрасывая в тарелку себе и Алексу яичницу, поджаренные баварские сосиски, хрустящие тосты и немного салата с оливками и маслинами. – Мы, друг мой, называем это буфетом, а буфет хорош тем, что можно лопать до отвала, а потом еще чуть-чуть, пока задний клапан держит.

Вульф хмыкнул и спросил:

– Артур, а вы реальный психотерапевт или заштатный гуру с федерального инфоканала, отвечающий в дневном эфире на дурацкие вопросы из бегущей строки от прыщавых подростков и расплывшихся прокуренных домохозяек?

Гловер уставился на него с выражением человека оскорбленного в лучших чувствах и наставил вилку с нанизанной сосиской, капавшей жиром на пол, будто это было оружие.

– Получше иных прочих! – безапелляционно заявил он. – Для новичка у тебя слишком язык остер. Как проснемся, нам

с тобой надо будет пройтись по пабам округи. Устроим алкогольный марафон. Это будет битва века!

– Я мало пью.

– Человек, рожденный Александром Волковым, говорит, что мало пьет? Не смеди мою мозолистую печень!

Они устроились за столом и принялись за еду. Аппетит Гловера, как успел заметить Алекс, был поистине первобытным. Через несколько минут к ним присоединились и Беккер со Стейнбеком. Беккер принес на подносе бургер с картошкой фри. Стейнбек ограничился овсяной кашей на воде и тостом с джемом.

Прожевав очередной кусок, Алекс забросил пробный камень:

– Вчера мисс Орье упоминала избыточные нагрузки на сознание группы извлечения, состоящей из загадочных психонавтов. Сегодня вы говорите о какой-то постгипнотической фуге. Что все это значит?

Гловер попытался было ответить, нечленораздельно мыча набитым ртом, но Стейнбек властным движением остановил этот поток междометий, отложил ложку, промокнул салфеткой рот и обратился к Алексу:

– Сколь многое успела вам поведать Орье о нашей работе?

– В общих чертах. Эта информация скорее напоминала рекламный буклет, нежели что-то конкретное.

Стейнбек вздохнул с досадой:

– В этом они с Пейтоном очень похожи. Никогда не вда-

ются в излишние на их взгляд подробности. Преследуют свои собственные цели, наплевав на осторожность, методологию и разумную интеграцию проверенных терапевтических принципов в новаторскую концепцию.

– И какая же у Орье цель?

Беккер подул на домик, сложенный им из бумажных салфеток, разметав его по столу, и ответил:

– Ах, мистер серый волк, подобные сюжеты стары как мир, и завязаны они на кровной мести.

– Мести кому?

– Не человеку, но болезни, – персонифицированные маски на лице Беккера менялись как цветовая мимикрия хамелеона, зависевшая от окружения. Возвышенный одухотворенный интеллигент ушел, освободив место парню с соседнего двора. – Такие загоны хороши для слезливого девчачьего фильма, который ты смотришь в пятницу вечером со своей подружкой перед сексом, но жить ради безумцев и мертвецов? Бред полнейший!

– Все это очень мило, но отвлекает нас от сути, – оборвал его Стейнбек. – Молодой человек, что вы знаете об аппарате «Морфей»?

– Немного читал о нем. В основном это были околонуancedные статьи, блуждавшие по сети до того, как компанию Пейтона «Сновидения Инк» прибрало к рукам государство. Я считал «Морфей» чем-то наподобие очередной майнд-машины, проигрывающей человеку на сон грядущий песни ки-

тов в океане или щебет лесных птиц и сопровождающей этот аккомпанемент правильно настроенными цветовыми кодировками в линзах дополненной реальности в надежде раскрыть потаенные резервы мозга.

Стейнбек кивнул.

– Удивительно точная формулировка бессознательного мнения общественности о научной работе мистера Пейтона, которого в свое время и хотелось добиться профессиональное сообщество психиатров и психотерапевтов во главе с вашим покорным слугой. Нещадно корю себя за то, что участвовал во всем этом фарсе!

– И что же такое «Морфей»?

– Это панацея. Средство против эпидемии.

Вульф почувствовал легкий аромат мятного табака, но сперва не придал этому особого значения.

Гловер поднял взгляд от тарелки с едой и ухмыльнулся:

– Всегда забавно наблюдать, профессор, как вы падаете кверху брюхом при виде хозяина, зная, что где-то оставили лужу.

Алекс услышал приближающиеся шаги за спиной. Он обернулся и увидел Джона Пейтона – директора Конторы, одетого в стильный костюм-тройку и потягивающего на ходу электронную сигарету. Неторопливой поступью он шагал к их столику, заметно прихрамывая на правую ногу. Острый профиль лица особенно четко вырисовывался в солнечных водападах, ниспадавших через жалюзи в пустой кафетерий.

– Напрасно вы зубоскалите, Артур! – сказал Пейтон, подойдя ближе и встав за спиной у Алекса. – Все мы здесь трудимся во благо человечества. Каждый в меру своих сил и возможностей, ради общей цели. То, что мистер Стейнбек посыпает голову пеплом, пытаясь справиться со стрессом от своих давнишних просчетов, к делу не относится. Я пригласил его на работу прежде всего как прекрасного психиатра. – Пейтон положил руку на плечо Вульфа, словно хотел представить его заново: – Что же до Алекса, то не беспокойтесь на его счет. Ему не нужна вводная лекция о методиках нашей работы и всякого рода исторические экскурсы. Его роль в отряде психонавтов пассивна, и он уже обладает всеми необходимыми качествами для успешного выполнения своих должностных обязанностей. Алекс погрузится в хост вместе с нами и пройдет весь путь через коллективное осознанное сновидение в поисках семени для терапевтического модуля «Морфея», не давая забыть, что мы спим. Точка.

– Молодой человек должен понимать, во что ввязывается, – возразил Стейнбек.

– Он ознакомился с трудовым договором еще будучи в родной стране и расписался на каждой странице электронной подписью. В том числе под пунктом о дозированном информировании.

Гловер фыркнул и подмигнул Вульфу:

– Читал, что написано мелким шрифтом?

Пейтон не стал отвлекаться на это замечание:

– Вы принимаете Алекса за того, кем он кажется на первый взгляд. Думаете, он овечка, отбившаяся от отары, но это волк в овечьей шкуре. Этот человек – один из немногих, кто выжил при первых испытаниях нашими доблестными военными нейровируса «Раав» на тыловых госпитальных базах Содружества в ходе арктической кампании.

Вульф проглотил подступивший к горлу ком и с трудом восстановил сбившееся дыхание, закрыл глаза и неспешно досчитал до десяти. Зарождающийся приступ панической атаки с неохотой отступил прочь. Он обвел взглядом группу психонавтов, внимательно рассматривавших его как редкое исчезающее животное из красной книги, в связи с новой неординарной информацией, выданной директором.

– Что там произошло? – спросил Гловер.

– Из-за паралича дыхательной мускулатуры погиб почти весь персонал госпитальной базы вместе с солдатами, проходившими реабилитацию, – озвучил Вульф официальную трактовку давно минувших событий.

Гловер задумчиво почесал лоб:

– Если бы мне посчастливилось пережить подобное, я бы сунулся в эту страну с единственной целью – подтереться флагом Альянса в час пик на Таймс-сквер.

Вульф стиснул зубы:

– Я был военным врачом. В вооруженных столкновениях не участвовал, но воочию лицезрел их последствия. За время службы я отчетливо понял только одно. Человеческое эго

в масштабах подобных противостояний равняется разве что самомнению блохи.

– Некоторые блохи больно кусаются, – сказал Стейнбек, глядя на Пейтона.

Беккер же произнес, ни к кому конкретно не обращаясь, тоном учителя, невзначай пытающегося подтолкнуть своих подопечных к определенным измышлениям:

– А еще они переносят чуму...

– Так или иначе, – проговорил Пейтон, недовольно зыркнув на Беккера, – мне пришлось воспользоваться многочисленными связями нашего высокопоставленного ангела-хранителя, сенатора Паттерсона, чтобы ускорить сдачу языкового экзамена и получение Алексом сертификатов соответствия медицинского образования для оформления рабочей визы и паспорта интернационалиста. Когда Орье предоставила мне список рекрутов, то, по моему скромному мнению, он был наилучшим кандидатом. Вернее сказать, единственным достойным внимания.

– Я и не мог предположить, что вы столь азартны, мой добрый директор! – восхитился Сет.

– Мне кажется, вы спутали партии, мистер Беккер, – резко оборвал его Пейтон.

– Так точно, сэр! Приношу свои глубочайшие извинения. Мне ли подвергать сомнению ваши решения? – он покаянно склонил голову.

Пейтон тем временем дал последние указания:

– Джентльмены, отправляйтесь в лабораторию «Гипноса» и начинайте готовиться к сеансу КОС, ну а мне необходимо представить Алекса нашей сновидице. К вам она привыкала в течение многих недель перед первым погружением в ее сознание, но сейчас времени в обрез. Надеюсь, наш новый специалист проявит все свое обаяние, чтобы понравиться малютке.

Трапеза была окончена, и психонавты встали из-за стола, направившись исполнять распоряжение директора. Пейтон поманил Алекса за собой, но когда тот проходил мимо Беккера, Сет неожиданно склонился к самому уху Вульфа и прошептал:

– Наши сны – это лабиринт. Так что же мы обнаружим в вашем: Тезея или Минотавра?

Глава 4. Сновидица

Камеры сновидцев походили на некий гибрид родом из кунсткамеры, порожденный стокгольмским синдромом от противоестественных сношений детской комнаты и взявшей ее в заложники лаборатории для подопытных мышей. Каждая обладала собственным настроением, обстановкой и внутренней энергетикой. Цветовое оформление различалось кардинально от ярких и навязчивых тонов, обожаемых незрелыми умами, до мягких и нежных естественных оттенков, навевавших тихое оцепенение и сонное согласие с любой идеей. Вещи, разбросанные по комнатам, мебель и игрушки были наполнены архетипическим символизмом. Стены камер представляли собой ударопрочные экраны, на которых транслировались визуальные материалы, дополнявшие дизайн. Для сторонних наблюдателей они были прозрачны, полностью открывая весь быт сновидцев.

– Словно рыбки в аквариумах, – сказал Вульф.

Он остановился у одной из камер и уставился на ребенка, игравшего на полу посередине комнаты. Тот сидел на пестром ковре и переставлял игрушечные фигурки. Сюжет его импровизированной инсталляции был до ужаса тривиален. Это было жертвоприношение. На вершине пирамиды, сложенной из цветастых банкнот, позаимствованных из бессмертной «Монополии», восседал важный человек в деловом

вом костюме. В правой руке он держал часы, в левой – птицу. Перед ним стоял согбенный паломник в тяжких раздумьях о собственном выборе. По правую сторону пирамиды сгрудились всевозможные блага цивилизации: машинки, яхты, самолеты, дома, пальмы, Барби и Кены – улада для глаза ребенка любого возраста. По левую – палитра красок, конструктор и семейный фотоальбом. У подножия пирамиды решения паломника ожидали бесчисленные судьи: жены и дети, друзья и родители, сам Господь Бог в приемлемой для любого вероисповедания ипостаси. Несмотря на концептуальную сложность, нетипичную для детских игр, поразило Алекса другое. Сперва ему показалось, что с ребенком что-то не так, но, присмотревшись как следует, он понял, что его смущало: мальчику было около десяти лет, и налицо имелись все признаки синдрома Дауна.

– Это вообще законно? – спросил Вульф.

– Мы на государственной службе, – ответил Пейтон. – О чем может идти речь?

– Когда я слышал подобные ответы на родине, то задумывался еще глубже.

– Органы опеки и социальные службы передали этих детей на полное обеспечение, обучение и лечение в ГСПМ. Разработана целая государственная программа в поддержку нашей научно-исследовательской лаборатории, выдающая гранты кандидатам в сновидцы.

– Почему дети? Почему с синдромом?

– В чужое сознание не так-то легко проникнуть, Алекс. У него есть защитные барьеры и собственный иммунитет, а в некоторые сформированные умы лучше не соваться ни под каким предлогом. Они затянут вас в омут иллюзией спокойной водной глади, захватят, закрутят, утащат на дно и продемонстрируют картины истинно бессознательные, проросшие из толщи суровых и диких времен и корнями лежащие глубоко в генетической памяти, столь жуткие, что вы до конца дней своих будете ссаться по ночам, когда яркие безумные сны, взбудораженные психотравмой, всплывут из глубины вашего подсознания.

– И вы хотите сказать, что у детей с генетической аномалией этот процесс проходит проще?

– Дети с синдромом Дауна – это воплощенная эмпатия и любовь. Не все, но в большинстве своем это так. У них практически полностью отсутствуют сформированные барьеры и бессознательные защитные реакции против вторжения извне. Также они являются отличным коллектором информации.

Они двинулись дальше вдоль камер сновидцев среди спящих работников службы мониторинга. Некоторые были пусты, но большинство жило своей причудливой жизнью, будто полотна за авторством безумного художника-абстракциониста. В одной мальчик-подросток, сидя на жестком и неудобном стульчике, играл в популярную бестолковую виртуальную игру, а рядом на мягком диване лежала нераскры-

тая книга. В следующей – одинокая девочка бродила по зеркальному лабиринту среди десятков своих отражений, но стекла в тупиковых коридорах отображали не реальность, а сцены внутрисемейного психологического насилия.

Вульф поморщился, а Пейтон сказал:

– Люди – животные, Алекс, а мы дрессировщики в цирке. Дрессура – дело неблагодарное.

– Ненавижу цирк. Что за волшебные сны могут привидеться в подобной обстановке?

– Здесь важен не столько сам сон, сколько его идейное наполнение – семя. Терапевтические модули для «Морфея» мы программируем на базе мемов, заложенных в извлеченном из КОС семени сна сновидца. Они чрезвычайно приятны, смею вас уверить! Это максимально комфортная оболочка, где пациент каждую ночь бессознательно и с большой охотой станет выполнять бесчисленные сессии комплексных когнитивных и медитативных упражнений, налаживающих межсинаптические связи в коре головного мозга, гасящих патологически активные аффективные очаги и разжигающих электрическое пламя там, где оно флегматично погасло. Терапевтические модули назначает консультирующий психотерапевт службы психологического мониторинга согласно разработанному индивидуальному плану лечения. Все строго по назначению.

Наконец директор остановился и указал на ближайшую камеру:

– Вот мы и на месте.

Эта камера отличалась от всех предыдущих, уподобляясь скорее аскетичной монашеской келье, нежели технологичному будуару в стиле ар-деко. Голые каменные стены, простая деревянная кровать, тумбочка для вещей, несколько циновок, расстеленных на холодном полу. Небольшая библиотека включала в себя довольно специфическую подборку книг. Вульф рассмотрел корешки Библии, Корана, Трипитаки, «Размышлений» Аврелия и «О скоротечности жизни» Сенеки. Украшений было немного, но на фоне скромного убранства камеры они выделялись особенно ярко: небольшая аккуратно подстриженная лиственница в глиняной кадке, ветка сирени в керамической вазе с тонкой росписью, сад камней в уголке, омела над входом в комнату и репродукции картин импрессионистов, развешанные на стенах. Алекс не особо разбирался в живописи, но Моне и Ван Гога тяжело было спутать с кем-то другим. Они казались взрывом цвета и впечатлений посреди серой пустыни уединения, отрешенности и концентрированного внимания. Таким же, как и хозяйка комнаты.

Девочка сидела на полу в позе лотоса и пыталась медитировать, старательно пропевая мантру Ом и хитро следя за окружающей обстановкой через полуприкрытые веки. Она была одета в ярко-желтый джинсовый комбинезон и растянутую фиолетовую футболку с принтом из популярного анимационного сериала. Игрушечные кроличьи уши, диаде-

мой водруженные на голову, дополняли образ легкомысленной непосредственности, свойственной всем юным особам в этом возрасте. Рядом с ней лежал потрепанный розовый кролик с оторванным ухом и одним глазом-пуговицей.

У входа их ждала Орье, что-то проверяя в инфопаде. Они обменялись короткими приветствиями.

– Сновидица готова? – спросил Пейтон.

– Насколько это вообще возможно, – ответила Орье.

– Тогда быстро представьте ей Алекса, и отправляемся в лабораторию «Гипноса».

Орье вошла первой, а за ней последовал Вульф. Пейтон остался снаружи, выпуская густые клубы ароматного табачного дыма и просматривая накопившиеся в инфопаде сообщения.

– А-ха! – стоило им затворить за собой дверь, всю медитативную отрешенность девочки как ветром сдуло. – Целуйтесь!

– Черт возьми! – прошипела Орье. – Я совсем забыла про эту ее шутейку.

– Целуйтесь!

– О чем она говорит? – спросил Вульф.

– Однажды этой негоднице вздумалось заняться обустройством моей личной жизни. Сама еще сопли не подобрала, а меня называет старой девой. Вот и повесила эту дурацкую омелу над входом и заставляет меня целоваться с каждым вновь прибывшим в ее апартаменты гостем.

– Святые угодники! – девочка возвела очи горе. – Хватит болтать. К делу!

– Она не отстанет, – пробормотала Орье. – Времени мало, так давайте уже сделаем, как она просит. Не стоит портить ей настроение перед сеансом КОС.

– Только никаких обвинений в домогательствах, – вскинул руки Вульф. – Знаю я ваши порядки. Сами напросились.

Они неловко ткнулись губами в губы, вызвав у девочки приступ неподдельного веселья.

– Фу! – шутливо скривилась она. – В моем каменном саду и то больше страсти.

– Мы старались, – развела руками Орье.

– Да ладно... – девочка непреднамеренно растягивала слова, делала неожиданные паузы между произнесенными фразами и периодически жонглировала ударениями. – Бледненько вышло. Очень-очень по-детски. Так милуются малыши. Вы как черепашки. Выманиваются из домика вкусной виноградиной. Все врачи похожи на моего Жутю, – она потрепала игрушечного кролика за ухо. – Аж жуть берет!

– У каждой профессии свои недостатки, – ответил Вульф.

– Банни, – вмешалась Орье. – Позволь представить тебе Алекса Вульфа – нового члена отряда психонавтов. Сегодня он посетит наш общий сон в качестве приглашенного гостя. Алекс, познакомься с мисс Банни Чок, нашей выдающейся сновидицей.

– Приятно познакомиться, Банни!

Девочка поднялась с пола и сделала неуклюжий реверанс, застенчиво улыбаясь.

– Почему мисс Орье называет тебя сновидицей? – спросил Вульф у Банни.

– Все очень-очень просто, Алекс Вульф! Я вижу сны. Доктора делают из него лекарство для других людей, и им становится лучше. Правда здорово?

– Еще как!

– Алекс Вульф, Эгг говорит, что внутри тебя притаился монстр, – сменила тему Банни.

– Кто такой Эгг?

– Ее тульпа, – ответила Орье. – Стабильная самовнушаемая осознанная визуализация, способная к самостоятельным мыслям и действиям и обладающая собственным сознанием. Банни, мы с тобой уже много раз беседовали насчет Эгга. Это игра твоего воображения. Настоящий Эгг пропал, как и большинство детей из приюта «Единения».

Банни нахмурилась:

– Эгг говорит, что он очень-очень настоящий. Никакая не чертова тульпа! Сестренка Жюли знает. Просто боится сознаться. Стоит вам причинить мне вред, как не оберетесь вы бед в обед. Это у сестренки Жюли есть тульпа. Лежит в верхнем ящике прикроватной тумбочки... – она ненадолго замолчала, будто обдумывая произнесенное, а потом пожала плечами: – Так говорит Эгг. О чем это он?

Щеки Орье налились краской, а Вульф улыбнулся и ска-

зал:

– Каждому нужен кто-то сильный и уверенный рядом с собой, чтобы было не так одиноко, и жизнь не казалась энтропическим водоворотом. Путеводная звезда.

– Это правда. Когда мы были малышами, мама с папой отказались от нас с Эггом... – голос ее дрогнул от непреднамеренно вырвавшегося всхлипа, – потому что мы были бракованные. Бракованные не значит плохие, ведь правда? Жутя тоже бракованный, но я его по-прежнему люблю. Все, что у меня осталось, это братик. И Жутя. И сестренка, – она на секунду задумалась. – М-да! Не так уж и мало, оказывается.

Вульф возразил:

– Вы не бракованные. Вы просто иные, – слова оставили на языке мерзкий привкус лицемерия.

– Ты так не думаешь, Алекс Вульф. Это очень-очень видно.

– Хорошо, – Алекс выдохнул. – Хочешь знать, что я думаю на самом деле? – Орье, находясь вне поля зрения Банни, отрицательно мотнула головой, пытаясь предостеречь Вульфа, но он проигнорировал ее. – Дело тут вовсе не в вас и даже не в том, какими вы появились на свет. Просто в современном мире дети лишь мусор, оставшийся после романтического ужина. Любовь, семья – это не бурлящий в крови поток гормонов и хоровод страстей. Это автомобильное путешествие: иногда дорога ровна, а пейзажи прекрасны, но порой приходится толкать машину с пустым баком до ближай-

шей заправки. Многие к этому оказываются не готовы. Вот и все. Никаких шекспировских трагедий. Только двое людей, проваливших экзамен на семейную профпригодность. Таких пар бесчисленное множество, а посему мы получили поколение, абортированное после рождения родительской апатией, – городских Маугли, возвращенных инфосетью, искалечившей их сознание бесконтрольным потоком данных, эмоционально незрелых и неспособных к логическому мышлению, ломающихся от любого взаимодействия с социумом и одновременно страдающих от духовной изоляции. Но ты, Банни, как маяк, который поможет вывести этих больных дикарей из чащи. Ты такая же жертва слабости и безответственности своих родителей и системы их воспитавшей, как и тысячи людей по всему миру, страдающих сейчас от расстройств рассудка. Однако у тебя есть дар. Ты способна помочь исцелить их. Или, напротив, можешь пестовать свою боль, ковыряться в ране пальцем, пока не начнется заражение, носиться со своей неполноценностью, выставя ее на показ, как извращенец-экзгибиционист демонстрирует причиндалы малолеткам в парке. Выбор есть всегда, и он только за тобой.

Банни Чок смотрела на Вульфа широко распахнутыми глазами:

– Ты очень-очень не разбираешься в девушках, Алекс Вульф! Я-то хотела порцию обнимашек. Столько слов нагородил вместо этого! Но спасибо. За честный ответ. Это важ-

но для меня. Я не Жутя. Меня не нужно беречь. Я полноценный человек. Вот так-то!

Улыбнувшись Вульффу, она вышла из камеры, поздоровавшись с Пейтоном, ожидавшим у порога. Тот подал знак Орье, что пора идти в лабораторию. Девушка жестом пригласила их следовать первыми, оставив ее наедине с Алексом на пару минут.

Стоило дверям камеры закрыться, как Орье подлетела к Вульффу и, схватив его за грудки, прижала к стене с такой силой, какую не ожидаешь встретить у хрупкой девушки.

– Какого хрена ты творишь?

Вульфф удивленно вздернул бровь, обезоруженный подобным напором.

– Нет. Я серьезно. Как ты можешь нести подобную приторную чушь? У тебя ведь даже семьи нет.

– На то мы и психологи. Ради исцеления пациента мы самоотверженно врем на всех когнитивных и сенсорных слоях одновременно. Поэтому я всегда пользуюсь туалетной водой. Можно предположить, что приятно пахнуть уверенностью и правдой, но куда честнее признать, что до банального страшно и невыгодно смердеть ложью.

Когда эмоции поутихли, Орье устало выдохнула, ослабив хватку:

– Блядь! Ты ведь даже не представляешь, сколько времени я потратила на стабилизацию психоэмоционального состояния Банни после всех этих органов социальной опеки,

приютов и придурочных приемных семей, а тебе, видите ли, вздумалось прочитать ей лекцию о неприкрытой правде жизни. Это девочке, живущей под колпаком в искусственно смоделированных условиях?

– Я доверился интуиции, – Вульф мягко положил свои руки поверх ее и с заметным, но не грубым усилием оторвал их от пиджака. – Эмпатия всегда была моей сильной стороной. Я очень хорошо чувствую людей, а мисс Чок намного сильнее, чем кажется на первый взгляд. Не стоит потакать ее слабостям.

– Ты идиот, Вульф! Банни балансирует на краю пропасти. Она на грани проявления диссоциативного расстройства идентичности. То, что ты принял за ее сильный стержень, – это альтер-эго. Нельзя давать ему топливо для самоутверждения, действуя напролом.

– Я думаю, ты утратила объективность оценочных суждений. Попросту говоря, глаз замылился. Вы позволяете девочке с генетической патологией чувствовать себя беспомощной куклой, смаковать собственную депрессию вместо того, чтобы дать хорошего пинка под зад, повод для борьбы за жизнь, достойную цель существования. Кем был этот Эгг?

– Ее братом-близнецом. Тоже с синдромом.

– Характер?

– После того как родители отказались от них и передали в органы социальной опеки, он стал злым, непокорным и агрессивным.

– Закономерно. Он сделался для Банни щитом и опорой в суровых условиях приютов и приемных семей. Мальчик пробивал ей дорогу в жизнь.

– Эгг бил других детей, когда сестре причиняли боль, и она не могла дать сдачи ввиду мягкого характера.

– Любой добрый, робкий, незащитный человек в душе жаждет, чтобы за него выражали агрессию, позволяя не выходить из зоны комфорта. Куда он делся?

– Исчез при невыясненных обстоятельствах, как и большинство сирот из приюта церкви «Единения». Бюро общественной безопасности до сих пор не закрыло расследование. Банни – одна из немногих, кого удалось отыскать. После психологического освидетельствования ее забрали в ГСПМ.

– Да уж! Нелегкая у малышки сложилась судьба. Возвращаясь к нашему вопросу, подытожим. Единственный ангел-хранитель пропал и теперь проявляется в виде анимуса, ведущего ее за собой. Анимуса, но не альтер-эго. Его можно использовать для стабилизации ее психического состояния на этапах взросления и формирования полноценной личности, постепенно заменяя посторонним сильным мужским архетипом. Можно разыграть карту «наставник».

Орье вспыхнула:

– Даже отбросив незнание анамнеза, что за заключения такие? У вас врачи до сих пор прижигают раны каленым железом?

Вульф примирительно поднял руки вверх:

– Выживаем по мере сил и возможностей, не познав социального комфорта и убаюкивающей радости стабильного бытия.

– Мистер Вульф, в ваши должностные обязанности не входят заключения или суждения, основанные на внутреннем чутье.

– А я-то грешным делом подумал, что благодаря его наличию вы меня и наняли.

Кулаки Орье судорожно сжались, но через секунду она немного расслабилась, взяв себя в руки:

– Идемте. Мы и так потеряли кучу времени, – она развернулась и зашагала прочь из камеры.

– Так точно, мэм! Я прямо за вами.

Следуя за Орье в лабораторию «Гипноса», Вульф невольно пришел к выводу, что Гловер был чертовски прав в ее личностной и антропометрической характеристике.

Глава 5. Гипнос

Воздух в кабине лифта звенел от напряжения, пока они спускались на подземный этаж Конторы, где притаилась лаборатория «Гипноса», сокрытая глубоко в недрах здания. Орье молча кипела от едва сдерживаемого гнева и смотрела строго перед собой, нервно теребя желтую ленту на запястье левой руки. Вульф подумал, как бы она не прожгла взглядом дырку в створках лифта. Банни тихо напевала какую-то старую красивую песню из эпохи виниловых пластинок и патефонов. Пейтон оставался невозмутим.

– Вижу, вы с Алексом нашли общий язык, – сказал он.

– Теперь он моя путеводная звезда, – непосредственно отозвалась девочка, наматывая прядь волос на палец.

Вульф заметил, как на скулах Орье заходили желваки.

– Чудно! – Пейтон потрепал Банни по голове, как ласкают смышленную собаку, разучившую новый трюк.

Когда они вышли на нужном этаже, Орье обратилась к Банни:

– Проводи, пожалуйста, мистера Вульфа до конференц-зала. Мне надо наскоро обсудить с директором пару вопросов.

– О`кей!

Алекс бросил быстрый взгляд в сторону Пейтона. Тот кивнул. Вульф взял в руку протянутую Банни ладошку, и девоч-

ка потянула его за собой по лаборатории, словно тягач, выводящий самолет на взлетно-посадочную полосу.

Здесь все было белым, но не таким ледяным и отталкивающим, как в больнице, а теплого цвета топленого молока. Многочисленные толстые кабели вились по стенам, уходя вглубь лаборатории. Шахматная плитка на полу с непринужденной легкостью довела бы до панической атаки человека с обсессивно-компульсивным расстройством. Пахло озоном, а белый шум исчез как данность. Остались только звуки, издаваемые людьми: тихие разговоры, шаги, барабанная дробь пальцев по сенсорным экранам. Проходившие мимо работники в кремовых халатах приветствовали Банни, а та махала в ответ.

– Уже видел махину?

– Какую?

– «Гипнос».

– Я слышал это название, но так и не понял, что это?

– Это здоровенная штука для общих снов. Здесь есть место, откуда ее хорошо видеть. Пойдем покажу. Оставим сестренку в покое. Пускай повредничает.

– Почему Орье злится? Я делаю лишь то, для чего меня пригласили.

– Думаешь? Сестренка и папка вечно играют в свои надмозговые игры, – Банни выставила вперед пятерню и изобразила кукловода, управляющего марионетками. – А мы фигурки на игральном столе. Ты вторгся в ее владения. Протал-

квиваешь свое мнение. Ее метод – полный контроль. Вспомни сказку Андерсена. В нашей сказке Кай сунул под юбку Снежной Королеве раскаленную кочергу! – она захихикала.

– Ты не чувствуешь себя скованной из-за избыточной опеки?

– Я всю жизнь была лишней. Была не нужна. Никому. Сестренка заботится обо мне. Может, это клетка? Так и есть. Клетки строят из страха потерять, что любят. Такая тюрьма мне мила. Еще я уникам. Так говорит папка. Я как супергерой. Мои сны самые эффективные. Еще он говорит, что я могу лучше. Если убрать сдерживающий фактор.

Вульф вопросительно посмотрел на нее, но Банни пожала плечами, а затем улыбнулась:

– На самом деле, я очень-очень рада. Ты появился здесь, Алекс Вульф. Всего пара дней прошла. Расклад сил изменился. Настала оттепель. Сердце сестренки немного подтаяло.

– Гнев – весьма спорное средство для наведения мостов.

– Гнев лучше ее маньячного упорства. Помнишь, как в книжке было? Гроздья гнева зачастую проливаются на плодородную почву семенами любви.

Алекс фыркнул, но Банни парировала:

– Я, знаешь ли, романтичная натура. Кое-что смекаю.

– Идем, натура! Для солнечного ребенка ты больно складно языком мелешь.

– Фу! Не называй меня так больше.

– Хорошо. Не стану.

– Но суть ты уловил. Мы все страдаем по-разному. Мне очень-очень повезло. Учеба, конечно, дается тяжело. Здоровье ни к черту. Эмоции душат. Иногда я веду себя как сущий ребенок. Думать сложные мысли – все равно что идти по свежевспаханному полю после обильного дождя.

Алекс удивленно посмотрел на нее, но Банни отмахнулась.

– Это тоже из книжки. Сама такое не осилю. Со временем привыкаешь. Главное не раскисать. Смотри!

Они вышли на смотровую площадку с панорамным окном во всю стену, открывавшим вид на главный секрет Конторы. «Гипнос» располагался в просторном помещении, наполненном всевозможной аппаратурой. В сумраке мерцали экраны с кардиограммами, энцефалограммами, спирограммами, общими и биохимическими показателями крови, срезами магнитно-резонансной томографии и многими другими результатами исследований, которые Вульф не смог интерпретировать в силу незнания, но не это приковало все его внимание. На огороженной площадке с желтыми проблесковыми маячками, расставленными по периметру, высился крупный плексигласовый купол с покрытием, экранирующим электромагнитное излучение. Он представлял собой современную модификацию клетки Фарадея. Внутри находились сообщающиеся между собой флоатинг-капсулы с интегрированной системой жизнеобеспечения, выстроенные по радиальному принципу и сходящиеся к централь-

ной камере сенсорной депривации. Все они были изготовлены из электрохромного стекла, способного пропускать световые волны разной длины в зависимости от установленных настроек.

Данную информацию Алекс почерпнул в цифровом терминале, установленном на пюпитре перед панорамным окном. Сейчас на площадке копошились инженеры и техники Конторы, подготавливая капсулы и проверяя последние настройки перед очередным сеансом КОС.

– Видишь вон ту штуку по центру? – указала Банни. – В ней буду плавать я. Называется алтарь Никты.

– Насколько я помню из школьной программы по мировой литературе, от союза Гипноса и Никты появился Морфей – бог добрых сновидений. Так, по-моему, было в «Метаморфозах» Овидия. Ох уж мне эти аллюзии на древнегреческие мифы! У всех выдающихся ученых, похоже, какой-то комплекс, завязанный на сопричастность к великим средиземноморским цивилизациям старины.

– Скажите спасибо, молодой человек, что не на причастность к древним цивилизациям Южной Америки, – обронил проходивший мимо Стейнбек.

Гловер тоже оказался неподалеку. Он тихонько подкрался к собеседникам сзади и с грозным рычанием набросился на Банни, принявшись щекотать шутливо отбивающуюся и залиvisto хохочущую девочку. Без видимых усилий подбросив ее пару раз в воздух, он водрузил ее на плечи и прого-

ворил:

– Как по мне, все это отдает дешевым популизмом!

– Где будем располагаться мы? – спросил Вульф, бросив взгляд на «Гипнос».

– Психонавты расфасованы вон в тех банках, как соленые огурцы, которые, Алекс, так любят у тебя на родине.

– Они называются купели, дядя Артур! – вставила Банни.

– Купели или не купели, а главное, чтобы на склоне дня над нами поминальную песнь не пропели! – отрезал Гловер. – А посему на Вульфа мы уповаем.

От тени, отброшенной на противоположную стену смотровой площадки несущей колонной, отделился Беккер, доселе незаметный для собеседников, и пригласил их пройти в конференц-зал для брифинга.

– Идите. Я догоню, – отозвался Алекс и вновь уставился на «Гипнос».

Что-то надвигалось. Он чувствовал это. Многоликий монстр из прошлого протянул к нему ужасную длань прямоком из подсознания. Сотни расширенных зрачков вспыхивали на краю поля зрения, стоило отвести взгляд в сторону. Воспоминания, вымаранные из памяти столь милосердным разумом, вновь расцветали перед его глазами яркими красками. Пейтон напомнил ему про нейровирусную атаку, и теперь это не выходило из его головы.

«Алекс...» – прохрипел во мраке голос Анны Галандер, заведующей отделением реабилитации военного госпиталя.

С ней он периодически спал, коротая одинокие часы отгулов между длинными арктическими сменами. Она смотрела на него из отражения на стекле панорамного окна, искаженно-го болью и страхом, но лица его коснулась чужая рука. Грубая, мозолистая с обручальным кольцом на пальце. Культия на месте оторванного мизинца прочертила кровавую полосу на щеке.

– Алекс...

Вульф вздрогнул, услышав голос Орье, неторопливо шедшей в сторону конференц-зала рядом с хромящим Пейтоном.

– Если честно, я не уверена, что он справится.

Пейтона это ничуть не смутило:

– Не уверены? Мы сами выбрали его из сотни кандидатов, а теперь вы говорите мне, что в чем-то не уверены?

– Он пытается делать хорошую мину при плохой игре и напоминает мне изломанную куклу.

– Всегда испытывал патологическую тягу к сломанным вещам и собрал прекрасную коллекцию. Вы так не считаете?

Орье нахмурилась, а Пейтон продолжил:

– Довольно рефлексии, Жюли! Алекс Вульф идеально нам подходит, судя по результатам проведенных тестирований и анализу статистических показателей.

– У меня есть странное ощущение, что я искала не человека под определенные характеристики, а характеристики были подделаны так, чтобы найти конкретного человека.

Взгляд Пейтона оставался бесстрастным и абсолютно непроницаемым:

– Не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите. За годы совместной работы вам пора бы начать доверять мне.

– Ха! – только и произнесла Орье.

Они исчезли за поворотом коридора, и Алекс медленно двинулся следом, чтобы не быть уличенным в подслушивании. Когда Вульф добрался до конференц-зала, отряд психонавтов в полном составе уже находился там, рассевшись во круг подковообразного стола. Все экраны и проекторы были погашены. В помещении царил интимный полумрак. Перед каждым членом группы стоял стакан с любимым напитком и герметичная коробочка с набором капсул.

– Отлично! Все в сборе! – произнес Пейтон, жестом приглашая Алекса занять отведенное ему место. – Брифинг будет коротким. Вы все прекрасно знаете, зачем мы здесь. От себя добавлю следующее. Сенатор Паттерсон вот уже несколько недель крутит мне яйца. Он долго и настойчиво продвигал наш проект к статусу государственной службы и вправе требовать ответных преференций. Пришло время вернуть должок. Его дочь с недавних пор страдает от генерализованного депрессивного расстройства личности. Мы должны успеть подготовить терапевтический сон и начать ее лечение до того, как сей неприятный факт станет достоянием инфосети.

– Бойтесь суицидального психоза? – осведомился Гловер.

– М-да. Не хотелось бы. Психологический контакт с девочкой был утрачен. Осуществить принудительное психиатрическое лечение мы не в состоянии, не нарушив при этом действующего законодательства. Остается попробовать «Морфей». Однако ни одному отряду психонавтов еще не удалось добыть семя сна для терапевтического модуля, направленного на лечение депрессивного расстройства, из хостов, подготовленных для этой задачи. Поэтому сегодня мы собрали в кулак лучшие силы. На кону наша работа.

– Как все забавно у вас получается, – удивился Вульф. – Вы создаете лекарство в первую очередь для политической элиты, а уж в десятую – для мировой общественности?

– Ах, наивный мой Алекс! – поцокал языком Гловер. – Ты такой простак! Добрые сны не приходят к бедным девочкам. Только к тем, чьи родители способны оплатить мистеру Пейтону билет в высшую лигу.

Стейнбек смутился. Орье погрузилась в себя. Гловер ехидно улыбался в ожидании возражений. Один Беккер выглядел заинтересованным и впитывал в себя все детали беседы. Комиссар на допросе. Когда Вульф заметил это, тот нацепил на себя очередную маску и растворился в образе.

– Зачем вы смеетесь над ним, дядя Артур? – спросила Банни, сидевшая подле Орье. – Он просто честный человек.

– На словах, – ответил Гловер. – А вот как обстоит на деле, нам еще предстоит выяснить.

Орье погладила девочку по щеке:

– Проблема честных людей, Банни, состоит в том, что всю свою жизнь они сражаются с ветряными мельницами собственных представлений о жизни. Это вечная борьба между тем, что диктуется внутренней логикой социума, и тем, что правильно. Но кто определяет само понятие правильности?

– Размышлять о подобных вещах в эпоху пандемии по меньшей мере безответственно, – ответил Пейтон. – Вы не вчера родились и знаете, как устроен этот мир. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы остановить распространение эпидемии. Любой ценой. Пришло время доказать свою профессиональную состоятельность.

Глава 6. Погружение

Из конференц-зала Вульфа увел молодой дородный японец, сперва убедившись, что тот проглотил все до последней капсулы из герметичной коробочки с логотипом фармацевтической компании на крышке – красным на белом фоне мерным черпаком с обвивающейся вокруг ручки змеей.

– Ничто так не бодрит поутру, как порция первоклассных энтеогенов! – хохотнул он. Лицо его было изрыто оспинами, как поверхность Луны кратерами. – Я старший инженер-нейрофизиолог в команде по обслуживанию вашей купели, Алекс-сэмпай. В паспорте написано Хадзиме Ямагути, но друзья зовут меня Хиросима. Да не бледнейте вы так. Я не обижаюсь! Японцы сами те еще расисты и ксенофобы. Островное государство как-никак. Спросите хоть у тех же британцев. Они не дадут соврать. Если вам будет проще, то я откликаюсь и на простое Сима-кун.

– Как скажешь, Сима-кун! Какая программа у нас намечена на сегодня?

– О! Не волнуйтесь. Вам понравится. Пока ваш мозг начинает медленно размякать под маринадом из психоделиков, мы сделаем вам бесплатную лазерную эпиляцию всего тела, прочистим кишечник и возьмем все необходимые анализы. Затем упакуем в амниотический костюм, а после приступим к подключению к купели и плавному погружению в КОС.

Как вам такое, а?

– Эпиляция-то зачем?

– Забавно, что вас не удивила история с кишечником, – хмыкнул Ямагути. – Алекс-сэмпай, я хоть и маленький, но руководитель, и должен заботиться о небольшой группе подчиненных, а выскребать вашу шерсть по завершении сеанса КОС из амниотических костюмов – задача не из приятных, знаете ли. Особенно после Гловера. Из его рыжего мха можно плести амулеты и выдавать за монгольские обереги, сделанные из конского волоса. Я сам, конечно, не видел, но ребята жаловались. Что же до Жюли-сан. О-о-о! Хотел бы я поработать с ее купелью...

Подготовка к погружению не заняла много времени. Команда Ямагути работала слажено и споро. В результате на теле Вульфа кроме головы не осталось ни единого волоска – пластиковая кукла, а не живой человек. Его желудок, кишечник и мочевой пузырь были очищены и пусты. Чтобы упаковаться в амниотический костюм, пришлось изрядно подвигаться. Из-за этого энтеогены стали усиленно распространяться током крови по организму. Вульфа накрывало медленно и неотвратимо будто приливной волной. Начали мерещиться странные звуки, доносившиеся из коридора. Стон десятков разных голосов, сплетавшихся в едином хоре бессловесной боли. Шорох поступи гигантской сороконожки. Когда Ямагути коснулся предплечья Вульфа, чтобы поправить костюм, к его руке присоединились обезобра-

женные конечности из прошлого. Они бесцеремонно хватали Алекса, впиваясь пальцами в податливую плоть, растягивали и сплющивали, играя безвольным телом, как марионеткой, подвешенной за ниточки.

– Вы в порядке? – Ямагути похлопал его по щекам. – Не отрубайтесь. Потерпите еще минут десять, пока не уляжемся в купель. Следите за моим пальцем. Вот, молодец!

Вульф не без труда собрал мысли в кучу и встряхнулся. Руки пропали.

– Вот и результаты анализов подоспели, – продолжал между тем Ямагути, просматривая данные со своего инфопода. – Здоровье у вас как у быка, а вот печень подкачала.

– Немудрено. Я несколько месяцев плотно сидел на нейрофине, когда программа психологической реабилитации провалилась, не сумев помочь тем немногим, кто пережил нейровирусную атаку, – Алекс вспомнил острое покалывание в глазах от бесчисленных инъекций офтальмологическим шприцем и приятное жжение, растекавшееся от зрительного нерва по всей черепной коробке. Когда из руки вываливался шприц, она произвольно нашаривала рукоятку заряженного пистолета. Сколько раз он примерялся, чтобы нажать на спусковой крючок?

– Соскочили с нейрофина? Да у вас стальные яйца!

– Ага, – год, проведенный в армейской психушке, после того как он в одних трусах бегал по улице за прохожими с пистолетом, умоляя пристрелить его, был вымаран из биогра-

фии Алекса родными спецслужбами. Такой системный позор принято прятать столь же тщательно, как подросток прячет в своей комнате любимый носок для дочки.

– Ну а в остальном полный порядок!

Алекс оказался обтянутым с головы до пят в облегающую бежевую резиноподобную ткань, пронизанную сотней датчиков и разъемов. Непокрытыми оставались глаза, уши, носогубный треугольник и несколько точек на волосистой части головы.

– Из чего сделан этот костюм? Похож на водолазный, но материал какой-то странный.

– Вы брезгливый?

Вульф отрицательно помотал головой.

– Это кишки генно-модифицированных свинок с экспериментальной фермы при лабораториях ГСПМ. Они необходимы, чтобы создать оптимальные физиологические условия для биоэлектрической проводимости между гелем Роуча, заполняющим купель, и вашим телом.

– А эти прорези на лице и голове?

– Вокруг рта и носа – для дыхательной маски. На голове, глазах и ушах – для венца Домбровского.

– Домбровский и Роуч, никогда о таких не слышал.

– Патенты на их изобретения до сих пор засекречены. После покупки контрольного пакета акций «Сновидений Инк» спецслужбы СГА постарались на этом поприще, чтобы не допустить утечки государственных активов. Это были гении

нейробиологической инженерии. Стояли у истоков компании вместе с мистером Пейтоном.

– Почему были?

Затылок Вульфа обдало мятным табачным дымом – неизменным спутником директора, видимо, никогда не выпускавшим электронную сигарету изо рта.

– Потому что, Алекс, век гениев, как правило, яркое, но короткое. Они выжимают себя до последней капли во имя дела всей своей жизни, но и от жизни берут все, что пожелают. *Aliis inserviendo consumo.*

– Светя другим, сгораю сам, – перевел Вульф. – Самоотверженно.

В комнату вошли Орье и Гловер, полностью облаченные для погружения.

– Сновидицу уже разместили на алтарь Никты, – отрапортовала Орье. – Хост загружается в систему «Гипноса». Комиссара тоже подключили. Многочисленные личности Беккера протестируют хост на глубокой стадии на наличие опасных бессознательных реакций. Стейнбек контролирует процесс с приборов и погрузится вместе с нами.

– Пора начинать, – сказал Пейтон.

Он стал спускаться к куполу «Гипноса», а Орье последовала за ним. Трое мужчин проводили ее долгим взглядом.

– О-о-о, Жюли-сан... – протянул Ямагути.

Гловер расхохотался и хлопнул его по плечу:

– Отличная фантазия для вечерней мануальной терапии!

Верно, Хиросима?

Вульф с усмешкой уставился на пах Гловера.

– Не смотри на меня так саркастично, – парировал тот. – У меня от волнения или стресса всегда небольшая эрекция, уж так я устроен, – он тоже заспешил вниз по лестнице.

– Идемте, Алекс-сэмпай. Я провожу вас к нужной купели.

Вульф едва поспевал за Ямагути. Для такого крупного малого тот был невероятно проворен. Он, как ледакол сквозь торосы, провел его через аппаратный зал под купол «Гипноса». Внутри было свежо и комфортно. Приточно-вытяжная вентиляция в полу работала на полную катушку, создавая приятные условия для пребывания и долгой напряженной работы. Хотелось дышать полной грудью, вопреки тому что они находились глубоко под землей. Атмосфера навевала воспоминания о далеком детстве и раннем утре на реке со спиннингом наперевес.

Купель Вульфа располагалась на самой границе купола и, судя по всему, была установлена совсем недавно. Прозрачное яйцо из электрохромного стекла пестрело показаниями приборов и датчиков и было оплетено многочисленными кабелями, походя на клубок змей, решивших в полдень погреться на солнце. Крышка была откинута, и Алекс, следуя распоряжениям Ямагути, забрался внутрь пустой капсулы по приставной лестнице. Залезая, он бросил взгляд на алтарь Никты. Активированная камера сенсорной депривации становилась непроницаемой для глаз стороннего наблюдателя.

Внутри он мог разглядеть смутный силуэт девочки, парившей точно в невесомости. Дыхательные трубки и провода, отходившие от амниотического костюма, делали ее похожей на муху, застрявшую в паутине.

Забравшегося в купель Вульфа окружили две медсестры. Они ловко обклеили его костюм датчиками, а в промежуточные вены локтей поставили капельницы.

– Чем вы будете накачивать меня в этот раз? – спросил Вульф.

– Стандартный коктейль из глюкозы с физраствором, – ответила одна.

– А еще энтеогены попеременно с седативами для контроля глубины сна, чтобы психонавт не соскочил, – добавила другая.

Они напоминали сестер-близнецов, что на секунду ввело Алекса в легкий ступор, но через мгновение он понял, что всему виной униформа и одинаковые прически. Сменивший их Ямагути сердобольно проверил все проводки и капельницы, удовлетворенно хмыкнув. Он дал Вульфу немного подышать кислородом из дыхательной маски. Когда Алекс пообвык, Ямагути закрепил ее на лице. Затем он водрузил ему на голову приспособление, состоявшее из магнитных пластин, датчиков электроэнцефалографа, наушников, внедрившихся глубоко в ушные проходы, и прозрачных линз дополненной реальности на тончайших проводках, ничуть не мешавших смыкать веки. Ямагути вопросительно поднял боль-

шие пальцы вверх и, получив утвердительный ответ, бережно уложил Алекса на дно купели. Захлопнув крышку, он неуклюже соскочил вниз и нацепил беспроводную гарнитуру. Нейрофизиолог легонько постучал по микрофону указательным пальцем. Алекс ощутил безболезненные хлопки по барабанным перепонкам.

– Раз, два, три. Слышите меня?

Вульф поднял ладонь и соединил большой и указательный палец в кольцо.

– Вот и чудно! Сейчас весь обслуживающий персонал покинет купол «Гипноса», и мы начнем погружение.

Через прозрачную стенку купели Вульф видел, как Ямагути, в последний раз бросив взгляд на показания приборов, вместе с остальными зашагал к выходу, где уже мерцали короткими желтыми вспышками сигнальные проблесковые маячки.

– Только послушайте! Я разработал новую методику по снятию стресса. Сейчас проверим, работает ли она. Искусство сложения оригами из листочка, придавленного пресс-папье. Так я ее назову! Пока я иду до своего рабочего места, вкратце поясню, в чем состоит задача всей этой мудреной инженерной конструкции, в которую вас поместили как пойманную птичку в клетку, чтобы вы не терзались пространственными размышлениями, попусту накручивая себя, поскольку уверен на сто процентов, что за всей этой спешкой и суетой никто не удосужился ввести вас в курс дела. Судя по пуль-

су и артериальному давлению, вам это необходимо, – Ямагути и сам пыхтел как паровоз, но избыточное чувство ответственности не позволяло ему отдышаться. – Купель создает у психонавта сенсорную депривацию и вводит в состояние медикаментозного сна. Приборы считывают электрическую активность мозга, его ритмы и синхронизируют с ритмами мозга сновидца путем электромагнитной, нейрохимической, фото и аудио стимуляции или супрессии. Гель Роуча, синтетический биоэлектролит, объединяет все купели и алтарь Никты в единую биоэнергетическую систему. Когда система входит в состояние гомеостаза, а ритмы мозга участников резонируют друг с другом, сознания психонавтов и хост образуют единую информационную сеть. Возникает феномен коллективного осознанного сновидения.

Ямагути шумно выдохнул и смолк на несколько мгновений. Кряхтя и отфыркиваясь, он устроился на рабочем месте, быстро пробежавшись пальцами по управляющим консолям.

– Ну вот! Моя методика только что доказала свою эффективность. Если нагрузить индивида, находящегося в обстановке экстремальных факторов стресса, бессмысленной в данный момент времени абстрактной когнитивной задачей, уровень стресса снизится пропорционально полученной нагрузке. Правда, высока вероятность того, что ты просто будешь послан куда подальше, поэтому для чистоты эксперимента невероятно важно, чтобы испытуемый не мог гово-

ритель. Или запустить в тебя чем-нибудь. Или ударить. Думаю, в выходные начну писать диссертацию на данную тему, – напоследок он сказал: – Начинаем погружение. Удачи, Алекс-сэмпай, и добрых снов! Увидимся новым утром.

Прозрачные стенки купели покрылись хромированной пленкой, словно капсулу накрыло грязной волной. Матово-серая пелена медленно полиняла до кристально-белой бесконечности под аккомпанемент успокаивающего эмбиента, нежно ласкавшего слуховые нейроны. Вульф остался наедине с собой посреди ледяной пустыни без конца и начала. Камера заполнялась прозрачным вязким гелем, сначала оторвав Алекса от дна, поднимая все выше и выше, прижав к незримому потолку и, наконец, укрыв с головой, как теплым одеялом в прохладную зимнюю ночь. Он утратил все видимые и сенсорные ориентиры. Гравитация больше не имела здесь власти. Вульф поплыл на волнах расслабляющей невесомости. Сладкая дрема растекалась по клеткам его тела вместе с ударами сердца. Он растворялся в пространстве внутренней свободы.

Тревожные шорохи на границе сознания дали понять, что что-то пошло не так. Тягучий холодный страх сдавил тисками его внутренности. Вульф слышал далекие тихие стоны, всхлипы и протяжные истошные крики десятков человеческих существ, утративших свою самость. Изуродованные конечности принялись колотить снаружи по стенкам купели, оставляя черные маслянистые отпечатки на белоснежной

скатерти его умиротворения. Безжалостные руки разорвали занавес, выпуская на сцену терапевтического спектакля прогорклое и жгучее ничто вместе с мириадами спаянных лиц, корчившихся в агонии жестокого осознания своей судьбы.

Он тонул в этой имманентной боли.

Глава 7. Раковина

Осознание того, что он находится в своей комнате, пришло не сразу. Чистота восприятия будто подернулась легкой дымкой. Все вокруг было укрыто зыбким предрассветным туманом. Очертания окружения проступали постепенно, неторопливо переходя от предварительного скетча к полноценному художественному полотну. Любая попытка сосредоточиться оборачивалась полным провалом. Мысли разбегались как мыши в кладовке от включенного фонаря.

Он понуро сидел на любимом продавленном диване с обивкой, прожженной в нескольких местах оброненным сигаретным пеплом. Рядом на журнальном столике, заляпанном бензиновыми пятнами пролитого дешевого пива и усыпанном разномастными крошками недоеденных полуфабрикатов, валялся офтальмологический шприц с пустой карпулой.

Дом, милый дом.

Он натолкнулся взглядом на старую голографию родителей, с укоризной взиравших на него с запыленной книжной полки, и вновь задумался над тем, сколь многим эти люди пожертвовали, дабы вырастить и воспитать его, выучить и вывести в люди. Целая жизнь, принесенная в жертву ради его жизни. Насколько в них был силен генетический инстинкт продолжения потомства, задушивший в зародыше все выше-

стоящие ступени пирамиды потребностей Маслоу?

Все ухищрения матушки-природы вкупе с каторжными трудами стариков пропали втуне, когда за дело взялось государство. Ему вместе с немногими прочими посчастливилось пережить нейровирусную атаку. После прохождения карантина, бесчисленных диагностических процедур и наспех собранного на коленке комплекса реабилитационных мероприятий Вульфа уволили в запас из медицинской службы вооруженных сил и вернули домой. Несмотря на положительный эпикриз при выписке, Алекс чувствовал, что с ним что-то не так. В его сердце поселилась пустота, которую он пытался заполнить работой. Стол, пара стульев и бесконечные разговоры, казалось бы, что может быть проще, но задача оказалась для него непосильной. Фобии и расстройства пациентов запускали цепкие искореженные пальцы в его душу. Синдромы взирали на него из темных уголков их разумов десятками пар глаз. Алекс видел, что пациенты приходят к нему на прием не за покаянием, а за индульгенцией. Разговоров о собственной боли они боялись как чего-то богомерзкого и постыдного, требуя от доктора, которому платят, лишь одного – волшебного исцеления, что подается к завтраку услужливым официантом как кофе на блюдечке. Никакой работы мысли и напряжения души. Это было чересчур сложным. Полное беззаботное выздоровление за соразмерную плату. Таково было их требование, и все же разум – это не прическа, ногти или обвисший живот. Его не подстричь,

не покрасить, не подтянуть. В их умах и сердцах жили драконы. Они были старыми, алчными и полными злобы. Они не терпели пререканий, и каждая монетка, заплаченная за видимость лечения, была подношением к алтарю этих древних хищных змеев. В конце концов Алекс дрогнул под их гнетом, и его разум стал подтачивать червь сомнений. Психика Вульфа, наспех склеенная после Арктики, не выдержала бессмысленной серости и беспросветной глупости рабочей рутины. Он стал ментально искалеченным убожеством, негодным даже для простой врачебной работы психологом в частной практике. Как славно, что старики не дожили до того момента, когда он трясущимися руками стал колотиться нейрофином, хотя бессмысленные жертвы ломают лишь тех, ради кого они принесены. Агнцы же априори сияют верой абсолютной решимости, пусть их и тащит на алтарь хомут нейрохимических реакций и незримая длань коллективного бессознательного.

Алекс поднялся с насиженного места, скрипнув пружинами дивана, и прошел к зеркалу в ванной комнате. Это и вправду был он, образца нейрофиновой зависимости. Растянутый свитер. Свалявшиеся колтуном давно немые волосы. Многодневная и жесткая, как обувная щетка, щетина. Бесчисленные комариные укусы с точечными кровоизлияниями от иглы офтальмологического шприца на белках глаз. Чувство безнадежной обреченности, застывшее на тонких губах с опущенными уголками.

«Это сон или, напротив, вся история с работой в государственной службе психологического мониторинга была горячей фантазией посреди очередного прихода? Я так и не сдвинулся с места. Просто рехнулся. Дал тоске, боли и страху сломить себя».

Где-то в глубине комнаты на экране инфопанели, постоянно включенной, чтобы отогнать липкое и щемящее чувство одиночества, сработал оповещающий сигнал о новом доставленном электронном письме. Алекс вернулся в комнату и взмахнул рукой перед сенсорным датчиком, открывая почту. В сообщении подтверждалась заинтересованность в его кандидатуре на должность психотерапевта. Отправителем числилась зарубежная компания «Сновидения Инк», послужившая несколько лет назад фундаментом для организации государственной службы психологического мониторинга в структуре здравоохранения США. В конце письма он обнаружил с десятков прикрепленных ссылок на онлайн-тестирования и солидный перечень анализов, которые ему необходимо было сдать, чтобы перейти на следующую стадию отбора рекрутов.

От сухого ответа на его запрос, сделанный в порыве глубочайшего отчаяния и напоминавший письмо в бутылке от потерпевшего кораблекрушение на необитаемом острове, в душе зародилась робкая надежда на лучшее. Однако просвет в тучах оказался вспышкой молнии. Алекс чувствовал диссонанс в воспоминаниях. Не то время и место. В реальности

все было иначе.

Перед ним разверзлось черной дырой бездонное дуло пистолета. Он наставил ствол с взведенным курком прямо на глазное яблоко. Большой палец правой руки нервно скользил на спусковом крючке. Алекс вновь был готов покончить с собой, но теперь куда менее приятным способом.

Пистолет нежно прошептал ему:

– Кто сказал, что истовый гедонизм не лучший способ самоубийства?

Он расположился в плетеном кресле посреди своей комнаты, но уже в другой квартире. Его приятели говорили, что она может служить выставочным стендом в крупном мебельном магазине. Стандартные решения. Никакой изюминки. Словно здесь никто не живет, а скорее имитирует жизнь, больше похожую на иммерсивную симуляцию. Так и было. После длительного пребывания в армейском психиатрическом диспансере, увенчавшего его антисоциальный марафон случаем с неконтролируемым агрессивным эксгибиционистским поведением по отношению к согражданам и последовавшим вооруженным нападением на оных (врачи называли это просто «эпизод», не углубляясь в детали), он честно пытался собрать жизнь, расколотую на куски. Ходил в группы поддержки, организованные благотворительными фондами под патронажем вооруженных сил. Помогал в реабилитации ветеранов с посттравматическим стрессовым расстройством. Посвятил благому начинанию все время, силы и зна-

ния, полученные в медицинском университете до мобилизации офицеров запаса. Но тщетно! Зияющая пустота не желала рубцеваться. Обозначилась явственная необходимость в государственной поддержке по многим аспектам социальной жизни. Нечто большее, чем пара вечеров в месяц, на которых выгоревшие дотла, опустошенные люди пытались раздуть друг в друге последние тлеющие искры интереса к физическому существованию. Многие на его памяти накладывали на себя руки. Выходили из дверей реабилитационных центров, чтобы никогда больше не вернуться. Казалось, что всем вокруг наплевать. Политиков и прочих функционеров издревле интересовало одно преумножение власти и контроль безграничных финансовых потоков, но никак не служение народу. Какое им было дело до горстки ментальных калек, брошенных их же рукой в мясорубку борьбы за сферы влияния, если только участие в их жалких судьбах благоприятно не скажется на репутации? Выхода не нашлось, и рана вновь принялась кровоточить.

Инфопанель призывно звякнула оповещением о новом доставленном письме. Отправитель – «Сновидения Инк». Его кандидатура одобрена.

Пистолет с гулким стуком упал на пол. Алексу пришло на ум воспоминание из детства: крепкая рука брата, вытащившего его из реки, когда он чуть было не утонул, едва научившись плавать.

«Почему ты не барахтался? – спросил он тогда. – Почему

не звал на помощь?»

Алекс всю жизнь шел на дно молча, гордо и с достоинством. Подвернувшаяся вакансия стала для него якорем, не позволившим жизненному шторму унести его в открытое море. Навязчивые фантазии о загадочной и будоражащей разум работе мечты далеко за океаном вернули ему интерес к жизни.

«Якорь».

Слово что-то значило, но он толком не мог вспомнить, что именно. Мысль ускользала, но Алекс вот-вот был готов нагнать ее.

Резкий хлопок взрыва тараном врезался в оконное стекло. Ударная волна отбросила Вульфа на пол, засыпав всю комнату осколками и обрывками портьер. Тонкий комариный писк, застрявший в ушах, поразительным образом контрастировал с наступившей звенящей тишиной. Он с трудом поднялся на ноги и стал осторожно пробираться к зияющей дыре, оставшейся на месте окна, стараясь не наступить на битое стекло.

Выглянув наружу, Алекс не обнаружил никаких видимых повреждений и следов взрыва. Подворотня была пуста и безжизненна. На улице горело тусклым светом несколько фонарей. К его дому была приторочена толстая цепь, уходившая многочисленными звеньями в непроглядную темноту. Небольшой магазин на углу был закрыт на ночь, хотя над входом призывно помаргивала кислотная вывеска «24 часа».

Окна дома напротив глядели на него слепыми занавешенными глазницами. Лишь одно из них сияло ярким болезненным огнем. В проеме он разглядел Жюли Орье. Она стояла посреди больничной палаты и пристально, как в зеркало, всматривалась в окно. Проводя руками по плавным изгибам своего тела, вертясь и так и эдак и ероша волосы в различных вариациях причесок, Жюли казалась самой обычной девушкой, сбросившей маску ученого-трудоголика и требовательного менеджера. В эти мгновения она выглядела свободной от тягот незримой многолетней ноши и расцветала буквально на глазах. Когда из глубины палаты раздался сигнал вызова от пациента, все вернулось на круги своя. С укоризной посмотрев на свое отражение, она разочарованно улыбнулась и понуро побрела прочь, скрывшись из виду.

– Жюли! – крикнул Вульф, но надсадный призыв натолкнулся на плотную незримую мембрану, поглотившую звук его голоса. Все равно что орать в вакууме.

Мерзкий и протяжный скрежет дверного звонка заставил Алекса вздрогнуть. От неожиданности он отпрянул от окна, потерял равновесие и наступил босой ногой прямо на грудку осколков. Боль была странной. Медленно нарастающая тяжесть в мышцах ноги, а затем спазм. Он потянул мышцы насколько смог, и боль неторопливо отступила, оставив при движении легкую скованность. Отряхнув ступню от осколков, Вульф не заметил ни единого пореза. Звонок повторился, и он, уже без особого страха перескакивая через битое

стекло, ринулся к двери. Пара поворотов замка, и рука привычно потянула дверь на себя, обнаружив за ней потрескавшуюся стену из красного кирпича. Никаких просветов или щелей. Алекс поковырял ногтем цементный шов. Тот слегка раскрошился, но не более. Свежим он не выглядел точно. Кто-то на другой стороне зажал кнопку, и душераздирающее дребезжание заполнило всю комнату.

Вульф принялся бить по стене кулаком и ногами.

– Эй! Я здесь! – крикнул он.

Никакой ответной реакции. Наконец звон стих, и Алекс обессиленно сполз по стене на пол.

– Что за херня тут творится?

Незнакомец позвонил еще несколько раз. Не выдержав, Вульф достал из кладовки швабру и принялся колотить по динамику дверного звонка, висевшему над входом. Он успокоился, когда разбитая серая коробочка упала к его ногам. Звонить после этого она не перестала. В сердцах Вульф захлопнул входную дверь, вдавив динамик в кирпичную стену. Тяжело дыша, он отбросил швабру в сторону и заметил нечто весьма странное. Через дверной глазок в комнату пробивался тонкий лучик света. Заглянув в него, Алекс разглядел плохо освещенный подъезд и Артура Гловера, одетого в строительную спецовку. Он смотрел по сторонам и задумчиво почесывал затылок.

Вульф прислонил губы к замочной скважине и прокричал:

– Гловер, я не могу выбраться из этой чертовой комнаты!

Когда Алекс снова посмотрел в глазок, Гловер настороженно прислушивался, буквально прилипнув к двери ухом.

– Вульф? – спросил он голосом из телефонной трубки при слабом сигнале связи. – Это ты?

– Да!

Гловер принялся методично простукивать дверь, а Алекс отвечал ему как мог, но, похоже, тот его не слышал. Вульф заметался по комнате. Нужно было каким-то образом подать знак. Его взгляд наткнулся на пистолет, валявшийся на полу рядом с плетеным креслом. Он подхватил его, передернул затвор, отправив патрон из обоймы в ствол, и взвел курок. Алекс поднес пистолет к двери, прицелился в потолок и выстрелил. Уши заложило от грохота, а от пороховых газов стало першить в горле. Он сплюнул горечь, скопившуюся на языке, и вновь припал к глазку.

Гловер, пригнувшись, сидел у стены напротив и тревожно озирался по сторонам.

– Алекс, ну ты и сволочь так пугать! Если слышишь или видишь меня, отойди в сторону. Я попробую вскрыть раковину, отделяющую сознательное от бессознательного, и выпустить жемчужину эго твоей личности в КОС.

Он достал из набора подручных инструментов раскладную кувалду и стал примеряться, чтобы сделать пробный удар. Вульф открыл дверь со своей стороны и сделал шаг назад. Раздался глухой отдаленный стук, но больше ничего не произошло. Одиночные удары о стену перешли в равно-

мерную монотонную дробь, растянувшуюся на долгие и напряженные минуты ожидания. Ни один кирпичик не сдвинулся с места за все это время. Вульф заметил, что крупный цементный шов слегка раскрошился на уровне живота. Алекс торопливо очистил образовавшуюся трещину от стывшего раствора и заглянул в получившуюся толщиной с ладонь щель. Где-то далеко на другом конце кладки он увидел глаз Гловера, пытавшегося хоть что-то рассмотреть.

Заметив Алекса, Гловер принялся ворчать, но слышно его было с огромным трудом:

– Черт возьми, ну ты и броненосец! Знал бы заранее, с пользой потратили бы прошлую ночь на марафон по пабам округи. Хоть немного растопили бы лед, а так бестоляк! Попытайся выбраться через соседнюю квартиру. Ту, что справа, – он указал пальцем направление. – Там в пещере бессознательного скопилась целая кунсткамера твоих заскорузлых комплексов, но я смог проделать брешь, а здесь мне никак не пробиться. Уйдет уйма времени. Пойдем навстречу друг другу. Жду тебя, парень!

Он подхватил ящик с инструментами и скрылся из поля зрения.

Вернув пистолет на предохранитель, Вульф сунул его за пазуху и пошел обратно к окну. Другого способа выбраться из комнаты он не видел. Перекинув ноги через подоконник, Алекс уперся ступнями в узкий парапет, протянувшийся по внешней стене дома между этажами. Он посмотрел в направ-

лении, указанном ему Гловером. До окна соседней квартиры было чертовски далеко. Тринадцатый этаж также не добавлял энтузиазма в подобном перемещении, зато немного радовал полный штиль.

Когда Алекс приготовился сделать первый шаг, ему бросилось в глаза то, с чем он подсознательно боялся столкнуться. Толстая цепь была оборвана. Гротескная тень возникла на стене соседнего дома. Она росла и искажалась. Все повторялось, как тогда в Арктике. Сонм хаотично переплетенных туловищ, рук, ног и голов. Гигантская сороконожка из человеческих останков выползала из тьмы. Она медленно продвигалась, судорожно подергиваясь и извиваясь в кататоническом танце. Вульф, оцепенев от страха, ввалился обратно в комнату.

Защита знакомых стен оказалась иллюзией. Внутри его ожидало не меньшее потрясение. На разложенном диване, застеленном армейским бельевым комплектом, в живописной позе возлежала Анна Галандер, едва прикрыв наготу простыней.

- Ты опоздал! – возмутилась она.
- Не надо, – прошептал Алекс. – Не сейчас.
- Где ты был, пока я медленно подыхала в твоей конуре?
- Пытался спасти солдат и персонал госпиталя.
- Так тебе хотелось бы думать. Я прождала всю ночь, пока ты был на смене в стерильной зоне, и уснула, а очнулась уже от воя сирен, не в силах пошевелиться и даже пискнуть.

Знаешь, каково это – с ужасом ловить каждый вдох, боясь, что он последний? Когда безмолвно вопящий рассудок заключен в разваливающуюся тюрьму из плоти?

– Прекрати!

– Нет! Конечно, ты не знаешь. Ты спрятался в хирургическом корпусе и даже не вспомнил обо мне. Хочешь услышать, что было потом? Это самое интересное! Пришли эти черноглазые ублюдки и выпотрошили меня как свинью. Да! Они не дали мне умереть так просто. Ты помнишь это. Верно?

Вульф зажмурился, обхватив голову руками, но грубые мужские ладони повернули его лицо к окну. Обнаженное туловище с головой Анны было вплетено в мозаику из солдат и других сотрудников армейского госпиталя вперемешку с биоботами, поддерживавшими жизнь в этом противостественном создании при помощи встроенных автономных систем жизнеобеспечения. Их плоть, сосуды и нервы стали единым целым. О разуме лучше было не думать вовсе.

– Знаешь, что я почувствовала, осознав себя в таком состоянии?

Ее красивое и нежное лицо исказилось гримасой ужаса и отчаяния. Светло-голубые глаза налились багрянцем безумия, а губы мелко задрожали. Рот раскрылся, а глотка издала такой истошный и полный страха вопль, что Алекс отшатнулся, вырвавшись из цепких рук, и, выхватив пистолет, выпустил в монстра всю обойму до последнего патрона.

Тварь рухнула вниз, но Вульф не стал проверять, жива ли она. Полуночные монстры, порожденные кошмарами, никогда не погибают.

«Это сон! – родилась пространная мысль. – Мне надо проснуться, и все закончится».

Внезапно Вульф потерял контроль над собственной моторикой. Он проваливался в тягучую бесконечность без возможности уцепиться за что-то стабильное. Алекс взмок, но оказалось, что это вовсе не пот. Все его тело было покрыто прозрачной вязкой субстанцией. На короткое мгновение между взмахами век перед глазами промелькнула белая пустыня без конца и начала. Затем навалилось тягостное сонное оцепенение, и Алекс вновь пришел в себя посреди комнаты, стоя коленями на битом стекле.

Игрушечный розовый кролик с одним ухом и глазом пуговицей валялся на кровати там, где лежала Анна. От прикосновения Вульфа он ожил, спрыгнул на пол и принялся барабанить по журнальному столику, призывая Алекса следовать за собой. Вульф пошел за ним, периодически оглядываясь на разверстную пасть выбитого окна. Кролик проскакал в ванную комнату, и через секунду Алекс услышал звучный всплеск воды в туалете.

Вульф посмотрел на отражение в зеркале. Двойник бросил взгляд на унитаз и сказал:

– Мы оба прекрасно знаем, что ты был рожден для этого!

Глава 8. Ама

Вульф вынырнул из воды, судорожно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Откашлявшись и отплевавшись, он огляделся. Алекс оказался на середине карстового озера, запрятанного глубоко в пещере, испещренной сталактитами и сталагмитами. Единственным источником света был солнечный водопад, ниспадавший через узкую воронку, пробитую в своде пещеры. Он отбрасывал мириады бликов на гладь озера и погружал огромное гулкое пространство, наполненное зловещей капелью, в полумрак, сотканный из теней и смутных силуэтов.

Вульф поплыл к едва различимому берегу. Сперва он заметил пляшущее в темноте пятно света. Светлячка в ночи. Затем услышал невнятное басовитое бормотание. Когда глаза немного привыкли к окружавшему его сумраку, Вульф увидел человеческую фигуру с налобным фонарем на голове.

– На этот раз ты вляпался по полной программе, братец! – услышал Вульф грубоватый женский голос, шедший из темноты.

– И не из таких передраг выбирались, Лин, – парировал Гловер. – Ты знаешь.

– Конечно, но даже если ты выпутаешься и останешься в здравом уме, как собираешься передать в бюро информа-

цию?

– Не знаю. Пока. Дождусь подходящего момента. Он настанет. Нужно набраться терпения.

– Надеюсь, ты не рехнешься, дожидаясь момента. Ты стал одержимым.

– Я не дам повториться тому, что произошло. Ни с кем. Никогда.

– Посчастливилось же папаше работать на той проклятой фабрике...

– Вопрос случая. Были, есть и будут другие. Пока общество проповедует терпимость, мир тонет в беззаконии. Я обязательно докопаюсь до правды. Мы прижмем к ногтю этих жирных корпоративных свиней.

– Дурак, ты забываешься! «Сновидения Инк» не простая корпорация. Это государственная служба, как и бюро.

– Мы служим обществу, а не государству. Каждое государство лишь ширма, чтобы творить любое зло, прикрываясь патриотизмом, долгом, борьбой за безопасность и равноправие. Принципы те же, что и у корпораций. Разница только в иллюзии общественного контроля. Потому мы здесь. Превращаем иллюзию в реальность.

Вульф от неожиданности громко шлепнул руками по воде, внезапно натолкнувшись ступней на поросшее илом дно. Луч фонаря метнулся к нему, и он прикрыл глаза ладонью от слепящего света, продолжив аккуратно выбираться на берег.

– Вульф? – удивился Гловер. – Я думал, ты свалишься с

потолка.

– Обстоятельства сложились иначе. Пришлось пойти напрямик.

Гловер спустился по острым, как бритва, камням, подал ему руку и помог выбраться из воды.

– С кем ты разговаривал?

– Со своей почившей сестрицей, – он нежно погладил медальон с памятной голографией, свисавшей с его бычьей шеи. – Мы все тащим в КОС избранное говно из своих голов, Алекс. Судя по этой пещере, ты и сам не святой.

Вульф огляделся. Известняковые образования, наполнявшие пещеру, отражали окаменевшие сценки из далекого прошлого, которые Алекс скрыл в глубинах подсознания и предпочел бы не вспоминать никогда. Мальчик, спрятавший оброненный богатой одноклассницей инфопад самой последней модели. Первая проба пера в бездумной мастурбации с терпкой ноткой вуайеризма при виде оформившихся старшеклассниц, загорающих на берегу озера. Позорное бегство с поля боя мальчишеских банд. Брошенный прямо посреди городских улиц в состоянии глубокого наркотического прихода университетский товарищ, перебравший с химией. Колонна сталагната, подпиравшая своды пещеры и состоявшая из слеplенных как попало останков работников армейского госпиталя. Одинокaя фигура, сидевшая посреди пустой комнаты с пистолетом в руке.

Вдоволь насмотревшись на гротескные каменные извая-

ния, от вида которых на душе сделалось до невозможности тошно, Алекс предпочел сменить тему разговора.

– Во что ты ввязался, Артур? О чем беспокоилась твоя сестра?

– Мы все ввязались, Алекс. Мы все завязли по самые помидоры. В последние недели психонавтов пачками свозят в конторский дурдом на пятом этаже. Пейтону позарез нужно создать треклятый терапевтический модуль для лечения депрессивного расстройства. То, что он самолично поперся с нами в КОС, говорит о многом. Он поставил все на zero. Директор предпочтет сгинуть вместе с нами в пучине безумия, чем бессильно наблюдать со стороны крушение своих долбанных планов.

– Если все настолько серьезно, что заставляет тебя рисковать?

– Кругленькая сумма, падающая на банковский счет по завершении каждого сеанса. У меня, знаешь ли, есть некоторые обязательства в жизни.

– Прочими резонами не поделишься?

– Нет! – осклабился Гловер. – Пожалуй, не сегодня. Сперва надо присмотреться к тебе. Зачем во все это полез?

– Искал хоть какой-нибудь повод жить дальше.

Гловер сплюнул под ноги:

– Большой убудок! Неужели я сваял дурака, решив первой вытащить жемчужину твоего эго из раковины сознательного? Хотя, чего греха таить, так приказал директор. Он ска-

зал, что с якорем я не провалюсь в глубины хоста. В последний раз еле добрался до Орье. Застрял надолго. Потом месяц не мог спать без лекарств, а днем по десять раз бил себя по щекам, чтобы осознать реальность происходящего. Постгипнотическая fuga. Так они это называют. В любом случае без шерпы мы не найдем дороги к другим психонавтам и самости Банни с семенем сна.

– Самости?

– Самость – это ось личности каждого человека, где наступает баланс между сознательным и бессознательным и зарождаются лучшие идеи. Там созревают семена будущих терапевтических снов. Самость в хосте Банни приобрела архетипичный образ самого надежного и знакомого места, которое девочка имела в жизни. Ее камеры, – он поманил Вульфа рукой. – Идем. Впереди длинный путь.

Они стали подниматься к расщелине в стене пещеры. Вода в озере начала прибывать, и психонавты ускорили шаг. Свет, ниспадавший через карстовую воронку, обратился белой жидкостью, растворявшей известняк скальных образований, сковавших комплексы и страхи Вульфа. Его детские фобии сбросили панцирь прожитых в сублимации и отрицании лет и ринулись на психонавтов. За ними гнались злобные городские мальчишки и едкие, как щелок, старшеклассницы, готовые порвать их в лоскуты. Им вслед летели острые камни и скабрзные оскорбления вперемешку с ненормативной лексикой, достойной блошиного рынка в разгар субботнего

дня. Один обломок известняка достиг цели и ударил Алекса по спине. Он споткнулся и упал на землю, но тут же был поднят за шкирку Гловером.

– Наверх! Живо!

Они бежали по грубо вытесанным в скальной породе ступеням все выше и выше, продираясь сквозь слои пыли и паутины. Гловер на мгновение обернулся, чиркнул зажигалкой и поджег оборванные шелковые нити. Яркая огненная стена ненадолго задержала погоню.

– Да уж, Алекс! К глубинному самоанализу ты явно не склонен.

Расщелина заканчивалась тупиком. Они добрались до узкой приставной лестницы, оставленной здесь Гловером и поднимавшейся к резной деревянной двери у основания свода пещеры.

– Лезь первым! Я за тобой!

Вульф без колебаний полез наверх, а Гловеру пришлось задержаться. Фобии настигли их, и нужно было срочно что-то предпринять. Он пошел к ним навстречу, широко расставив руки и демонстрируя отсутствие каких бы то ни было дурных побуждений, за что моментально удостоился шматка грязи, прилетевшего ему прямо в лицо.

– Эй, молодежь, хорош! – прикрикнул он. – Попридержите коней. Я вас не боюсь и даже не хочу знать, кто вы нахрен такие. Давайте вдохнем поглубже и выпустим пар. Хотите услышать старую добрую шутку?

– Засунь в задницу свое старперское дерьмо, рыжий хер! – выступил вперед самый задиристый паренек из компании. – Нам нужен не ты, а тот ссыкливый мудака! С дороги!

– Знаю-знаю, но вы все же послушайте. Знаете, зачем родители покупают детям домашних питомцев? Чтобы расширить их кругозор. Собаки учат преданности. Кошки – независимости. А можете представить, для чего нужны хомяки?

Повисла безмолвная пауза. Подростки окружили Гловера стаей гиен. Вульф добрался до вершины лестницы и бросил взгляд вниз. Следовало смелее противостоять юношеским страхам и комплексам.

– Слышите, придурки? – перевел на себя внимание Вульф. – У хомяков задача в духе Иисуса – показать детям смерть!

Алекс расстегнул ширинку и принялся мочиться на компанию подростков прямо с верхотуры. Несколько капель долетели и до Гловера.

– Вульф, твою же мать... – договорить он не успел, потому что мимоходом получил палкой по голове.

Толпа улюлюкающих подростков ринулась вверх по лестнице. Алекс раскрыл деревянную дверь и вывалился в подъезд, чуть не споткнувшись об ящик с инструментами, оставленный Гловером. Подхватив кувалду, он пробежал немного вперед. По обе стороны коридора шли цифры с одинаковыми номерами квартир, звонки и обувные коврики, но сами двери отсутствовали вовсе. Вот отчего Гловер так долго не

мог найти его комнату. Посреди коридора стоял уборщик и мыл полы видавшей виды шваброй, насвистывая какую-то популярную мелодию.

– Куда это вы собрались на ночь глядя, молодой человек? – бросил он, не оборачиваясь. – Все добрые люди уже давно почивают в мягких кроватках и отдыхают перед новым трудовым днем. Одна шваль шляется.

Это был мужчина, очень похожий на Беккера. С седыми длинными волосами, собранными в хвост. Кустистыми, вислыми, как у моржа, усами. В потертой спецовке клининговой службы.

– А вы не особо общительный жилец, верно? – хмыкнул он, кивнув в сторону отсутствующих дверей. – Мне-то по барабану, чем вы занимаетесь в четырех стенах, главное не создавайте проблем. Мы поняли друг друга?

Вульф кивнул.

Позади послышался приближающийся топот нагнавших его фобий. Подростки, выбравшиеся в коридор, двигались вперед, сбившись плотной кучкой. Вульф перехватил было кувалду поудобнее, но уборщик с укоризной посмотрел на него и неодобрительно помотал головой, обмакнул тряпку в ведро и вышел им навстречу, оставив Алекса за спиной.

Он отчертил линию мокрой тряпкой и прикрикнул на них:

– Нечего здесь ночью шататься, шантрапа! Уборка идет! Натопчите мне еще тут. Ну-ка быстро все по домам! Поди и восемнадцати-то никому нет, а алкоголем разит за версту.

Если сейчас не исчезнете с глаз моих, всем родителям доложу, а уж они устроят вам сладкую жизнь. Быстро-быстро! Кыш отседова!

Недовольно ворча и недобро зыряка на Вульфа, подростки стали разбредаться по квартирам. Кирпичная кладка на месте заложенных дверей распускалась мозаичным цветком, давая им проход, и вновь собиралась в монолит, надежно запирая их внутри. Уборщик вернулся к своему меланхолическому занятию, больше не обращая на Алекса никакого внимания.

Вульф отбросил кувалду и кинулся обратно к деревянной двери, через которую он выбрался из пещеры. Нужно было проверить, что случилось с Гловером. Долго переживать не пришлось. Кряхтя и ругаясь, по приставной лестнице наверх забрался Артур собственной персоной.

– Живой? – успел спросить Вульф, подхватив его.

– Живее видали! – буркнул Гловер, отирая залитое кровью лицо.

– Еще один неслух нарисовался! – прокомментировал уборщик, удостоив их мимолетным взглядом, и продолжил драить полы.

– О! Комиссар здесь, хвала небесам! Без него, Алекс, ты бы огреб по полной программе.

– Или, напротив, наконец справился со своими страхами.

– Я видел, как ты пытался. Выдающаяся работа, ничего не скажешь. Дерьмо, одним словом. Тебе что, тринадцать лет,

чтобы так по-животному реагировать на внешнюю агрессию?

– Само собой вышло.

– Само собой... – пробурчал Гловер и сполз на пол.

Он оторвал от рукава спецовки кусок ткани и перевязал голову.

Глядя на рану Артура, Вульф спросил:

– Что произойдет, если мы погибнем в сеансе КОС?

– Сменятся фазы сна, что крайне затруднит наше продвижение к цели.

Алекс помог ему подняться на ноги и бросил взгляд на ящик с инструментами.

– Заберем с собой?

– Не-а! Это грубый инструментарий. Нужен при первом погружении, чтобы порвать целку твоему девственному разуму и вытащить жемчужину эго личности из раковины сознательного в КОС. Правда, таких старых дев, как ты, я отродясь не видал. Ну да ничего! Справились же худо-бедно. Вот с Орье предстоит повозиться. Чтобы проникнуть в ее глубины, придется приложить всю фантазию!

– Эти барные шутки, похоже, никогда тебе не наскучат.

– Точно! Уж так я устроен.

Поддерживая друг друга, они двинулись к общедомовому лифту, минуя Беккера.

– Комиссар не пойдет с нами? – спросил Вульф.

Гловер отмахнулся.

– Личины Беккера сами по себе и пропитывают хост на всех слоях и фазах. Он полностью погружен в роли и станет помогать нам в единственном случае. Если мы играем по правилам социума. Комиссар – местный аналог полицейского. Взаимодействует с коллективным бессознательным. С теми механизмами, что выработались за время существования человека «социального». Персоной, масками и прочим общественным камуфляжем. Он наш оберег от дерьма из подсознания, но даже комиссар не сможет уберечь от серьезных проблем. Для этого есть Стейнбек, но до него путь неблизкий, и одна Орье способна отыскать дорогу. Поэтому, Алекс, пока держи своих демонов на цепи, будь добр.

Поперечная трещина в стене на месте одной из дверей, где безуспешно пытался пробиться Гловер, заставила Вульфа остановиться, присесть на корточки и заглянуть внутрь. На другом конце царил таинственный полумрак. Очертания комнаты угадывались с трудом и дорисовывались по памяти. Где-то вдалеке щелкнул переключатель напольной лампы, осветившей из темноты его самого, сидевшего в плетеном кресле с простреленной головой. Черепная коробка напоминала лопнувший перезревший арбуз. Раскученная глазница была прикрыта багряной коркой из спекшейся крови. Рука безвольно свисала над оброненным пистолетом. В углу комнаты стоял мальчик в пепельно-серой рясе послушника одной из новомодных церквей и сжимал в руках тумблер напольной лампы. Лица его видно не было, одни губы,

а они кривились в ехидной ухмылке. Он щелкнул кнопкой, и комната вновь погрузилась во тьму.

– Увидел что-нибудь интересное? – осведомился Гловер.

– Нет. Идем отсюда!

Лифт распахнул облупленные створки с противным металлическим скрежетом. Свет внутри предательски помаргивал. Стены были ободраны и обклеены простенькой голографической рекламой. Гловер нажал обугленную сенсорную кнопку первого этажа.

– Надеюсь, ты не боишься замкнутых пространств? – спросил он.

Вульффу стало не по себе от вопроса. Прикрыв глаза, он почувствовал свое тело, подвешенное за ниточки посреди безмолвной белой бесконечности. Оно барахталось в невесомости зародышем в матке матери. Алекс запаниковал и выбросил руки в стороны, пытаясь остановить бесконечное падение. Ладони уперлись в незримые покатые стены. По венам вместе с кровью стала растекаться расслабляющая волна. Навалилась одурманивающая сонливость, и, сомкнув веки в очередной раз, он вновь очутился в обшарпанном лифте напротив Гловера. Отчего-то Вульффу вспомнилась его первая встреча с Орье.

– Воу-воу! Полегче, парень! Ты что, способен выпадать? Десинхронизировать с хостом по собственному желанию?

– Что ты имеешь в виду?

– Это значит, что пока мы заперты в этом дурдоме, ты

можешь в любой момент улизнуть. После извлечения семени ты вытащишь нас вместе с собой в явь, на твердую землю.

Лифт остановился, выпуская психонавтов на волю. Они очутились на крыше дома вместо обещанного первого этажа.

Вульф бросил вопросительный взгляд на Гловера.

– Путешествия в снах парадоксальны, – ответил тот на невысказанный вслух вопрос. – Ты можешь зайти за угол, а оказаться на стадионе любимой футбольной команды из своего детства. Занять свободное место в автобусе и, глянув в окно, понять, что находишься на сцене театра перед зрительным залом, забитым до отказа. Можно вечно блуждать в лабиринте из собственных воспоминаний, фантазий и наложенных на них проекций снов других психонавтов. Это хоть коллективное осознанное, но все же сновидение. Принципы те же самые. Чтобы передвигаться целенаправленно, нужен проводник. Шерпа.

– Орье. Я понял.

Панорама, представшая их взору, была удивительной. Перед ними раскинулось поле, заросшее крапивой со стеблями выше человеческого роста. Листья волновались под порывами ветра, будто беспокойное море. Буруны разбивались о полуразрушенные постройки из прошлого Вульфа, возвышавшегося скалами давно позабытых воспоминаний. Они были сплошь увиты дикой виноградной лозой и плющом, а их былое предназначение едва угадывалось. За полем высились размытые башни мреющего мегаполиса, переплетенного в

тугой узел из снов психонавтов. Ультрасовременные небоскребы соседствовали со старинными узкими улочками многовековых городов, растворяясь в одноэтажных провинциальных селениях. Справа, посреди туманных горных пиков, пряталась психиатрическая клиника с красным крестом на крыше, тревожно мерцавшим в белесой дымке. Слева из пасторального пейзажа вырастал породистый и аристократичный университетский комплекс, расположившийся посреди зеленых лугов и дубовых рощ. У горизонта на фоне огромной, в половину неба, бледной луны вырисовывался силуэт готического замка, стоявшего на высокой скале у берега озера.

Вульф указал пальцем на психиатрическую клинику и сказал:

– Из окна своей комнаты я видел Орье. Похоже, она находилась в какой-то больнице. Может, это она?

– Кто знает? Зацепка неплохая. Другой все равно у нас нет. Для начала надо спуститься вниз.

Он уверенно подошел к краю и шагнул в пропасть, исчезнув из поля зрения. Вульф кинулся за ним следом и, уцепившись руками за парапет, перегнулся через бортик. Гловер как ни в чем не бывало прогуливался по стене дома, словно по бульвару. На мгновение Алексу показалось, что это он сам висит на краю обрыва, а Артур ступает по горизонтальной поверхности.

– Чего тарачишься? – обернулся Гловер. – Идем.

– Как ты это сделал?

– Ничего особенного. Просто вопрос восприятия. Не забывай, это сон, а во сне возможно многое. Орье называет это эго-парадоксом, а Стейнбек строго запрещает пользоваться им без крайней необходимости. Говорит, что это разрушает коллективный сон, но разве сейчас у нас есть выбор? – он хитро подмигнул Алексу.

– Думаешь, у меня получится?

– Не попробуешь – не узнаешь. Не бойся. Если что, я подхвачу.

Вульф отошел от края и выдохнул, сжав руки в кулаки. Он всегда недолюбливал большую высоту. Неожиданно его косяшек коснулась холодная детская ладошка. Это был тот самый маленький мальчик из комнаты. Он прижал указательный палец к бледным губам и повел Алекса к большой луже, скопившейся в центре крыши из-за забившегося водостока. Мальчик пристально вглядывался в зеркальную поверхность, в которой отражалось здание, где они находились. Это был типичный для спального района многоэтажный жилой дом. Безликий и скучный. Вульф проживал там последние годы после выхода из армейского психиатрического диспансера. Он засмотрелся на отражение в луже, когда мальчишка сделал шаг назад и с силой толкнул его. Алекс потерял равновесие и упал прямо в воду, но поднялся, отплевываясь, уже на автомобильной парковке перед парадным входом.

Отряхнувшись, Вульф увидел Гловера, сбежавшего по

стене.

- Опять решил срезать?
- Там наверху был странный паренек.
- Старина Эгг опять шалит.
- Тульпа Банни?
- Лучше не попадаться ему на глаза.

Гловер посмотрел на здание, из которого они выбрались, и лицо его побледнело.

– Матерь божья, Вульф! Это еще что такое?

Из окон дома на них пялились подростковые фобии Алекса, отправленные восвояси Беккером. Они, улыбаясь, синхронно поднесли правую руку к шее и сделали характерный жест большим пальцем по горлу.

Вокруг многоэтажки обвилась туша монстра, спяянного из сотен тел солдат и сотрудников арктической госпитальной базы, погибших при нейровирусной атаке. Изодранная военная форма переплеталась с окровавленными медицинскими халатами. Изголовье твари зависло над крышей, медитативно раскачиваясь королевской коброй, гипнотизирующей жертву. Оттуда к Вульфу протягивала руки Анна Галандер.

– Алекс, помоги мне! – прокричала она голосом полным боли, страданий и страха, а ее призыв, как хоровое пение в капелле, разнесся по телу монстра, многократно повторенный на разные лады.

Изголовье монстра стало интенсивно трястись, напоминая собаку, выбравшуюся из воды, и сверху на них повалились

тела и их фрагменты, слепленные как попало. С тошнотворным звуком они ударялись о землю и асфальт парковки, поднимались и ковыляли в сторону психонавтов.

– Артур, что нам делать?

– Пока в группе нет ферзя... Бежать!

Он схватил Вульфа за предплечье и потащил в сторону зарослей крапивы. Продираясь сквозь обжигающие побеги, они неслись напролом, не обращая внимания на боль. Напротив, она подстегивала их, впрыскивая в кровь ударные дозы адреналина, отвлекавшего от страха. Сзади, справа и слева они слышали шорохи, стоны и всхлипы. Канонада ломающихся стеблей крапивы заставляла сердце биться чаще и без усталости переставлять ноги. Руки Вульфа, которыми он прикрывал лицо, горели огнем. Наконец, погоня поотстала, и психонавты выскочили из зарослей к пустырю, на котором догнивал тушей сбитого на дороге животного рахитичный остов полуразрушенной фабрики, вырванной из детских воспоминаний Вульфа и затерявшейся посреди бесконечного поля. Они забрались внутрь через разбитое окно и торопливо шагали по гулким пустынным залам с ржавевшими останками конвейерных лент, не переставая нервно оглядываться по сторонам.

Бесшумная тень обрушилась на Вульфа с потолка, придавив тяжестью к бетонному полу, усыпанному щебнем, битым кирпичом и пустыми бутылками. Гловер, попытавшийся помочь, был бесцеремонно отброшен в сторону. Артур

ударился об стену и больше не поднимался. Несколько пар рук скрутило Вульфа и оторвало от земли. Он оказался лицом к лицу с командиром госпитальной базы – полковником Зикевским.

– Почему вы покинули пост, лейтенант?

– Я оставался в операционной до самого конца, товарищ полковник. Пока биоботы не спятили, я пытался спасти кадровый состав.

– Видишь, лейтенант Волков, что бывает, когда военные бездумно и безрассудно полагаются на технологии, которые впаривают командованию коррумпированные корпоративные сволочи с гражданки. Американцы уделали нас там, где правительство предрекало идейный прорыв. А теперь, значится, ты работаешь на них, чертов предатель?

Руки сомкнулись на голове Алекса. Череп сдавило тиска-ми. Сквозь радужные пятна, плясавшие в глазах, Вульф увидел мальчика в рясе, стоявшего позади чудовища, которым стал полковник. С отрешенной полуулыбкой он наблюдал за мучениями Алекса, но в самый последний момент, когда сознание уже готово было покинуть Вульфа, Эгг поднял кулак и сжал его. Услышав протяжный и заунывный стон металла, монстр отвлекся и вскинул голову к потолку. Вырвавшись из ослабивших хватку рук, Вульф упал на спину, но успел откатиться в сторону. Сверху на них обрушилась металлическая переборка, придавив монстра к земле и засыпав лавиной обломков. Шатаясь, Алекс поднялся на ноги и, спотыка-

ьясь, побежал прочь к несущей колонне, по которой в детстве они с друзьями забирались на крышу фабрики. Он цеплялся за трещины и выбоины в кирпичной кладке, обдирая пальцы до крови. Столько лет прошло, но руки все еще помнили каждую щербину и каждый зацеп. Ноги уверенно находили опору среди торчавшей арматуры и раскрошившихся бетонных стыков. Внизу послышался шорох осыпающегося щебня и натужный металлический скрип. Монстр приходил в себя и пытался выбраться из-под завала. Цеховые своды сотряс протяжный рев, и полковник оказался на свободе. Вульф уже полз по стальной переборке в основании крыши шириной со ступню взрослого человека, стараясь не сверзиться. Дыра в потолке была все ближе и ближе, но монстр, несмотря на размеры, оказался на редкость проворным. Словно многорукая обезьяна, он без труда вскарабкался по несущей колонне и взгромоздился на переборку, пронзительно взывшую под его весом.

– Тебе не уйти, предатель! Никакого трибунала не надо, чтоб линчевать ублюдка, сотрудничающего с врагом после всего того, что он с нами сотворил!

– Война в прошлом. Нужно искать повод жить дальше. Любым путем.

– Глупец, война никогда не заканчивается. Она внутри тебя. Навечно.

Вульф вскочил на ноги и бросился бежать по тонкой переборке, усердно балансируя руками. Балка под ногами со-

трясалась от поступи чудовища. Где-то позади раздалось несколько хлопков разорвавшихся плетеных стальных тросов, поддерживавших переборку на весу. Взвизгнул воздух, рассекаемый хлыстами, и балка ушла из-под ног как раз в тот момент, когда Алекс прыгнул, уцепившись за край дыры в потолке. Монстр с протяжным воплем свалился вниз, но Вульффу было не до этого. Он висел над пропастью на трясущихся и слабеющих с каждой секундой руках.

Алекс увидел мальчишку-послушника, неторопливо подошедшего к краю.

– Страшно? – спросил он.

Мальчик, как и его сестра, непреднамеренно растягивал слова и путался с ударениями. Вульф смог выдавить лишь натужное кряхтение.

– Ты должен бояться! Через страх лежит путь очищения. Так говорит отец Торн. Страх изгонит из души все злое. Всю скверну, что вы принесли с собой.

– Помоги! – прошипел Вульф.

– Нет! Ты еще не познал ужас, но очень-очень скоро ты выпьешь его до последней капли... – мальчишка беззлобно захихикал, наблюдая, как пальцы Алекса соскальзывают с края крыши.

Глава 9. Шерпа

Вульф падал бесконечно долго. Перед его глазами застыл образ мальчика. Невинное, простодушное и широко улыбавшееся лицо Эгга Чока вьелось ожогом в сетчатку и повисло мутной катарактой на хрусталике глазного яблока. Алек сморгнул пару раз, но проклятый мальчишка все также скалился ему в ответ. Протянув руку, Вульф понял, что смотрит на рекламное объявление, расположенное на общественной голографической панели. Приюты для особенных детей под патронажем церкви «Единения». Он был придавлен к нему лицом плотной массой людей. Алек покрутил головой, пытаясь оценить обстановку, и только тогда осознал, что находится в вагоне трамвая, забитого до отказа, как в час пик. Он был зажат между мужчиной в деловом костюме, дремавшим, держась за поручень, и группой студентов, судачивших вполголоса о своем. Алек рассеянно озирался по сторонам, пока не наткнулся взглядом на Гловера, на заднем ряду обжимавшегося с белокурой веснушчатой девицей в коротенькой юбке. Вульф стал нетерпеливо проталкиваться к нему, усердно работая локтями и ловко протискиваясь между потных тел ко всеобщему неудовольствию пассажиров в вагоне, накликав на свою голову массу проклятий и угроз.

– Эй, Артур! – крикнул он, но тот его не услышал. – Гловер, мать твою, нашел время!

Вульф схватил его за плечо и встряхнул как следует.

– Какого хрена? – взревел тот, с неохотой отрываясь от блондинки. – Жить надоело, мудила? – его взгляд скользил по фигуре Вульфа, словно в полудреме, но, застыв на лице, неожиданно обрел четкость. В глазах загорелась искра узнавания. – Алекс?

– Именно! А ты, я смотрю, предался эротическим фантазиям на рабочем месте?

Гловер растерянно посмотрел на блондинку.

– Ты кто такая?

Она вспыхнула, отвесила ему пощечину, обругала на чем свет стоит и выскочила из вагона на первой же остановке.

– Горячая! – воскликнул Гловер. – Люблю дерзких. Напомнила мне Эмму Галлахер из средней школы. Правду говорят, что первая любовь не ржавеет.

– Я рад, что ты поделился, но лучше ответь мне, как мы здесь оказались и что будем делать дальше?

Гловер глубоко задумался, потирая виски.

– Похоже, мы оба опростоволосились и умудрились погибнуть, инициировав смену мозговых ритмов. Одни очаги возбуждения потухли, и электрическая активность возникла в других областях мозга. Запустился новый сюжет. Удивительно другое. Судя по городу за окном трамвая, мы продолжаем двигаться вперед просто с иной точки. И самое главное – мы остались вместе. Подобного не случалось раньше. Нонсенс.

– А что бывает при обычном раскладе?

– С каждой новой воображаемой смертью «Гипносу» все труднее синхронизировать сознания психонавтов и их мозговые ритмы в сеансе КОС. Жемчужину эго отбрасывает обратно в раковину сознательного. Сны и наше поведение в них становятся все менее контролируемыми, первобытными и жуткими. Ими завладевают части наших личностей, именуемые тенью. В конечном итоге они превращаются в душевраздирающие и яркие кошмары. Ни о каком поиске семени для терапевтического модуля дальше речи не идет. Перегруженный мозг психонавтов сваливается в стадию медленного сна, из которой ни аппаратной, ни нейрохимической стимуляцией вытащить сознание уже не получается даже после извлечения из купелей. Они просыпаются сами после долгих часов пребывания в коматозном состоянии, но ущерб, нанесенный психике в этом чистилище подсознания до момента естественного пробуждения, невозможно предсказать наверняка. Отдачей за грубое вмешательство в биоритмы и регуляцию мозговых процессов служит синдром постгипнотической фуги, когда разум начинает путать сон и явь.

– Хочешь сказать, что мы продолжаем двигаться вперед и действовать осознанно благодаря введению в состав отряда новой ролевой модели якоря?

– Не знаю, что ты чувствуешь, Алекс, и не теряешь ли нить здравого смысла, но, если бы ты так своевременно не объявился, я бы сейчас предавался публичным сексуальным забавам

с той огненной бестией. Можно ли это назвать осознанным поведением, когда так много стоит на кону? – он пожал плечами. – В одном я уверен точно – Пейтон всегда знает, что делает. В этом ему не откажешь. Внедрение якоря в отряд психонавтов напрашивалось довольно давно. Не было подходящих кандидатов. Мы мучились, добывая семена сна из своих хостов. Многие не справлялись с психическими нагрузками. Ты появился как нельзя вовремя. В самый критичный момент. Что из этого выйдет, увидим.

По вагону шел контролер, проверяя наличие билетов у пассажиров. Таких уже нечасто встретишь в общественном транспорте. Большинство муниципальных систем давно было автоматизировано. Контролер выглядел реликтом из чьих-то воспоминаний. В этой роли Беккер угадывался с трудом. Худой и щуплый, с чисто выбритым серым лицом и зачесанной назад жидкой челкой. Руки его нервно подрагивали, когда он приблизился к психонавтам.

– Предъявите билеты, молодые люди!

– Таких не имеется, – огрызнулся Гловер.

– Тогда я буду вынужден попросить вас покинуть трамвай на ближайшей остановке.

– Идем, Артур, все равно мы не знаем, куда двигаться дальше. Надо осмотреться. Приносим глубочайшие извинения, уважаемый. Мы уже уходим.

Кондуктор кашлянул в кулак:

– Заблудились, парни? Если вам нечем занять свобод-

ное время, то настоятельно рекомендую посетить кинотеатр «Сити Синема», что в паре кварталов отсюда, и оценить новый высокохудожественный фильм «В тенетах долга». Он был отмечен престижными премиями на европейских кинофестивалях.

– В жопу твою артхаусную срань! Я предпочитаю фильмы, где злобные мужики долго не разговаривают, а сразу стреляют. Женщины, в свою очередь, поголовно коварны и прекрасны и существуют только в антураже бара или спальни.

– Сложно спорить с человеком подобных вкусов, но, думаю, вы измените свое мнение, если внимательно ознакомитесь с рекламным буклетом, – контролер протянул Алексу глянцевого флаера и с чувством выполненного долга засеменял прочь.

Вульф посмотрел ему вслед.

– Честно говоря, я думал, что психодрама и театральные штучки остались в начале двадцатого века, вдребезги разбившись о катастрофические последствия Второй мировой войны. Массовый наплыв пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством и его осложнениями, как я понимаю, привел к неконтрольному использованию электросудорожной терапии, лоботомии и прочих изуверств. Все в угоду сиюминутного результата.

– Да брось ты! Специалист по психодраме? Ха! В курилках Конторы давно трюндят, что никакой он не врач, а занятный экземпляр, которого Пейтон откопал на этапе об-

катки «Морфея» в качестве безвредной альтернативы стандартным терапевтическим методикам, сотрудничая с благотворительными организациями и собирая доказательную базу об эффективности технологии для получения патентов во всяких богадельнях. Корпоративный Билли Миллиган! Как тебе такое, а? Раньше подобные придурки шарахались в длиннополых плащах по паркам, демонстрируя невинным студенткам свое убогое хозяйство, или в запущенных случаях становились героями первых полос криминальной хроники, а теперь они служат на благо общества.

– И ты веришь в эту чушь?

– В Конторе никогда не знаешь, что правда, а что ложь. Дай лучше посмотреть, что он тебе всучил.

Гловер выхватил флаер из рук Вульфа и принялся читать вслух:

– Юная выпускница университета Джона Хопкинса получает шанс отправиться на стажировку в элитную психиатрическую клинику, затерянную где-то посреди заснеженных пиков Монтаны вдали от любопытных глаз папарацци и вездесущих щупалец инфосети. Ради этой возможности она оставляет позади беззаботную городскую жизнь, друзей и бойфренда, но движет ей вовсе не тяга к самореализации. Она ищет пропавшего отца, некогда известного психоневролога, доведшего до самоубийства жену и канувшего в неизвестность, как только судебный процесс был закрыт ввиду отсутствия доказательств вины. Все, о чем она может меч-

тать, – это месть, но, приблизившись к ее осуществлению, она вынуждена сделать выбор между священной врачебной клятвой и слепой ненавистью. «В тенетах долга».

Он повертел флаер в руках. На постере к фильму стояла в профиль задумчивая и грустная Жюли Орье. Лицо ее было полупрозрачным и скрывало задний фон с туманной гористой местностью и загадочной психиатрической клиникой с красным крестом на крыше, сиявшим береговым маяком посреди депрессивной сепии поздней осени.

– Сдается мне, фильм будет небезынтересным!

Они вышли из вагона трамвая на городскую улицу, забитую толпами прохожих. Их лица были размазаны, но, приглядевшись, Вульф вспоминал людей, некогда встречавшихся ему на пути. Абстрактные черты принимали узнаваемые формы из глубокого или совсем недавнего прошлого. Запомненные мимоходом или, напротив, хорошо знакомые. Целый парад пронесившихся мимо него скорым поездом лет. Никто из них не вызывал отклика в душе и сердце. Он был чужаком в водовороте памяти. Самодостаточный и автономный, как какая-нибудь космическая станция на геостационарной орбите. Клишированный в навязчивом отчуждении персонаж из истории чужой жизни.

– Ты похож на сморщенную тень, отброшенную на асфальт полуденным солнцем, – сказал Гловер. – Что с твоей личностью? Она не имеет четких граней и больше похожа на искусственно созданный гомункул.

– Что ты несешь?

– Неважно. Может, я и ошибаюсь. Все мы немного не в себе в последнее время. В конце концов, это просто сон. Давай сосредоточимся на работе.

Кинотеатр притаился в стареньком аутентичном здании из начала двадцатого века с отреставрированным на современный безвкусный лад фасадом. Афиша помаргивала умирающей лампой подсветки. Толпы желающих попасть на сеанс у дверей не наблюдалось.

Они прошли внутрь, минуя закрытую билетную кассу и безлюдный холл. Полупустой зал кинотеатра навевал тоску. В креслах сидели ряженые манекены, с бессмысленной миной взиравшие на полотнище экрана. Фильм был в самом разгаре.

«Бесконечные запутанные коридоры “Одинокого путника” казались отражением изломанных рахитичных сознаний его постояльцев. Они бродили среди напускной и избыточной роскоши, столь несвойственной всем прочим лечебным учреждениям, словно призраки. Успешные люди, прошедшие по трупам первопроходцев и достигшие вершины Эвереста, но не обнаружившие там ничего, кроме пустоты в сердце. Фальшивые боги этого мира с обложек “Таймс”, сослужившие грязную и неблагодарную службу и ставшие затупившимися инструментами коллективного бессознательного. Для всякого поломанного скарба есть сарай. Там они и ржавели...»

– Гонору у красотки Жюли всегда хватало! – вставил свои пять копеек Гловер.

Он подошел к экрану, отбрасывая тень на сцену из фильма, достал из кармана зажигалку и покрутил в руке. Огниво было старое, а потому кремень выбил искру далеко не с первой попытки. В пещере бессознательного им просто повезло. Тусклый огонек без труда прожег дыру в белом полотне по форме тени Гловера. Он шагнул вперед и исчез. Вульф, недолго думая, последовал за ним.

Когда он миновал прожженную в полотне экрана дыру, ему послышался громкий и отчетливый хруст попкорна, доносившийся из зрительного зала. Алекс на мгновение оглянулся и заметил легкое движение на задних рядах среди рассаженных там манекенов. В одном из кресел расположился мальчик. Ярко-желтое ведро попкорна, стоявшее на коленях, особенно сильно контрастировало с его бесформенным серым одеянием. Большого Вульф разглядеть не успел. Кинематографическое действие поглотило его с головой.

Было далеко за полночь. Алекс сидел в ординаторской, потягивая ароматный и чертовски горячий кофе из чашки. Орье была на взводе. Вышагивала взад-вперед по комнате, как маятник метронома для лечебных сессий гипноза. От этого мельтешения перед глазами у него разболелась голова.

– Точно вам говорю, это он! – не унималась она.

– И что же ты намерена предпринять? – слова произвольно сорвались с его губ. Вульф попытался было проти-

виться, но чья-то несокрушимая воля тащила его по рельсам истории без возможности вмешиваться. В фильме он был актером, исполнявшим заученную роль.

– Я хочу справедливости! – в запале ответила Орье.

– Болезнь никогда не бывает справедлива. Это неукротимая стихия, и перед ней мы ничто. Ты знаешь, что я могу тебе предложить. Попытку исцеления. Шанс. Альтернативу. Нужно только упорно работать.

– Лечить это безумное животное?

– Ты врач, а он пациент. Разве может быть иной выбор?

– Бешеную скотину всегда ведут на убой. Без сомнений. Без колебаний.

– Подобные изречения наводят на мысль, что яблоко от яблони...

Орье бросила яростный взгляд в его сторону и спешно покинула ординаторскую.

Она была занимательным объектом для наблюдений. Умная. Бескомпромиссная. Полная эмоционального надрыва. Такие становятся помощниками высшего качества. Его мечта увлекла за собой многих. Кто-то сгорел по пути, так и не увидев ее воплощения. Нужны были свежие угли.

Вульф встал и осторожно вышел за ней. Ему было интересно, что произойдет. Эмоций не было. Одно нагое исследовательское любопытство.

Следовало действовать незамедлительно. Никто из посторонних не должен был испортить фальшивой игрой драма-

тический эндшпиль. Требовалось подготовиться. Немного первоклассных седативных препаратов в кофе охранников, небольшая диверсия с системой видеонаблюдения, пара латексных перчаток на руки, врачебная маска, скрывавшая лицо, электрошок из подсобки, где ютились санитары.

Орье проникла в палату в начале четвертого утра. Идеальное время, когда совы уже утомонились, а жаворонки еще сладко посапывают в уютных гнездышках. В кармане халата она прятала портативный инъектор. Стоило надеяться, что Жюли прихватила нечто элегантное и быстро расщепляющееся в биологических тканях и жидкостях. То, что будет сложно обнаружить.

Теперь его звали Эрик Хайден. Помещен в клинику с подачи ассоциации психиатров и психотерапевтов СГА. Счета за его содержание оплачивались оттуда же. Чертова кучка снобистских ублюдков! Естественно, они вывели его на чистую воду после резонансного судебного процесса, но зачем выносить сор из избы и портить репутацию всего профессионального сообщества? Рука руку моет. Лучшей тактикой было спрятать это пугало в самый дальний и охраняемый чулан. Девчонке стоило отдать должное. Выйти на его след было непросто.

Она решила далеко не сразу. Долго стояла рядом, пристально всматриваясь в мирное лицо спавшего пациента, нагруженного лекарствами так, что вряд ли его разбудил бы и выстрел из пушки. Наконец, Орье ввела в капельницу рас-

твор из инъектора и спешно покинула палату. Лицо ее было белее снега. Призрак свершившегося возмездия.

Вульф проводил ее взглядом, скрываясь в глубоких тенях коридора. Когда звуки удаляющихся шагов стихли, он прошел в палату и проверил состояние пациента. Артериальное давление резко падало. Пульс нитевидный. Частота сокращений сердечной мышцы снижалась. Алекс ввел внутривенно быстродействующий универсальный метаболит и провел комплекс реанимационных мероприятий. Состояние стабилизировалось, но действие прописанных для постоянного приема лекарственных средств также было нейтрализовано метаболитом.

Хайден открыл глаза.

– Вот ты и попался, сучонок! – оскалился он.

Хайден попытался подняться, но Вульф заткнул ему рот ладонью и навалился всем телом, не давая двинуться с места. В глазах Хайдена разгоралось безумие. Он превращался в мохнатого злобного паука с человеческим туловищем.

Кое-как дотянувшись до электрошока в кармане халата, Вульф вырубил его, обратив превращение в монстра. Затем повторно ввел внутривенно положенный по назначению лекарственный коктейль. Прибравшись за собой, Алекс пошел досыпать оставшиеся крохи заслуженного сна.

На утреннем обходе вместе с ординаторами Вульф не преминул посетить палату Хайдена, уверив наблюдавшего его врача, что визит необходим для демонстрации интересного

клинического случая.

– О, Жюли! Моя ненаглядная малышка! Пришла навещать своего непутевого отца! – воскликнул Хайден.

Лицо Орье не дрогнуло, но что-то оборвалось внутри. Она столь многим пожертвовала в душе, чтобы сделать трудный шаг через барьеры морали, былых чувств и обжигающей ненависти, и вот, к счастью или к сожалению, напрасно.

Орье стала регулярно навещать Хайдена в свободные от напряженной работы часы, сославшись на возможность позитивной динамики лечения от посещений «воображаемой» дочери. Они разговаривали часами. Возможно, она искала искупления или пыталась разобраться в причинах его приснопамятных поступков, приведших к гибели матери и искалечивших ее собственный разум.

Вульф догадывался, что после неудавшегося покушения Орье стала резать себя. Платья и блузки с короткими рукавами или декольте исчезли из ее гардероба. Напоказ выставлялся минимум открытого тела. Врачи не лезли с советами к другим врачам, но помогали, если те просили о помощи. Орье не просила. У всех специалистов были припасены или выработаны за годы трудовой деятельности свои методы компенсации стресса. Какая разница, лупцуешь ты своих демонов плетью либо пьешь с ними на брудершафт превосходное красное вино, лишь бы не лезли наружу. Орье выработывала свой. Тщательно вырисовывала его на молодом нежном теле. Сложный чертеж из мелких тонких розовых шрамов,

отражавших преобразование гнева и отрицания в осознание и принятие через аскезу контролируемой боли.

Однажды, проходя мимо, Вульф заглянул в палату Хайдена. Орье сидела на краю кровати и читала мирно дремавшему изможденному пожилому человеку что-то из французской классики. Слева в углу, заросшем паутиной, притаился огромный злобный паук с человеческим туловищем. Справа, покачиваясь в кресле, свободно расположился интеллигентный мужчина в белом хлопковом поло, пиджаке и брюках, попыхивая трубкой с натуральным табаком.

Прервав чтение, Орье, не оборачиваясь, обратилась к вошедшему:

– Мистер Пейтон, думаю, я готова отдать все силы для разработки альтернативной методики лечения.

Вульф, недоумевая, посмотрел на отражение в оконном стекле, но увидел там Джона Пейтона, замершего в дверях палаты. За спиной у него стоял Гловер. Алекс моргнул, и отражение вновь стало его собственным.

Артур, хмыкнув, вышел вперед и тронул Орье за плечо:

– Жюли, нам надо выбираться из твоей раковины в КОС. Все это сон.

В углу палаты мерзко захихикал паук, зашевелившись в тенетах:

– Вот и закуска подспела. Сочная. Сладкая. Свежая.

От прикосновения Гловера тело Орье рассыпалось в прах, обратившись в высосанную досуха пустую оболочку.

Психонавты стояли посреди палаты, оплетенной густыми слоями паутины. Окна, стены и двери – все было укутано парчовым покрывалом сетей. Выхода не было.

– Девочка вскормила в себе страх, – проскрежетал паук. – Напитала его тучное тело болью, переживаниями и сомнениями. Ужас пожрал ее изнутри. Ничего не осталось. Только я.

– Он лжет! – возразил мужчина с трубкой. – Фантазм, порожденный разбитыми детскими представлениями об идеальной семье. Плод непонимания сути душевных болезней.

Паук зашипел:

– Тоже мне, герой из девичьих снов! Рыцарь в сияющих доспехах, побеждавший монстров внутри людей! Помнишь, как легко ты раз за разом оставлял дома задыхавшуюся от депрессии жену? Забыл испуганную девочку, прятавшуюся по углам от склок и ссор?

– Мне нужно было работать. Работать, чтобы содержать семью в достатке. Кто бы мог подумать, что этот достаток, покой и комфорт разрушит наше семейное счастье?

– Разрушило вовсе не это, а твое безразличие.

– Профессиональной деформации никто не отменял. Я сторел. Эмпатии для семьи у меня не осталось. За мое поражение поплатились самые близкие люди. Вечный рок врачей. Пускай я проиграл, но Жюли продолжила мой путь, а тебе досталась роль жалкого пугала, прячущегося в тених ее ночного отчаяния, – последнее предназначалось для ушей психонавтов.

Вульф бросился через палату к окнам, продираясь через паутину, и сорвал шелковый занавес с оконного проема, выпуская внутрь густой багряный свет зависшего над горизонтом огромного красного солнца. На секунду он ослеп от ярких лучей, прорвавшихся сквозь завесу мрака. Перед глазами плясали кровавые пятна. Когда лихорадочный блеск отступил, он обернулся к опустевшей комнате, обитой войлоком.

Орье стояла посредине палаты, плотно упакованная в смирительную рубашку. Перед ней висело большое зеркало в резной деревянной оправе. Она пристально всматривалась в отражение. Ее лицо было разделено на две половины. Одна была полна задумчивой отрешенности. Другая искажена злобой и страхом. Гловер подошел сзади и обнял девушку за плечи. Маска спала с ее лица, превратившись в миловидную гримасу едва проснувшегося ребенка.

Она зевнула и сладко потянулась:

– Сильно я вас напугала своими кошмарами?

Гловер фыркнул:

– Это ты еще тараканов своего рекрута не видела.

– Ладно, мальчики. Надо бы выбираться из юдоли скорби.

Идите за мной. Я укажу дорогу.

Вульф недоверчиво посмотрел на нее, но Гловер пожал плечами:

– Дамы вперед.

Они покинули одиночную палату и пошли по заброшен-

ным коридорам психиатрической клиники, полной разрушения, плесени и сырости. Ржа пожрала металлические части оборудования, мебели и инвентаря. Сквозь трещины в полу пробивались цветки дурмана. Орье уводила их все дальше и глубже в недра здания.

В одном из коридоров Вульф заметил пробежавшую мимо девочку с желтой лентой в волосах. От нее веяло теплом и светом. Он отстал и заглянул за угол, где скрылась малышка. Там, в сердце больницы, притаилась столовая особняка, богато обставленная в соответствии с последними бытовыми трендами. Часть кружевного детского платья торчала из-под скатерти, лежавшей на длинном обеденном столе. Вульф откинул край скатерти и заглянул под стол. Девочка без лишних предисловий схватила его за руку и затащила в импровизированное убежище.

– Что ты... – попытался было противиться Алекс.

– Тсс! – зашипела она, закрыв его рот ладошкой. – Тихо!

Матушка Грусть бродит где-то рядом.

Воздух в столовой с каждой секундой становился все холоднее и холоднее. Облачка пара вырывались вместе с каждым судорожным выдохом. Ресницы заиндевели. Столовая наполнилась мрачными тенями и вздохами безнадежной тоски. Черная фигура прошествовала мимо них по комнате, оставляя на дубовом паркете стылые отпечатки босых ступней. Бледная маска скорби и безразличия сковала ее лицо и плыла в темноте. Она напоминала непредсказуемую и опас-

ную шаровую молнию. Когда черная фигура покинула комнату, страх немного ослабил хватку на их сердцах.

– Мы должны выбраться из раковины, – сказала девочка. – Здесь небезопасно.

– Черт, Орье и Гловер.

– Твои друзья заблудились в своих снах.

– Они мне не друзья. Без пяти минут коллеги.

– И это делает их жизни менее ценными?

– Нет.

– Все сейчас зависит от успеха нашей миссии. Так для чего ты здесь?

– Чтобы начать все с начала. Вновь обрести собственное призвание и смысл жизни. Помогать людям.

Девочка недоуменно развела руками, скорчив рожицу:

– Им всем нужна твоя помощь. Чего же ты ждешь, печальный ковбой? Вижу цель – не вижу преград!

– Язва...

Вдвоем они отправились в путь по таинственному особняку, по дороге заглянув в спальню девочки. Из выдвижного ящика прикроватной тумбочки она захватила портативный фонарик.

– Папа подарил на день рождения, – пояснила кроха, передав его Вульффу. – Сказал, что он убьет любого полуночного монстра, забравшегося ко мне под кровать.

– Хорошо, что не в кровать.

– Смешно. Ты всегда говоришь подобные гадости малень-

ким девочкам?

– Нет. Похоже, чертов Гловер вправду умеет просочиться в сознание со своими низкопробными шуточками.

– Просто тебе страшно, поэтому ты цепляешься за понятные вещи, чтобы меньше бояться. У меня, например, есть любимый игрушечный кролик. Его зовут Банни.

Девочка показала ему розового кролика с глазами-пуговицами и милительными вислыми ушками.

– Я знал его, вышедшим на пенсию, – сказал Вульф.

Алекс стер пыль с одной из голографий, стоявших в рамочке на комод, чтобы лучше рассмотреть женщину с мягкими, но безвольными чертами лица, с любовью вплетавшую дочурке желтую шелковую ленту в кудрявые волосы.

– Идем! – девочка тронула его за руку. – Нужно спешить.

Покинув спальню, они пошли по бесконечному коридору со стенами, увешанными потрясающими рисунками. Картины, написанные талантливой рукой, менялись, словно калейдоскоп. Преисполненные светом, теплом и любовью с каждым шагом они наливались злобой и отчуждением. Миновав коридор, Алекс со спутницей попал в просторный зал центрального холла. Девочка заставила Вульфа пригнуться и выглянула из-за перил второго этажа вниз. Алекс осторожно последовал ее примеру.

С большой хрустальной люстры на удавке свисал труп женщины. Длинные темные волосы скрывали ее лицо. Полуистлевший халат едва прикрывал синюшное узловатое те-

ло, больше похожее на скелет, обтянутый иссушенным пергаментом. Девочка сжалась в комок, не решаясь бросить взгляд в ту сторону.

Клубы паутины были повсюду, скрывая ее родной дом и превращая его из самого безопасного уголка на свете в пугающее гнездо ночного кошмара. Одно место на стене оставалось свободным от белого липкого покрывала. Там висела картина с больницей, затерянной посреди гор. Свет солнца, искаженный туманом, походил на размытый багровый крест. От больницы по склону горы спускались двое. Они становились все крупнее и отчетливее, пока Вульф не смог разглядеть Орье и Гловера. Подойдя к краю картины, они соскочили с полотна на пол.

– Жюли, какого черта? Ты сказала, что мы ищем Вульфа. Где он? Почему мы не вернулись за ним, когда он отстал?

– Не стоит тебе за него беспокоиться, Артур. Лучше переживай за себя. Вульф здесь. Как обычно прячется, страшась встать лицом к лицу со своими страхами. Что до тебя, то ты попал прямиком к обеду. Знаешь, какое сегодня главное блюдо?

Орье противно захихикала, закружившись в танце вокруг Гловера. Она напоминала марионетку, подвешенную на ниточках, уходивших к потолку.

– Расслабься, Артур. Печали здесь места нет. Лучше потанцуй со мной.

С каждым оборотом и па она оплетала его тугим мотком

паутины, истаивая в воздухе и превращая тело в прочный кокон. Гловер пытался сопротивляться, но паутина моментально сковала его движения. Когда он больше не мог пошевелиться, тонкие многосуставчатые лапы свесились с потолка и потянули его наверх в густые заросли.

Вульф дернулся, но его руки буквально примерзли к перилам, за которые он судорожно цеплялся все это время. Алекс обернулся и увидел человекоподобную тень, заполнившую коридор за спиной. Маска скорби впилась безразличным взглядом в девочку, которая без тени сомнений выступила вперед, навстречу раздирающей сердце тоске.

– Мне больше не больно за тебя, мама! – выкрикнула она. – Да, отец был болен и умело скрывал это благодаря знаниям, уму и навыкам, но ты... У тебя была жизнь, полная возможностей, чтобы бороться за счастье. Ты была прекрасным художником и могла посвятить себя творчеству. В конце концов, у тебя была я, как источник чистой детской любви, дабы справиться со всеми жизненными невзгодами. Вместо этого ты предпочла зачахнуть, как нежный цветок при первых осенних заморозках. Так прочь из моей души и не терзай мое сердце грустью. Мне больше не больно за тебя!

Тень объяла девочку, укутав ее черным непроницаемым плащом. Морозные узоры стали расползаться по коридору ледяными змеями. Вульф с натугой оторвал руки от перил, сорвав кожу с ладоней, примерзших намертво. Он выхватил фонарик и включил его. Луч света прожигал тьму, но не

мог отыскать девочку, сокрытую в тенях. Тогда Алекс направил фонарик на тело повесившейся женщины. Фонарь осветил безликий манекен из торгового центра, подвешенный к люстре на веревке и одетый в какое-то дешевое тряпье. Эрзац детского страха, утративший узнаваемые черты и пугавший скорее своим образом, чем сутью. Маска скорби треснула, разлетевшись на мелкие осколки, а сгусток тьмы взорвался облаком света. Маленькая девочка исчезла, но занявшая ее место девушка по-прежнему твердо стояла на ногах. Волосы и плечи покрылись инеем. Покрасневшие от холода кулаки были крепко сжаты.

Кто-то наверху противно зацокал языком и мерзко захихикал. По сложному плетению сетей паутины проворно спускался тарантул с человеческим туловищем.

– Так-так-так! – защелкал он. – Моя малышка Жюли выросла и отрастила под юбкой пару мужских яичек. Ох уж мне эта смена гендерных парадигм! С женщинами было проще управляться, когда они стояли у плиты и открывали тебе холодное пиво после тяжелого рабочего дня.

Вульф и Орье бросились бежать, но цепкие когтистые лапы ловко подхватили их и подняли в воздух. Они безвольно повисли напротив мужчины, вросшего в тело огромного мерзкого паука.

– Можешь обманываться сколько хочешь, малышка Жюли, но истина такова, что ты давно запуталась в моих тенетах. Вся твоя жизнь принадлежит мне одному!

– Нет! Моя жизнь посвящена благому делу, а что до тебя... Тебя я вылечу, чтобы посмотреть в глаза на равных и спросить, какая херня творилась в твоей бедовой голове, что ты, первоклассный специалист, не замечал очевидных вещей, происходивших под носом.

Паук недовольно зашипел:

– Ври себе сколько хочешь, паршивка! Сублимируй внутреннюю боль в дело чужой жизни. Пейтон не пророк и не самоотверженный лекарь, а талантливый делец. Он пойдет на все ради своего детища. Ты знаешь это. Глубоко в сердце ты догадываешься. Твои сомнения пожрут вас всех!

Массивные челюсти Хайдена раскрылись четырьмя отворотительными жвалами, источавшими едкую слюну. Лапы потащили Вульфа к ненасытной пасти, но Орье сорвала с руки желтую шелковую ленту, сплела ее в клубок и швырнула в бездонную глотку. Паук содрогнулся и выпустил их из лап.

– Не нравится, ублюдок?! – крикнула Орье. – Это то, чего ты никогда не испытывал. Безграничная любовь к своему чаду!

Паук заверещал и вспыхнул изнутри. Он принялся беспорядочно метаться по логову, поджигая толстые слои паутины.

Посреди пылающей огненной метели они отыскивали Гловера, запутавшегося в липких сетях. Вульф вырвал его из кокона и помог выбраться наружу.

– Мать честная, Жюли! Вот это иллюминация! – сказал

он.

Орье взяла их за руки и проговорила:

– Что бы ни случилось – не паникуйте! Доверьтесь мне. Я вытащу нас отсюда. Закройте глаза и слушайте мой голос. Я буду медленно считать от десяти до одного, а потом мы все окажемся в безопасности. Десять...

Огонь поглощал болезненные воспоминания Орье. Очищал от скверны. Поруганный отчий дом и первая работа, где она сомневалась в своих принципах – все исчезло в обжигающем пламени. Тепло обволакивало их тела. Сквозь сомкнутые веки пробивался нежный и ласковый солнечный свет. Обдававший лицо свежий бриз принес с собой соленые брызги волн. Будто из иной жизни доносились до ушей Вульфа далекие крики чаек.

– Один. Вы в порядке?

– Наверняка и не скажешь так сразу.

Алекс раскрыл глаза и понял, что стоит на берегу океана. Ступни утопали в песке, а ноздри щекотал запах моря и гниющих водорослей, выброшенных пенистым прибоем на отмель. В лазурно-голубой марине снималась с якоря белоснежная яхта. Крепкий загорелый мужчина в белом поло умело работал с такелажем, давая короткие указания маленькой девочке, бывшей у него на подхвате. На носу яхты сидела женщина в широкополой соломенной шляпке, подставив бледное лицо лучам солнца.

– Хороший был денек! – сказала Орье, провожая взглядом

удаляющуюся за горизонт яхту. – Но нет времени на долгие сантименты, – она зашагала по песку в сторону изумрудных холмов, поросших дубовыми рощами, и бросила через плечо отставшим Вульффу и Гловеру. – Мы чудом выбрались из моей раковины, но рисковать больше нельзя. Пора отыскать Стейнбека.

– Вот те раз! – всплеснул руками Гловер. – Как обычно, ни здрасте, ни насрать! Теперь-то я узнаю милашку Жюли...

Глава 10. Ферзь

День выдался на редкость славный. Погода была под стать настроениям, царившим среди студенческих научных групп. Они интенсивно готовились к выступлениям, проводя последние мозговые штурмы и отрабатывая питчи. Стайки молодых слушателей, предвкушая интересный и сверхпродуктивный день, оккупировали все лавки и лужайки парка, весело переговариваясь и попивая кофе из термосов. Мягкое тепло согревало душу, а свежий ветер не давал потокам сознания свернуться как прокисшему молоку. Плавившей мысли жары позднего июля не было и в помине. Солнце сияло в безграничной глубине неба, а университетский кампус кипел энергией и энтузиазмом неоплыванной юности. Выложенные брусчаткой дорожки, вытертые добела не одной тысячей пар ног, несли психонавтов вперед среди клумб, засаженных простенькой и непритязательной рутей.

– Двадцать седьмой международный студенческий научный форум «Новая проблематика психического здоровья человека в разгар информационного века» приветствует своих гостей, – зачитал вслух Гловер электронную вывеску на главном лекционном корпусе. – Да уж! Краткость явно сводная сестра организаторов ярмарки тщеславных умишек.

– Что ты понимаешь? – возразила Орье. – Этот форум в свое время был средоточием молодежной науки в области

психологии, психиатрии и нейрофизиологии. Законодателем тенденций и идей.

– Был? – уточнил Вульф.

– Да, пока Блейк Стейнбек во главе профессионального сообщества психиатров и психотерапевтов не дискредитировал его предвзятым отношением к студенческим научным работам. И начало репутационному падению положило...

– Дай догадаюсь! – остановил ее Вульф. – Выступление Джона Пейтона?

Она кивнула, а Гловер тяжело вздохнул:

– У профессора даже сны о работе. Скукотища, одним словом. Ладно! Пора привести нас в порядок.

Он щелкнул пальцами, и их гардероб в мгновение ока превратился в соответствующие мероприятию строгие деловые костюмы.

– Так-то лучше! Иначе профессор опять впадет в отрицание и замкнется в себе, как в прошлый раз, и тогда хрен мы его вытащим из собственной раковины. Я чуть не спятил, выслушивая многоступенчатые монологи на тему самобичевания. Что за человек?!

– Стейнбек – продукт иной эпохи, – парировала Орье. – Разве можно обвинять динозавров в том, что они не сумели адаптироваться к условиям катаклизма? Специалист он отличный. Пожалуй, лучший в своем роде. Главное не давать ему перехватить контроль над ситуацией.

Они прошли в главный корпус, минуя университетскую

охрану. Загорелый короткостриженный Беккер в лице работника местной службы безопасности препроводил их в огромную лекционную аудиторию, обставленную по последнему слову техники, и указал места, предназначенные председательской коллегии.

– Сегодня мы важные шишки! – похлопал по плечу Вульфа Гловер, устраиваясь в удобном кресле за длинным столом в первом ряду.

Слушатели постепенно заполняли свободные места. Школьники и студенты, состоявшиеся врачи и научные деятели, бизнесмены и политики – кого только не было в разношерстной толпе, перемешавшейся в большом плавильном котле умов и мнений. Вульф подивился демократичности публики. Все переговаривались вполголоса, без утайки обмениваясь информацией и ожиданиями о заявленных докладах и их тезисах.

Стейнбек появился перед самым началом. Без тени стеснения вклинился между Орье и Гловером, швырнув на стол несколько листов электронной бумаги с программой докладов и большой пластиковый стакан с соломенной трубочкой, содержимое которого пролилось на стол. До рецепторов Вульфа донесся запах хорошего крепкого кофе, щедро приправленного коньяком. Тяжело было сказать наверняка, какое процентное содержание ингредиентов в напитке.

– Так, ну что тут у нас? – крякнул он, с недовольным видом усаживаясь в кресле. Просмотрев список докладов, он

злобно скривился. – Опять весь день коту под хвост, а ведь мог бы стогнать партию в гольф вместе с Бобом Андерсоном и Биллом Клаффлином. Выбил бы пару грантов для университета своей счастливой клюшкой. Есть такие, кто их не знает? Не последние люди, хочу вам сказать, сенатор и вице-президент! Не сходят с экранов, что поп-звезды и популярные ток-шоу, которые так обожают моя дура-жена. А я маленькая птичка тари на службе у престарелых крокодилов. Выуживаю гниющие куски треволений из бездонных алчных пастей, пожирающих тучное тело нашей великой страны. Я слышал, что один из них по завершении голосования за развертывание военного корпуса в Арктике сказал невзначай: «Переживаю за наших парней. Что-то мне грустно и тревожно на сердце. Позовите-ка хорошего психолога!» На мое счастье, их секретари, похоже, не знают разницу между психотерапевтом и психиатром. Так и познакомились.

– Похоже на паршивый политический анекдот, – буркнул Вульф.

Гловер подлил масла в огонь:

– Ваша правда, профессор! Раньше лучшими психоаналитиками политиканов были бурбон и кокаин. Теперь же весь свет медицины у них в наемных шутах.

– Дело говорите, молодой человек. Не желаете ли кофе?

Орье в сердцах стукнула кулаком по столу:

– Профессор, вы на полном серьезе считаете, что происходящее не стоит вашего дражайшего внимания? Настолько,

что нарезались как свинья еще до начала форума? Вы жалкий человек и не заслуживаете почетного звания! Возможно, для молодых ученых это самый важный момент в жизни. Шанс показать свою работу обществу. Найти первых инвесторов. Понять, что все не напрасно. А вы здесь будто бы номер отбываете. Отвратительно!

Стейнбек громко рыгнул, а затем широко зевнул, похлопав себя по внушительному животу.

– Милочка, любая хорошая идея как сорная трава, а сорная трава всегда пробьется к свету. В наши годы никто не нянчился с сопливыми студентами на форумах, научных кружках и прочих панибратских мероприятиях. Были заслуженные великие умы, а молодежь лизала им задницы, чтобы из переваренных остатков вчерашних мыслей почерпнуть хоть немного мудрости и опыта. Уж так устроен мир! Взгляните хотя бы на эти три юные недоразумения, – он указал на студентов, готовившихся представить первые доклады. – Что они могут дать обществу? Очередной профанский желчный пост на социальной виньетке? Новую идею для флешмоба на просторах инфосети? Не смешите меня! Весь их вклад в современную науку заключается в изобретении новых способов мастурбации.

– Если не слушать, то и не услышите, – сказал Вульф, но Стейнбек отмахнулся. Он был мало похож на того человека, которого Алекс встретил в кафетерии Конторы.

Слегка нервничающий докладчик в дешевом костю-

ме-тройке вышел к трибуне, пока его пухлый кудрявый товарищ расставлял на стенде систему сообщающихся сосудов с вязкой прозрачной жидкостью, а третий – заросший редкой клочковатой бороденкой юноша со славянской внешностью – настраивал слайд-шоу на инфопаде, подключенном к голографическому проектору.

– Многоуважаемый президиум, коллеги и слушатели форума, – начал докладчик. – Сегодня мы бы хотели представить вашему вниманию доклад на тему «Сомниотерапия – альтернатива классическим психотерапевтическим методикам». Общеизвестно, что роль сновидений в работе центральной нервной системы чрезвычайно многогранна. Она заключается в структурировании накопленной информации и простейшем подсознательном психоанализе. Это механизм упорядочивания больших массивов данных и сброса избытков психоэмоционального напряжения. Как и любой древний адаптационный неврологический процесс, этот несовершенен и работает крайне неэффективно, но что если попытаться создать искусственно смоделированное сновидение, максимально приближенное по характеристикам к естественному с определенными заложенными в него терапевтическими задачами? Сможем ли мы воздействовать через него на разум пациента, максимально деликатно интегрировавшись в процесс, задуманный природой, доведя до предельно возможного совершенства?

По мере повествования докладчика и уменьшения уров-

ня напитка в пластиковом стакане лицо Стейнбека медленно багровело, а в лекционную аудиторию стали просачиваться работники службы безопасности, методично распределяясь по ее площади.

Наконец профессор не выдержал:

– Вы что, пейота обожрались, молодой человек? – взревел он. – Что это за шаманские индейские ритуалы? Ловцы снов, энтеогены? Вы в своем уме? Хотите привлечь к нашему университету внимание бюро общественной безопасности?

– Успокойтесь и дослушайте доклад до самого конца, профессор, – вмешалась Орье. – Только тогда вы сможете признать собственную ошибку, с которой начала рушиться ваша карьера педагога и ученого. Пора прекратить терзать себя и принять ситуацию такой, какой она была много лет назад...

– Терзать себя?! Слушать этот психоделический бред? Да! Кажется, я начинаю понимать, в чем тут дело! Вы собираетесь подсадить меня. Выставить идиотом на потеху всей честной толпе. Обвинить в профанации науки. Этого я вам не позволю с собой учинить!

Он схватил Орье за предплечье с явным намерением выставить из аудитории, но она вспыхнула, рассыпавшись клубком сложно переплетенных желтых шелковых лент, и возникла вновь, но уже на противоположной стороне лекционного зала.

– Президиум требует продолжить доклад! – приказала Жюли, и студент принялся излагать дальше.

Охранники стали стрелять по Орье из табельного оружия, но она ловко ускользала от них, словно призрак из папье-маше, пропущенного через канцелярский шредер. Она схлопывалась, рассыпалась на тонкие ленты и появлялась вновь, точно китайская акробатка, выделяющаяся пируэты под куполом цирка. Охранники палили без разбора и, когда попадали по посетителям форума, те взмывали в воздух, потеряв весь свой вес. Под потолком аудитории уже парила целая группа слушателей, напоминая россыпь цветастых воздушных шаров, продающихся на летних ярмарках. Гловер что-то усердно нашептывал профессору на ухо, но Вульф не мог разобрать ни слова. Несмотря ни на что, Артуру почти удалось успокоить Стейнбека. Пальба стихла. Охранники застыли на своих позициях. Взгляд профессора гневно буравил Орье, но затем что-то отвлекло его. Странная парочка, затерявшаяся среди простых слушателей, в страхе жавшихся друг к другу и прикрывавших головы руками, будто это могло уберечь их от шальной пули. Невеста с лицом, укрытым белоснежной фатой, сидевшая бок о бок со статным женихом с карикатурным детским лицом Эгга Чока. Руки жениха потянулись к фате, а по щеке Стейнбека скатилась одинокая слезинка. Он оттолкнул Гловера, а охранники слетели с катушек, не дав возможности Эггу открыть лицо девушки. Стрельба возобновилась с удвоенной силой.

Вульф, как и большинство людей в аудитории, инстинктивно пригнулся. Пару раз в него едва не попали. Он пополз

прочь, стараясь не угодить под выстрелы. Алекс постоянно вертел головой и оглядывался по сторонам, следя за обстановкой.

Часть работников службы безопасности устремилась к Стейнбеку, выстроив защитный периметр. Гловеру пришлось ретироваться. Он вскочил на стол и бросился прочь, едва уворачиваясь от пуль. Артур подпрыгнул, зацепился за висевшего в воздухе слушателя, подтянулся и взобрался на него верхом, оседлав, как доску для серфинга. Оценив ситуацию, он перескочил с парившего тела на другое, а потом еще и еще, будто бежал по ступеням лестницы. Зависнув над Стейнбеком, прикрытым охранниками, Гловер прыгнул вниз. На середине пути его прямо в полете подхватила Орье, метнувшись навстречу Артуру. Они сцепились за руки, раскрутились за счет встречной инерции, и девушка бросила Гловера прямо в гущу охранников. Артур сбил с ног нескольких работников службы безопасности и сумел прорваться к Стейнбеку, повалив того на пол. Завязалась потасовка.

Вульффу было не до этого. К нему шел охранник, выцеливая его среди прочих слушателей. Алекс забился под стол. Над головой раздался выстрел. Поверженный охранник упал к его ногам. Послышались приближающиеся быстрые шаги, и в его импровизированное убежище заглянул неизвестно откуда взявшийся Беккер. Он грубо схватил Вульфу под руку и потащил к выходу, по-ковбойски отстреливаясь от бедра.

– Топайте вперед, мистер серый волк! Якорю здесь не место!

Беккер вытолкнул его из аудитории и захлопнул за собой дверь, внимательно огляделся в поисках малейшей угрозы, а затем наставил пистолет на Вульфа. От былой манерности и игр с переодеваниями не осталось и следа.

– Кто вас направил сюда, агент? Какова цель внедрения?

– Вы в своем уме? Или это тоже часть маскарада?

– Отвечай! – дуло пистолета уперлось Алексу в лоб.

В лекционном зале произошел мощный взрыв. От ударной волны Беккера отбросило в сторону. Пистолет выпал из рук, и Вульф пинком отправил его куда подальше. Стены аудитории пошли мелкими трещинами и стали осыпаться. Здание университетского корпуса разваливалось на части.

Вульф поднялся на ноги и бросился наружу, прикрывая голову руками и стараясь не угодить под обломки. С потолка на него сыпался дождь из бетона, кирпича и кусков штукатурки. Из-за плотной стены пыли, поднявшейся в воздух, он не видел выхода и пробирался наугад. Наконец впереди забрезжил свет, и Вульф бросился к нему из последних сил. Стоило ему вывалиться из дверей, как стена корпуса за его спиной осела. Она плавилась, подобно мороженому в жаркий летний день. Когда здание растеклось по земле, глазам Вульфа предстала весьма неожиданная картина.

Останки аудитории пирамидой торчали посреди разрушенного университетского корпуса. Пол устилали десятки

тел работников службы безопасности. Орье висела в воздухе, стянув шелковыми лентами вокруг себя щит из посетителей форума. Видимо, одна из пуль все-таки нашла свою цель. Гловер стоял позади Стейнбека, взяв профессора в борцовский захват и не давая сомкнуть веки грубыми пальцами. Из его широко раскрытых глаз вырывались лучи света, как из допотопного проектора, выводя на экран кадры с фотографиями дождливого позднего вечера. Юный докладчик, притихший внизу, продолжил выступление куда более раскованно. В выражении его лица проскальзывала некая глубоко сокрытая удовлетворенность. Он комментировал быстро сменявшие друг друга слайды циничным рассказчиком из бульварного нуарного чтива.

Полупустой бар напоминал сборище анонимных алкоголиков и импотентов, только и способных на то, чтобы, пропустив по паре пинт пива, пялиться на сиськи и задницы потертых стриптизерш, уже не ощущая никаких изменений в области паха, но делая это как-то по инерции, словно доказывая самим себе: «Мы еще мужчины, мать вашу!» Публика была разношерстной: от слегка перебравших работяг до завзятых старых выпивох, начавших алкогольное турне еще в начале века. Поздний вечер пятницы высеивал в подобных местах определенный тип людей, каких вы ни с кем никогда не спутаете. То был горький осадок из неудачников всех сортов и оттенков.

Блейк Стейнбек сидел, грузно облокотившись на барную

стойку, и кивком заказал еще выпивки.

– Не ожидал встретить вас в подобной забегаловке, профессор! – Пейтон аккуратно присел на край высокого стула рядом со Стейнбеком, стараясь не запачкать стильный дорогой костюм и слегка растирая больную ногу.

– А, это ты, Джонни? Пришел насладиться плодами своего триумфа. Ну вот, полюбуйся!

– Да вы совсем пьяный! – Пейтон с тревогой посмотрел на исхудавшего и потерявшего былой лоск Стейнбека. – Мы же с вами назначили деловую встречу. В качестве приемлемого места проведения вы мне назвали это заведение. Не помните?

– Суматошные месяцы выдались, знаешь ли. Жизнь утекает сквозь пальцы. Вся устоявшаяся система рухнула, погребя под собой ее руководителей и функционеров. И вот в самый черный час явился отвергнутый герой, весь в белом и на коне, а старая гвардия превратилась в жалких клоунов по уши в дерьме!

– Что ж... Вы всегда излишне драматично рассматривали наше с вами противостояние, профессор. Вы были сытым и довольным апологетом устаревших идей. Я же просто шел вперед по избранному мной пути. Ничего личного. Напротив, сейчас вы очень нужны мне.

– В качестве трофея на стену Конторы? Уж извольте!

– Мне необходимы ваши знания и опыт.

– Неужели ритуальные барабаны перестали вызывать

дождь, а духи предков не приходят по зову курительной трубки? Жалко мне вас психотерапевтов: пляшете при полной луне шаманские танцы, путаетесь в замшелых эзотерических ритуалах, разговариваете с призраками. У нас, психиатров, хотя бы есть старая добрая безотказная фармакология, а у нейрофизиологов – паяльник.

– «Морфей» доказал свою эффективность.

– Да уж. Когда все проверенные методики не дают результата, а болезнь не имеет явственного патофизиологического подтекста, только и остается, что изгонять демонов подсознания сладкими грезами. Лечить непознаваемое неосознанным.

– Вы утрируете. Мы комбинируем подходы. Используем весь доступный науке арсенал знаний. Потому и нужна ваша помощь. Мы еще можем победить в этой битве. Нам с вами по одну сторону баррикад делить нечего.

– Нынче из любого устройства с экраном об этом талдычат, верно? Эпидемия душевных болезней. Генерализованное депрессивное расстройство личности. Суицидальный психоз. День за днем! У меня уже в ушах звенит от новостей! Некуда от них спрятаться или сбежать. Это убивает меня! Мы все виноваты. Я виноват! Виновен в бездействии и безразличии. Мы могли подготовиться к противостоянию, пытаюсь докопаться до тайн высшей нервной деятельности, но вместо этого жарили стейки с кровью из мраморной говядины на заднем дворе шикарных домов. Погрязли в иди-

отских и дорогих хобби, но даже не задумывались о внедрении психологической гигиены в массы. Мы должны были нести просвещение обществу, но не сделали ничего. Упивались премиальной жизнью. Меняли жилье, автомобили, жен, любовниц, побрякушки, потакая фобиям и комплексам архетипичных бургеров и их пустых, как античные амфоры, женщин ради денег. Так особо умная и талантливая собачка танцует на задних лапах за угощение. Как они могли так поступить с нами, Джон?

– Зная ваш характер, профессор, с трудом верится, что вас так подкосила медицинская катастрофа или потеря официальных должностей. Здесь кроется что-то еще. Нечто глубоко личное.

– Это не твое собачье дело! – злобно оскалился Стейнбек и припал к стакану. Когда он отставил его, на доньшке еще плескалось немного выпивки. На ее маслянистой поверхности отражались голографии из памятного семейного альбома, который профессор так часто пересматривал после похорон дочери. Картина из ряда вон для человека не склонного к избыточным сантиментам. Рядом валялся лист электронной бумаги с газетной статьей, привлекавшей внимание громким желтушным заголовком. «Медицина вновь облажалась! Дочь известного психиатра покончила с собой перед свадьбой».

Пейтон не отступал:

– У каждого есть шанс исправить ошибки прошлого или,

по крайней мере, искупить терзающую душу вину. Пока мы способны работать, то не проиграли.

– Сколько лет прошло, а ты все такой же. Я уничтожил тебя и помочился на хладный труп на потеху всем алчным дуракам из профессионального сообщества, а ты просто встал, отряхнулся и пошел дальше. Ты вышел тогда из лекционной аудитории вместе со своими прихлебателями Роучем и Домбровским под громогласный хохот и даже не обернулся. Ни разу. Что ты за человек такой?

– Просто человек с великой мечтой. У вас есть мечта, профессор?

– Какая мечта?

– Такая, которую тяжело достичь до прихода старости. Настоящая мечта. Как маяк, она ведет тебя сквозь шторма и невзгоды. Дает утешение в скорбный час. Как костер в безлунную ночь, она привлекает иных скитальцев во тьме бытия, будто мотыльков, слетающих к ее обжигающему пламени. С подобной мечтой жизнь человека обретает смысл помимо поддержания оборотов вечного колеса жизни. Вот такая мечта, профессор!

– Такой мечты у меня не имеется...

– Тогда мы можем вместе идти за моей мечтой. Своей работой принести пользу людям, – Пейтон протянул Стейнбеку руку. – Идемте, профессор, подальше от обители мрачных дум и саморазрушения. Не стоит корить себя, когда впереди еще так много дел и свершений.

Доклад закончился, и юноша растворился в воздухе вместе с последним слайдом. Стейнбек упал на колени, а Гловер тяжело осел на пол рядом с ним. Орье свалилась на землю вместе с остальными слушателями форума. Она с трудом поднялась на ноги и заковыляла к психонавтам, разминая онемевшие конечности. Подойдя поближе, Жюли положила руку на плечо Стейнбека и утешительно похлопала по нему. Было похоже, что этот сухой жест – максимум, какой она смогла из себя выдавить.

Гловер заметил идущего к ним Вульфа и с наигранной театральной саркастичностью захлопал в ладоши:

– Браво, Алекс! Благодаря твоему появлению в нашей честной компании психонавтов и привнесению в гомеостатическую среду «Гипноса» душистой нотки эмпатии с горьковатым послевкусием сочувствия, этим бедолагам сегодня грезятся сны, полные глубоких личностных переживаний. Ты без зазрения совести раздеваешь их донага, как старый завсегдатай стриптиз-клуба. Очень удачно, что мне по способностям и должностной инструкции предписано нырять в ваши глубины, вскрывая крепкую раковину сознательного, и доставать в КОС жемчуг истинного, очищенного от нейрохимии эго. Хоть не придется так позориться перед коллегами, потрясая своим грязным бельишком. стыдоба, да и только! Но знайте. Если бы кому-то из вас посчастливилось проникнуть в сон Артура Гловера, то уверяю – мой гигантский агрегат вам явно не по зубам!

Глава 11. Жнец

Время во сне тянулось непредсказуемо. Вульффу казалось, что прошли бессчетные часы, но едва стоило об этом задуматься, как солнце склонилось за горизонт, уступив место густому багрянцу заката.

Университетский кампус раскинулся на берегу огромного озера, затерянного среди бесконечных зеленых лугов, местами поросших вековыми дубовыми рощами. С приходом сумерек над водой поднялись плотные клубы тумана, укутав окрестности университета белым хлопковым саваном. Безмятежная гладь озера остывала после дневного зноя, неохотно расставаясь с накопленным успокаивающим солнечным теплом. Воздух наполнился промозглой сыростью, вгрызавшейся в кости и заставлявшей мышцы спастически сокращаться. Однако в разум она приносила холодную бесчувственную ясность. Алекс никогда прежде не видел мир таким ледяным, но кристально-чистым.

– Что дальше? – спросил он.

– Остался последний член отряда, – ответила Орье.

– Самый бесполезный для путешествия по снам, но между тем без него погружение теряет смысл, – влез Гловер. – Жнец.

– Директор.

С наступлением темноты психонавты отчалили на четы-

рехместной гребной лодке от старинного каменного причала, укрытого клочьями лишайника. С чем было связано ожидание, они не ведали. Так распорядилась Орье. Она в избыточные подробности предпочитала не вдаваться.

Вульф с Гловером сели на весла. Орье расположилась на носу, настороженно вглядываясь в загадочную и непроницаемую мгlistую пелену. От обволакивающего и герметичного окружения Вульфу стало не по себе. В глубине ее завихрений он замечал отдаленные картины былых кошмаров. Были ли эти миражи правдой, либо очередным мороком – Алекс предпочитал не всматриваться в зыбкие образы излишне пристально. Стейнбек примостился на корме молчаливый и апатичный. Старый усталый мужчина, выгоревший дотла. Спокойствия за судьбу погружения в хост он не внушал и менее всего походил на грозное психологическое орудие против внутренних демонов, затаившихся во тьме подсознания.

Работая веслом в унисон с Гловером, Вульф размышлял о нескольких вопросах, накрепко застрявших в его мыслях посреди безудержного калейдоскопа гротескных событий. Что значили слова Гловера с Беккером? Гомункул и внедренный агент – все это о нем, Алексе Вульфе. Собственное прошлое стало казаться ему чем-то отдаленным и малозначимым. Кто он такой, в самом деле? Врач-психолог, военный медик, наркоман, безумец, волонтер, психонавт? С ним ли все это происходило или с кем-то другим и совсем в иной жизни? Прав-

да ускользала от него, как ключья тумана, который нельзя ни схватить, ни потрогать.

Гловер заметил потерянную мину на лице Алекса и толкнул его в бок:

– Не вздумай копать глубоко и анализировать все то, чему стал здесь свидетелем. Вот вернемся на твердую землю, тогда и займешься изысканиями. Если перенасытишь разум картинками и образами, что видел в КОС, не миновать тебе постгипнотической фуги.

– Хватит нести чушь, мистер Гловер! – пробурчал Стейнбек. – Этот молодой человек последний, кто может потерять над собой контроль в группе извлечения. Директор всегда знал это. Он выбирал не вслепую. Услышав про нейровирусную атаку, я начал догадываться, для чего здесь мистер Вульф. Пейтон задумал убить двух зайцев одним выстрелом. Посмотрим, к чему приведет подобная самонадеянность.

– О чем вы, профессор? Не поделитесь?

– Небольшие озарения. С момента знакомства с Пейтоном я стал придавать им куда большее значение. Директор задумал охоту на живца.

– И кто добыча?..

– Тихо вы! – зашипела с носа лодки Орье. – Дайте сосредоточиться, иначе точку входа пропустим.

Подул порывистый осенний ветер, принесший с собой холодную морось затяжного дождя и запах гниющей палой листвы. Он проделал в тумане брешь, в которую вошла лод-

ка. Они выплыли на середину озера. Поверхность его подернулась легкой зыбью. Огромная луна в половину неба взошла на небосвод, расстелив на воде дорожку из мертвенно-бледного света. Орье распорядилась достать из воды весла и крепко вцепилась в борта лодки, примаскиваясь поудобнее.

– Раскачивайте ее. Нам надо перевернуться, чтобы попасть в сон директора.

– Как она это делает? – вполголоса спросил Вульф, перенеся вес на край лодки.

– Чего делает? – уточнил Гловер, пытаясь от натуги.

– Находит дорогу во сне.

– Для нее это столь же естественно, как есть или дышать.

Вы способны писать стихи, молодой человек? – осведомился Стейнбек.

– Паршивые разве что.

– Как и я, но некоторые пишут великолепно. Это особенность работы мозга. У кого-то есть предрасположенность, а у кого-то ее нет. То же и здесь. То, что вам кажется случайным, простым и легким, есть плод тщательной селекции персонала и бесчисленных экспериментов. Проб и ошибок. Целые отделы Конторы денно и ночно работают над тем, чтобы в КОС все прошло максимально гладко. Настолько насколько это вообще возможно, – он крякнул и опрокинул лодку кверху брюхом.

Уйдя под воду, психонавты вместе с лодкой вынырнули на

поверхность в тени старинного замка, короной венчавшего вершину скалы, сурово нависшей над небольшим поселением, уютившимся у берега озера на крутых склонах. Бардовые черепичные крыши домов были укутаны пряным дымком, вырывающимся из печных труб. Узкие, вымощенные камнем улочки, где с большим трудом могли разъехаться встречные автомобили, освещались приятным оранжевым светом стилизованных газовых фонарей, хотя они давно сменили ископаемое топливо на экологически чистое электричество от ветряков, заполонивших горизонт. Луна озаряла замороженные лица психонавтов. Ее безжизненные лучи высушивали намокшую одежду не хуже неистовой летней жары.

На песчаном берегу у самой кромки воды сидели мальчик с девочкой, склонившись над раненой птичкой, о чем-то неслышно переговариваясь. Паренок предельно осторожно, стараясь не напугать, взял пичугу на руки и, ласково поглаживая, принялся со знанием дела осматривать тщедушное тельце. Раскрыл и ощупал сперва одно крыло, а затем и второе. Проверил лапки, при прикосновении к одной из которых птаха принялась бить крыльями и вырываться. Успокоив ее, мальчик передал птицу девочке, взявшей нахохлившийся комок перьев со смесью страха и неподдельного восторга. Он немного порылся в плавнике, выброшенном на берег, и отыскал подходящую по размеру палочку. Оторвав от рукава рубахи кусок материи, мальчик что-то с улыбкой сказал девочке, еще крепче вцепившейся в птичку. Он распра-

вил поврежденную ножку и соорудил самодельную шину. Не переставая аккуратно удерживать птицу, девочка радостно захлопала в ладоши и поцеловала мальчишку в щеку.

От жилых домов к берегу спускался крепкий пожилой мужчина в ливрее слуги. Судя по всему, он искал девочку, одетую не в пример лучше малолетнего товарища.

Дети испуганно обернулись на его оклик:

– Мисс Эбигейл, вот вы где, маленькая негодница! – зычному голосу лакея могли бы позавидовать армейские старшины из прошлого Алекса. Военную выправку не скрывали ни возраст, ни застарелый артрит. – Мы искали вас по всему замку и городу. Идемте скорее! Отец очень недоволен вашим поведением.

Девочка, перехватив птаху поудобнее, бросилась к нему со всех ног. Мальчик, встав и отряхнувшись от песка, долго смотрел им вслед, пока они поднимались по улицам, переходам и лестницам прибрежного городка все выше и выше к замку. После паренек, повесив голову, побрел домой.

– Какая душеспипательная сцена! – скабрёзно заметил Гловер. – Мы на берег будем сходить или нет? У меня все ноги затекли.

Они подналегли на весла, пока лодка не вышла на мелководье и не заскребла об илистое дно. Гловер с Вульфом спрыгнули в воду и протащили ее руками поближе к берегу. Следом сошел Стейнбек, уйдя модными ботинками по щиколотку в песок. Он элегантно подал руку Орье и залихват-

ски подхватил ее на руки, вынеся на сушу.

– Не отсырел еще порох в пороховницах, профессор? – погрозил ему пальцем Гловер. – Оставили бы подобные выкрутасы молодым.

– Ваши бесхитростные пролетарские манеры давно ни для кого не являются секретом, мистер Гловер, и ваша молодость тут совершенно ни при чем. Галантность предоставьте джентльменам.

Орье будто их не слышала:

– Итак, что мы имеем? Мальчик и девочка. Кто из этих двоих заслуживает нашего внимания? За кем нам проследовать?

– Мальчик, – ответил Вульф. – Без малейших сомнений.

– Испытываете сочувствие к угнетаемым? – спросил Стейнбек.

Гловер гоготнул:

– Толстосумам вроде вас не понять пареньков из самой задницы мира.

– Я, мистер Гловер, нажил состояние непосильным трудом, – возразил Стейнбек. – У меня не было ни беззаботного детства, ни безумной юности. Именно по этой причине кризис среднего возраста бьет по таким, как я, с утроенной силой. Получив все, мы безуспешно пытаемся наверстать навсегда упущенное.

– Скажите, и стартовые условия у нас были одинаковыми? Воплощенная мечта! Трудитесь в поте лица, да воздаст-

ся вам по заслугам!

– Конечно, нет! Родители дали мне достойный билет в жизнь. Однако шансы свои я не упустил и возложенные надежды оправдал с большим отрывом.

Орье не замечала их спор или давно к таким привыкла.

– И все же почему мальчик?

Вульф улыбнулся в ответ:

– Заключение, основанное на внутреннем чутье, не входящем в мои должностные полномочия. Примерно так же я отыскал вас в больнице. В ваших снах есть образы искусственные и мертвые, порожденные сознательным, а есть живые, преисполненные тепла, боли и страха – подсознательные. Мальчик такой!

– Возможно, вы правы, – неожиданно согласилась Орье. – У каждого из нас в платяном шкафу сознания притаилась коллекция шрамов, делающая наш разум столь ценным и незаменимым для работы в сеансе КОС. Директор не исключение.

– Не делайте из него жертву, Жюли. Он конференсье нашего цирка уродцев. Для Пейтона этот выбор осознан. Для тех, кто день за днем выступает на арене, лишь отчасти, – заметил Стейнбек.

– Я буду держать ваш здоровый скепсис в уме, профессор, – ответила на замечание Орье. – Директор считает ваше мнение непогрешимой истиной, несмотря на то, что вы, как никто другой, изрядно подпортили ему жизнь, и, возможно,

давно пришла пора оставить вас на обочине своего пути.

– Благодарю за оказанное доверие.

Вульф прервал их пикировку:

– Мальчишка пошел к зданию с вывеской «Отель».

– Значит, пора навестить сопляка и задать пару вопросов! – Гловер, засунув руки в карманы, зашагал вперед, подавая пример всем остальным.

Они поднимались вверх по улочкам, стекавшим водопадами света с вершины скалы к тихому и безмолвному озеру. Немногочисленные прохожие напоминали безликие тени, беспрекословно следующие чьей-то чужой воле. Все они были расставлены по своим местам, как кусочки пазла, изображавшего фасад жизнерадостного города на подарочной открытке к празднику. Неискреннее поздравление, произнесенное в глубоко фальшивом жизнерадостном ключе. Типичный образчик приемлемого социального лицемерия.

– А вы хорошо справились в лекционной аудитории, Алекс, – заметила мимоходом Орье, немного отстав от Гловера со Стейнбеком.

– Справился? – удивился Вульф. – Скорее я был бесполезным балластом. Меня вытащил Беккер, а потом началось непредвиденное.

– Что конкретно?

– Он задавал мне весьма своеобразные вопросы.

– Вопросы, связанные с реальными событиями? О происходящем вне коллективного осознанного сновидения?

– Можно и так сказать. Он заставил меня задуматься.

Приказал вспомнить.

– Комиссар помог нам. Нашел тонкий выход из кризисной ситуации.

– Помог?

– Конечно. Вы наша пуповина в явь, Алекс. Якорь в реальности. Вспоминая о жизни за гранью сна, вы привносите в КОС образы настоящего. Задумавшись над вопросами Беккера, вы вырвали Стейнбека из омута грез. Напомнили ему, что он спит. Профессор ослабил сопротивление и позволил Гловеру добраться до жемчужины эго. В противном случае, он бы нам спуску не дал, смакуя застарелые убеждения, которые до сих пор лелеет в глубине души.

– На это и был расчет при введении новой ролевой модели?

– Именно! Вы отрезвляете нас. Приходя сюда, мы постепенно теряем представление о сне и яви. Все, кроме якоря. Только ама изначально свободен от уз своей раковины за счет избыточной экстраверсии. Он призван вытащить эго других психонавтов в КОС. Проблема в том, что ама частенько забывает о собственной цели, плутая в лабиринтах иллюзий. В результате мы либо застреваем в раковинах своего сознательного, омываемого волнами тревог и комплексов, либо, если ама справляется со своей задачей, многократно погибаем по пути к семени сна, утрачивая осознанность и низвергая КОС до дикой первоосновы человеческой природы –

тени. И первое, и второе грозит серьезными травмами, нанесенными психике группы извлечения. Психонавты с хорошо выраженными естественными механизмами защиты впадают в гибернацию, не успевая испить горькую чашу до самого дна. Всем прочим везет меньше.

– И моя цель – предотвратить утрату осознанности?

– Так было задумано. После извлечения семени сна вы должны вытянуть нас обратно в явь.

– Как вы пробуждались до моего появления в Конторе?

– Медикаментозно. Это напрочь сбивало циркадные ритмы и провоцировало постгипнотическую фугу. Отряды психонавтов надолго выбывали из строя после подобного возвращения на твердую землю. Участие якоря многое упрощает.

– Почему же, интересно, еще совсем недавно вы подвергали сомнению мою кандидатуру для погружения с группой извлечения?

Орье смешалась:

– Не терплю недомолвки, поэтому объяснюсь. Не могу понять, почему именно вы так идеально вписались в концепцию Пейтона, а я ненавижу блуждать в потемках! Кто-то ведет двойную игру, и я не могу разобрать кто. Пока, по крайней мере.

– Мне показалось, что во сне все тайное становится явным.

– Напротив, эту особенность тоже привнесли вы. До сей

поры никто из нас душевным эксгибиционизмом не страдал. К тому же мы все профессионалы, чтобы так безобразно раскрываться перед посторонними людьми. Алекс, чувство сопереживания у вас выражено необычайно сильно, поэтому мы не врали, предлагая вам должность психотерапевта. У Пейтона явно есть далеко идущие планы на ваш счет.

Они добрались до здания с вывеской. Колокольчик на входной двери возвестил об их прибытии в маленький двухэтажный провинциальный отель. Небольшая рецепция жалась к подсобным помещениям, открывая дорогу к коридору с номерами постояльцев и лестнице на второй этаж. Никакой избыточной роскоши в подобном заведении отродясь не водилось, но аккуратность и чистота присутствовали даже в мельчайших деталях и самых незаметных уголках.

Усталая женщина средних лет встрепенулась за стойкой, увидев ночных посетителей. Она дружелюбно поприветствовала их:

– Доброй вам ночи, уважаемые! Чем могу быть полезна в столь поздний час?

– Мы ищем мальчишку лет десяти, – сказал Гловер. – У вас тут такие не водятся?

– Джон? – встревожилась женщина. – Что он опять натворил?

– Ничего дурного, смею вас уверить, но нам бы очень хотелось его увидеть, – успокоила ее Орье.

Женщина нахмурилась:

– Наверное, опять таскается за дочкой господина Энслина. У нее слишком легкий и беззаботный нрав, не в пример своему благоразумному отцу. Девочка даже не ведает, что творит с душой бедного мальчика. Как бы не случилось беды! Господин Энслин всегда был так добр к нам. Мой покойный муж всю жизнь проработал на ветрогенераторах, принадлежащих его энергетической компании. Он погиб на производстве. Несчастный случай – так мне сказали. Господин Энслин принял самое активное участие в нашей нелегкой судьбе. Отдал в заем отель. Следит за воспитанием и образованием сына.

– И где же юный Джон находится сейчас? – спросил Стейнбек.

– Он должен был вернуться пару часов назад и подсобить мне по хозяйству. Умоляю, найдите его! Проследите, чтобы не стряслось чего дурного.

– Мы с радостью поможем вас, миссис Пейтон! – Стейнбек взял ее за руки и с улыбкой пожал их. На прощание он приложился губами к тыльной стороне ее правой кисти. Женщина так и зарделась.

– Вы злопамятный старый ублюдок, профессор, – буркнул Гловер, выходя на улицу. – Готовы нагадить человеку в душу ни за грош.

– Не мог отказать себе в подобном удовольствии. Мелочность – мое вечное проклятие. И, спешу заметить, для директора подобная глупость как с гуся вода, а мне чертовски

приятно.

– Какая прелесть!

Пока психонавты восходили к замку, часы на башне ратуши пробили полночь. Небо с огромной бледной луной заволокли тяжелые низкие тучи. Принялся накрапывать мелкий противный дождь. Бездонное озеро и небеса стали единым целым, уподобившись черной вуали на лице скорбящей женщины. В этой серой пелене скрывалась темная фигура мальчика в рясе, неотрывно преследовавшего психонавтов, но стоило только Вульффу внимательно присмотреться, как сильный порыв ветра рассеял призрачное видение.

– Поздновато для дружеских прогулок, не находите? – обратилась Орье к психонавтам.

– Малыша Пейтона ведет собственный флюгер. Гормональная буря и пунктуальность – вещи не совместимые, – заметил Стейнбек.

– Судя по вырисовывающимся декорациям, развязка будет не из приятных, – подытожил Гловер.

Они поднялись на самую вершину скалы, разглядывая величественный замок, застывший на краю пропасти. Увитая плющом крепостная стена ограждала внутренний дворик с башней-донжоном, взвивавшейся в небо остроконечным шпилем. Стрельчатые окна светились многоцветными витражами, отбрасывая радужные блики на депрессивную и серую пелену затяжного дождя.

К замковой стене примыкал старый сад, огороженный

кованным забором. Вульф успел заметить, как юркая тень, ненамного опередив их, перемахнула через него, обронив несколько неброских цветков из импровизированного букета. Алекс указал всем на сад, и они подошли поближе к ограде, чтобы проследить за директором.

Пейтон успел измениться с момента их предыдущей встречи на берегу озера. Из маленького мальчика он превратился в нескладного угловатого подростка, таившегося в ночи в ожидании дамы сердца.

– Эбби, – робко позвал он. – Ты здесь?

Ответом ему был включившийся яркий прожектор на замковой стене, ослепивший подростка и психонавтов, застывших у ограды. Высокая черная тень выступила вперед, оставаясь смутным силуэтом на фоне обжигающего света.

– Вы, молодой человек, я вижу, никак не уймется? – молвила тень, подав знак рукой кому-то невидимому для глаз психонавтов.

– Господин Энслин, я лишь хотел... – пожилой слуга, вынырнув из-за деревьев, ударил Пейтона под колени резиновой полицейской дубинкой, опрокинув его лицом в грязь.

– Ваш отец был человеком чести, – продолжил Энслин, будто бы не замечая побоев. – Служил достойно: не крал, не врал, не чурался сложных и опасных заданий. Работал как полагается. Погиб, исполняя мою волю, и я, в свою очередь, как человек чести, из благодарности за подобную преданность, счел долгом позаботиться о вашей семье, оставшейся

без единственного кормильца. Всем, что у вас с матушкой имеется, вы обязаны мне, юноша.

– Сэр, у меня не было никаких дурных побуждений...

Удар ногой под ребра утихомирил подростка.

– Юный Джон Пейтон, вы мне как приемный сын, и я чувствую ответственность за ваше воспитание, но то, что я вижу сейчас, безмерно расстраивает меня. Вы позарились на цветок, который вам не по карману и никогда таким не станет. Как наглый воришка, вы пробираетесь под покровом ночи в чужой сад, дабы этот цветок присвоить... Не думаю, чтобы ваш батюшка одобрил подобное поведение.

– Мы любим друг друга, господин Энслин. Вам не помещать этому.

Старый лакей хмыкнул, но побои прекратил.

– Пылкий флер юности застит вам глаза – это простительно. Я проясню ситуацию: девушкам в этом возрасте свойственна легкомысленность в поведении и знаках внимания субъектам противоположного пола. Это игра пробуждающегося женского начала, которую многие молодые люди принимают за чистую монету, готовясь с головой кинуться в омут. Мисс Эбигейл любит быть окруженной поклонниками, таскающимися за ней следом, так же, как красивые платья, дорогие развлечения и отдых на лучших курортах мира. Вы готовы предоставить ей все это, юноша, или убогий букет – ваше единственное подношение?

– Вы не знаете Эбби! – прошипел Пейтон. – Она не такая!

– Это ты не знаешь ее, мальчик. Она такая, как все прочие девушки ее круга. Разговоры о равноправии и социальных свободах особенно многозначительно звучат в их устах на берегу Французской Ривьеры с бокалом выдержанного игристого вина в руке. Они пользуются популярностью среди равных. Жестокая истина состоит в том, что вы ей не ровня. Статусом не вышли. Точка. Забудьте, оставьте и ступайте с миром. Годы научат вас мудрости, и позже вы мне скажете спасибо.

– Сейчас свободный век, мистер Энслин! – последнее обращение Пейтон выкрикнул как ругательство. – Ваши заскоружные традиции давно канули в лету. Нет разницы между богатым и бедным. Все мы люди, а людей прежде всего оценивают по их достоинствам. Я добьюсь своего! Обещаю вам!

– Свободный век? – переспросил Энслин. – О какой свободе вы говорите, юноша? Это слово для легковверных дураков, пляющихся в экраны. Я открою вам правду: никакой свободы нет и никогда не было. Вот господя! – он указал рукой на замок. – А вот рабы! – Энслин обьял рукой округу. – Раб – это полезная смышленная скотина, хоть нынче и зовется иначе. Любую скотину принято учить палкой, и вы, по всей видимости, не исключение. Очень жаль. Видит Господь и ваш покойный отец, я не желал этого.

Энслин повернулся и зашагал в сторону замка, а на лежавшего в грязи Пейтона обрушился град ударов дубинкой. По мере того как дубинка поднималась и опускалась, прожектор

медленно гас, погружая окрестности в перевозданную тьму.

В свалившейся на них тишине особенно четко прозвучали судорожные щелчки зажигалкой. Возникший из ниоткуда крошечный язычок пламени осветил лицо Гловера. Он передал зажигалку Орье и вплотную подошел к ограде.

– Доверьте извлечение жемчужины эго директора из раковины сознательного настоящему профессионалу своего дела, – хвастливо заявил он.

Гловер примерился и схватился за прутья двумя руками. Навалившись всем телом, он натужно закричал. Ограда подалась, образуя проход, но яркая вспышка с характерным хлопком на мгновение выхватила из темноты фигуры психонавтов. Гловер отлетел назад, отброшенный ударом тока. Вновь стало темно, хоть глаз выколи.

– Намек понятен, – глухо пробормотала Орье.

Огонек зажигалки Артура, выроненной от неожиданности, вновь возник в ее руке. Он осветил ограду сада и щель, в которую мог протиснуться взрослый человек.

Из образовавшегося прохода вылез директор и произнес, глядя на поверженного Гловера, тихо ругавшегося сквозь зубы:

– Приношу глубочайшие извинения, Артур, но я не позволял подчиненным копаться в собственном сознании.

– Чего и следовало ожидать, – согласился Стейнбек. – В самоконтроле вам не откажешь.

Пейтон не стал акцентировать внимание на замечании и

перешел к делу:

– Алекс, помогите мистеру Гловеру подняться на ноги, будьте так любезны. Мы уходим.

Тот его не услышал.

Вульф совсем недавно заметил двух детей и теперь шел за ними вдоль ограды. Мальчик с девочкой бежали наперегонки, сотканые из лучей света. Веселые, счастливые и полные внутренней свободы, свойственной далекому детству. Девочка, смеясь, разметала палую листву около ограды и открыла тайный лаз в сад, в котором оба ребенка исчезли в мгновение ока, как юркие котята. Алекс не без труда последовал за ними.

Едва он выбрался на поверхность, как понял, что внутри нет ничего. Его окружала холодная циничная пустота. Вульф шарил по округе вытянутыми вперед руками, но не находил никаких ориентиров.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул он в пустоту. – Орье? Гловер? Стейнбек?

Ответа не было.

Где-то глубоко во мраке он чувствовал биение живого и теплого сердца, сочившегося страданием и разочарованием. Искренние переживания захватили его и потянули к себе как магнитом. Вульф шел вперед в крошечной темноте навстречу всепоглощающей буре эмоций. Он с упоением впитывал этот шторм, вспоминая давно забытые ощущения, выхолощенные из его памяти.

– Какая сладкая боль, – прошептал в пустоте лежавший в грязи паренек, глядя на низкое холодное небо, источающее скупые мелкие слезы.

Алекс упорно шел вперед и наконец заметил крохотный огонек вдалеке. Одинокая лампочка горела во мраке над большим столом, заваленным гаджетами и электронной бумагой. Сидя спиной к Вульффу, за столом трудился молодой человек, погружившись с головой в работу. Рядом с ним в лучах сентябрьского солнца посреди гор багряно-желтой листвы кружилась девушка из его мечтаний. Эбигейл Энслин. Идеализированная, воздушная и прекрасная. Икона, но не женщина. В вышине, зависнув над ними грозовой тучей, висел замок на вершине скалы, освещенный огромной бледной луной. Шло время, и юноша все меньше смотрел на девушку в отрыве от собственных изысканий. Ее образ потускнел и превратился в старую голографию с запыленной полки памяти. Продолжая усердно работать, молодой человек все чаще обращал взор к замку. Он заполнил собой горизонт и подавлял чужую волю колоссом всепоглощающей власти. Луна сменилась восходящим солнцем, и девушка обратилась тенью мимолетного воспоминания, но замок, озаренный предрассветным нимбом, горел манящим пламенем, а путь к его воротам стал четко вырисовываться в воздухе.

Вульфф подошел к юноше и тронул его за плечо, желая посмотреть на плоды кропотливого труда. Пейтон развернулся в кресле и с неожиданной силой оттолкнул его. Алекс отле-

тел обратно в пустоту, провожая взглядом удаляющийся огонек лампочки. Он бесконечно долго падал в неизвестность, пока его не обвила желтая шелковая лента, выдернув из раковины директора.

Яркий ледяной свет внезапно обрушился на него со всех сторон, и Вульф упал в сугроб у фонтана. Гловер помог ему подняться, а Орье отряхнула от снега. Холодный воздух приятно бодрил после длительного пребывания в тягостном и душном сознании директора. Из рта вырывались облачка пара. Стейнбек щурился, глядя на зимнее солнце, и растирал покрасневшие руки.

В тени Конторы стоял Пейтон, смотря на здание центрального офиса, будто любовался произведением искусства.

– Вы думали, что я так легко позволю вам проникнуть в свое сознание? – спросил он. – Стоит отдать вам должное, Алекс. Вы, как изворотливый угорь, падкий до сострадания, проникли дальше всех прочих, пройдя путем застарелых эмоций. Даже злобный бродячий пес не может долго сопротивляться доброте, ласке и сопереживанию, что уж говорить про человеческое существо. Чертовски умно! К этому мы вернемся чуть позже, а теперь не время ворошить прошлое, блуждая в лабиринтах снов. Пришла пора забрать приз и излечить человечество.

Глава 12. Прорыв

Вульф зачерпнул пригоршню снега из сугроба рядом с фонтаном и растер им лицо, пытаясь сконцентрироваться. Голова шла кругом от резких прыжков между сновидениями, смены декораций, погоды и времен года.

Он глубоко вдохнул и огляделся вокруг, чтобы осознать окружение и привязать себя к новой обстановке. Прорасти в нее.

Землю и нагую растительность с жухлой листвой покрывала изморозь. Лед сковал небольшие лужицы на пешеходных дорожках. Воздух искрился кристалликами льда в лучах холодного солнца. Контора сияла отраженным светом на гранях зеркального шпиля, возвышаясь над городом вавилонской башней, терявшейся в дымке низких облаков.

– Почему мы оказались на пороге центрального офиса? – спросил Вульф.

– Это весь мир, известный Банни в сознательном возрасте, – ответила Орье. – Сновидцы не покидают пределов здания. Так проще контролировать фантазию их подсознания в «Гипносе». Чем меньше они получают информации о мире вокруг, тем легче психонавтам работается в оболочке их хоста. Ты всегда знаешь, чего ожидать. Нет ничего из ряда вон выходящего. Все данные, что им скармливают ежедневно в процессе подготовки и обучения, имеют одну цель

– формирование семени сна для лечения профильного психического заболевания, на которое они натаскиваются. Они подобны пчелам, чьи ульи вывозят на поля с определенными растениями, чтобы получить мед нужного качества.

– И наша задача – добыть это семя из хоста?

– Это моя задача, – сказал Пейтон. – Отыскать семя и доставить его в явь. Ваша задача – помочь мне.

– Каков же план действий?

– Гловер пробьет брешь в раковине сознательного Банни максимально эффективным способом. Разыграем сценарий «теракт».

– Мистер Пейтон, стоит ли так спешить? – спросила Орье. – Это очень грубая и травмирующая заготовка. Если мы будем эксплуатировать хосты подобным образом, то надолго их не хватит.

– Вы слишком долго собирали группу извлечения. Гловер доложил мне, как все прошло.

– Чудо, что мы вообще добрались так далеко, впервые работая в одном отряде, – парировала Орье. – Не забывайте, у нас в группе новичок. Необученный и неподготовленный.

– Алекс оправдал возложенные на него ожидания, стабилизовав КОС, как мы и планировали. Нет времени на препирательства. Сеанс коллективного сновидения затянулся. Скоро у наших физических оболочек начнется интоксикация от ударных доз энтеогенов и седативных препаратов. Данный сценарий позволит аме быстро пробить барьер со-

знательного и отвлечь защитные механизмы хоста. Он приведет комиссара, который возьмет на себя руководство коллективным бессознательным, чтобы его агенты не мешались под ногами, и даст возможность ферзю протащить в раковину Банни арсенал. Дальше мы поднимемся в камеру сновидицы за семенем сна и вернемся на твердую землю. Конец операции.

– Кажется, вы говорили мне, что у детей с синдромом Дауна полностью отсутствуют сформированные барьеры и бессознательные защитные реакции против вторжения извне? – удивился Вульф.

– Я сказал: «Практически полностью отсутствуют». Никогда не упускайте из виду детали, Алекс. Приступаем!

Гловер в мгновения ока сменил одежду на камуфляжную форму с маской, скрывавшей лицо. Далее занялся экипировкой для группы психонавтов: белые рубашки, черные удобные штаны и форменные серые куртки федеральных агентов с аббревиатурой бюро общественной безопасности на спине. Профессор в свою очередь обзавелся амуницией командира штурмового отряда с соответствующим темно-синим обмундированием.

Стейнбек снарядил их оружием. Гловеру досталась компактная полуавтоматическая винтовка и гранаты. Пейтону, Орье и Вульфу были выданы табельные пистолеты. Для себя он соорудил помповый дробовик, привычно закинув его за плечо.

– Любил поохотиться с таким на досуге в спокойные годы прибыльной частной практики, – пояснил профессор. – Привычка – вторая натура.

– Боюсь представить, какое решето оставалось от вашей добычи, – заметил Вульф.

– Это не имело значения. Вопрос внутренних ощущений. Когда стреляешь из подобного оружия, чувствуешь себя настоящим крутым мужиком. Эволюция общества позволила нам забыть, каково это. Лишила нас необходимости бороться за жизнь, выгрызая ее у мира когтями и зубами, оставив в экзистенциальном кризисе. Иногда хочется вспомнить, что означает варварская природа человеческого существа. Иногда, но не часто.

В придачу к огневой мощи профессор снабдил каждого бронезиловым и средствами связи.

Орье припарковала на обочине безликий белый фургон для Гловера и служебный автомобиль бюро с проблесковыми маячками на крыше для них самих.

Стейнбек поместил в кузов фургона взрывное устройство, а детонатор передал Гловеру:

– Бунтарство в крови вашего народа, молодой человек. Следуйте своему извечному кредо: не думай, но действуй. Тогда все пройдет как по маслу. Таймер на тридцать секунд. Разгоняетесь, пробиваете окно, выбираетесь из машины, изрядно шумите и привлекаете внимание, отступаете, подрываете.

– Подушки безопасности сработают? – уточнил Гловер у Орье.

– Скоро узнаем.

– Вы так милы!

– Вот нож, чтобы сдуть их после столкновения, – напоследок протянул ему армейский клинок Стейнбек. – Удачи, мистер Гловер! Ни пуха.

– В жопу ваши суеверия! – пробормотал Гловер, удобно располагая нож, чтобы суметь быстро достать его в условиях стесненных движений. Извлек из-под куртки медальон с памятной голографией, поцеловал его и спрятал обратно. – По коням!

Он запрыгнул в фургон и завел мотор. Захлопнув дверь, вдавил педаль газа в пол. Отъехал подальше, а затем развернулся и принялся набирать скорость на пустой дороге. Двигатель фургона ревел обезумевшим бизоном во время гона посреди безлюдных и гулких городских улиц. Гловер разогнал машину, и фургон несся вперед, оставляя позади шлейф из выхлопных газов. Он метеором пролетел по рекреационной зоне, снося кусты и декоративные деревья, попадавшие на пути, подлетел на ступени главного входа, выбив искры днищем о гранит на подъеме, и с треском проломил зеркальную стену, исчезнув в недрах здания. Послышался визг тормозов и грохот от столкновения. После все стихло.

Томительные мгновения ожидания расцвели вспышками света от расчетливых одиночных выстрелов, прорезавших

нутро лобби. Гловер привлекал к себе внимание и отступал обратно на улицу. Его фигура возникла в проломе, выпустив еще несколько пуль в работников службы безопасности Конторы. Прикрыв отход, он развернулся и побежал по ступеням вниз. Перемахнув через борт фонтана, Гловер рухнул в скопившийся в бассейне сугроб и укрыл голову руками.

Прогремел оглушительный взрыв, отбросивший Вульфа на капот машины. Ударная волна была ощутимой даже на таком большом расстоянии. Уши заложило, словно внутрь попала вода. Голова гудела.

Окрестности заволокло пылью, поднявшейся в воздух от взрыва, и едким дымом. На ветру парили бумаги, напоминая встревоженные лесным пожарищем стаи птиц. В стене Конторы образовалась внушительная дыра. Целый сегмент окон зиял разверстой рваной раной, обнажив внутренности офисов. Внутри здания, надрываясь, звенела противопожарная сигнализация, а помещения погрузились во мрак, разукрашенный багровыми гематомами аварийного освещения.

Слова Пейтона прозвучали для Вульфа глухо, будто из-под воды:

– Садитесь за руль, Алекс! Стейнбек, вызывайте кавалерию!

Вульф прыгнул на место водителя, а Пейтон расположился рядом. Орье села сзади, бросая тревожные взгляды из окон машины.

– Ходу, ходу! – прикрикнул Пейтон, от нетерпения посту-

кивая ладонью по бардачку.

Вульф зажег проблесковые маячки и включил сирену, резко сорвав машину с места. Заложив вираж, он вырулил на пешеходную дорожку, пересекавшую рекреационную зону от проезжей части, и пустил машину в объезд фонтана напрямиком к центральному входу, куда уже стали стекаться муниципальные полицейские расчеты.

Гловер успел поменять точку дислокации и отступал под плотным огнем полицейских к стене Конторы, скрываясь за завалами из обломков и продвигаясь от укрытия к укрытию. Вжавшись спиной в стекло и схоронившись за импровизированной баррикадой из щербатых плит, он забросил на простреливаемый участок между входом в здание и полицейскими машинами пару дымовых гранат, скрыв свое местоположение. Гарь от шашек смешалась с бетонной пылью и дымом пожара внутри Конторы, погрузив окрестности в непроглядную мглу.

Вульф затормозил рядом со входом. Пейтон моментально выскочил из машины, размахивая липовым удостоверением перед полицейскими.

– Прекратить огонь! Прекратить огонь! – кричал он. – Бюро общественной безопасности. Операция переходит под нашу юрисдикцию. Всем перегруппироваться. Ожидаем подкрепление. Повторяю...

Вульф вышел из машины, а за ним последовала Орье. Барабанные перепонки разрывались от воя многочислен-

ных сирен. Дымный полог вспыхивал красно-синими огнями проблесковых маячков. Издалека приближался рокот броневиков спецподразделения, а в вышине стрекотали вертолеты, шаря прожекторами по округе.

Гловер вынырнул из клубов дыма, выпуская одиночные выстрелы в сторону полицейских. Он бежал вверх по стене Конторы, поднимаясь все выше и выше.

– И почему он сразу не стал изображать сверхчеловека? – хмыкнул Вульф.

– Потому что использование эго-парадокса в пределах КОС необходимо строго регламентировать безвыходными ситуациями, – стараясь перекрычать сирены, пояснила Орье. – Он разрушает структуру коллективного сна и нарушает синхронизацию сознаний психонавтов в «Гипносе». Чем чаще мы им злоупотребляем, тем сильнее нас отторгает хост, сталкивая в тень.

– Мы все на такое способны? – Вульф указал на Гловера, бегущего по отвесной стене.

– Нет. Способности сугубо индивидуальны. Все зависит от личностных особенностей, темперамента, характера и работы нервной системы каждого конкретного психонавта. Они разделены по ролевым моделям, необходимым для успешного извлечения семени сна из хоста. Ама нарушает границы и правила. Шерпа работает с пространственным положением и путями. Ферзь взаимодействует с архетипами силы. Комиссар – с социальной частью коллективного бес-

сознательного. Жнец находит и извлекает семя сна.

– Ну а я?

– Вы вернете нас в явь на твердую землю. Этого более чем достаточно.

– То есть развернуться во всю ширину своей фантазии не получится?

Орье отрицательно помотала головой.

– Остальные ваши особенности еще предстоит изучить. Мы займемся этим после. Проанализируем данные. Эмпатический сыщик и разрушитель масок – это может пригодиться в будущем, но сейчас наша первоочередная задача – добыть лекарство от генерализованного депрессивного расстройства личности.

Броневики спецподразделения вальяжно вырулили на площадку между полицейским кордоном и центральным входом, отгородив его пуленепробиваемым щитом. Из кабины одной из машин выскочил Стейнбек, на ходу натягивая противогаз и поверх него каску. Он постучал кулаком по борту, и створки кузова броневика распахнулись, выпуская вооруженных до зубов оперативников спецназа. Они слаженно рассредоточились по периметру, взяв в кольцо пробитую взрывом брешь в стене Конторы и заняв удобные огневые точки.

Пейтон возник из клубов дыма, идя бок о бок с Беккером в полицейской форме.

Они ожесточенно спорили:

– В десятый раз повторяю вам, офицер, террорист чрезвычайно опасен. Никто не знает, чем данный инцидент может обернуться в дальнейшем. В задачу муниципальной полиции входит создание защитного барьера вокруг зоны теракта во избежание жертв среди мирного населения. Наша задача – проведение оперативных мероприятий по устранению угрозы.

– Все это ясно как белый день, – ответил Беккер, смакуя жевательную резинку, занимавшую, судя по всему, половину рта полицейского. – Я обязательно передам ваши указания парням, чтобы мимо них и мышь не проскочила, но вот сам пойду с вами. Я офицер, мать вашу! И патриот! Думаете, я стану пропердывать штаны в тылу, пока какие-то фанатичные макаки устраивают посреди моего родного города второе одиннадцатое сентября?!

– Черт с вами! Надеюсь, у вас есть с собой респиратор или противогаз?

– Имеется такой, за меня не переживайте! – Беккер исчез во мгле, припустив в сторону патрульной машины.

– Вот навязался, – прошипел Пейтон. – Всем надеть противогазы. Внутри будет душно.

Орье достала из служебной машины бюро защитные дыхательные комплекты и раздала их Вульффу с Пейтоном, оставив один себе. Алекс привычно нацепил противогаз на голову. Мир сузился до двух щелок для глаз и стал пахнуть дешевым полимером. Лицо моментально взмокло и принялось

раздражающе зудеть. Он не обращал на мелкие неудобства никакого внимания.

Через минуту вернулся Беккер, и Пейтон распорядился:
– Выступаем!

Вульф извлек пистолет из кобуры и снял с предохранителя. Короткими перебежками на полусогнутых ногах они стали продвигаться к пролому в стене Конторы. Оперативники спецподразделения прикрывали их со всех сторон и шли в авангарде, первыми проникнув в искореженное здание.

– Наша цель – двадцать пятый этаж и мой рабочий офис, – передала по внутренней связи Орье. – Там есть персональный лифт к камерам сновидцев. Это самый короткий путь.

Слышал их и Гловер.

– Принято! – согласился Пейтон. – Из-за срабатывания аварийных систем электричество отрубилось, и лифты не работают. Будем продвигаться по пожарной лестнице. Вперед, вперед!

Подъем был изматывающим и монотонным. Бесконечная кишка пожарной лестницы, погруженной в багровую полутьму, насквозь прошивала здание Конторы. Одинаковые лестничные пролеты сменялись один на другой. От долгого подъема на Алекса навалилась тошнотворная тяжесть и ригидное оупение. Вероятно, это чувствовали и прочие психонавты, потому что на появление отступавших с верхних этажей сотрудников службы безопасности Конторы они среагировали с заметным опозданием. Секундное замешатель-

ство обернулось наставленными друг на друга оружейными стволами.

– Спокойно, ребята! – выставил руку вверх Стейнбек. – Свои. Группа захвата. Доложите обстановку.

– Этот бешеный Али-Баба на стероидах положил всех наших парней, – нервно затараторил один из охранников, подерживая раненого коллегу. – Перебил группу из десяти человек. Мы последние, кто остался в живых.

– Где он?

– Наверху. Наверняка не скажу, а врать не стану.

– Пропустить их, – приказал Стейнбек и отступил к стене.

Когда сотрудники службы безопасности спускались вниз, проходя мимо психонавтов, возникла небольшая давка. Пейтон, уступая дорогу охранникам, неловко толкнул плечом Вульфа, отчего во внутреннем кармане служебной куртки Алекса сработала рация, по которой жизнерадостный Гловер вещал на внутренних частотах:

– Проход на двадцать пятый этаж завалило взрывом. Вам придется подняться в офис Орье через шахту лифта. Жду вас на двадцать четвертом. Устроил здесь огневую позицию у разбитого окна. Пойду постреляю по тарелочкам. Конец связи.

Все замерли на мгновение, но затем Стейнбек судорожно махнул рукой, и темную лестничную площадку озарили вспышки выстрелов. Вульф оттолкнул от себя ближайшего охранника и выпустил в него половину обоймы. Все закон-

чилось поразительно быстро, но грохот пальбы эхом засел в ушах.

– Какого черта?! – Вульф почувствовал ствол пистолета, упершегося ему в затылок. – Вы что, мать вашу, творите?

Рука Беккера слегка дрожала.

– Вы, ублюдки, заодно с террористами! – Беккер включил рацию. – Вниманию всех полицейских подразделений. У нас тут липовые федералы. Немедленно требуется подкрепление.

– Все не так, мистер Беккер, – попыталась вмешаться Орье.

Ее опередил Пейтон. Он резко вскинул руку с пистолетом и выстрелил Беккеру в лицо.

– Матерь божья, директор! – присвистнул Стейнбек, стерев с линз противогаза брызги крови. – Как неэстетично!

– Делаю вашу работу, профессор. Якорь нам потерять нельзя.

– Зачем? – прошептала Орье. – Мы теперь стреляем по своим?

– Не драматизируйте. Это всего лишь одна из его масок. Беккер отыграл партию. Он нас задерживал. Идемте!

Дальше они поднимались молча.

Наверху воздух посвежел. Дым и пыль осели, позволив психонавтам стянуть громоздкие маски. Дышать стало легче, но Пейтон по-прежнему ворчал, что время поджидает, раз они испытывают такой физический дискомфорт во сне.

Пролет между двадцать четвертым и двадцать пятым этажами был завален обрушившейся лестницей и обломками стен, как и говорил Гловер. Они покинули пожарную лестницу и вышли в рабочее пространство для младшего научного персонала.

Это было просторное помещение, уставленное компактными столами с моноблоками для работы сотрудников. Сейчас там царил хаос. Мебель была опрокинута. Останки компьютеров устлали пол. Пули изрешетили стены и потолок. Матовые стеклянные переборки между сегментами офиса оказались разбиты.

Помещение просматривалась во всю ширину. Психонавты вышли рядом с главным лифтом. На другом конце офиса у разбитого окна засел Гловер, интенсивно отстреливаясь от полицейских. Он не давал им возможности подобраться к центральному входу и проникнуть в здание.

Стейнбек распорядился, чтобы спецназовцы организовали проход на верхний этаж через лифтовую шахту. Те, используя богатый арсенал спецсредств, моментально разомкнули створки лифта и исчезли в шахте, поднявшись по технической лестнице.

Гловер, заметив появление товарищей, швырнул вниз пару осколочных гранат и заспешил с другого конца офиса к группе психонавтов.

– Плохо дело! – сообщил он. – Они стягивают сюда все силы и средства. Не знаю, что у вас там произошло, но обер-

нулось круто.

– Мы почти на месте, – парировал Пейтон. – Последний рывок. Вы со Стейнбеком останетесь и задержите их. Взорвите пожарную лестницу. Не дайте им проникнуть наверх.

– Чем больше изменений мы внесем в структуру хоста своими действиями, тем сильнее постфактум пострадает личность сновидицы, – напомнила Орье.

– Они сделают только то, что необходимо.

– И насколько далеко простирается понятие необходимости?

– Все, что потребуется, – прорычал Пейтон.

Стейнбек перебросился парой слов с вернувшимся сверху оперативником и доложил:

– Мои парни открыли проход на двадцать пятый этаж. Все чисто!

– Лучше поторопиться, – бросил Пейтон и первым исчез в лифтовой шахте.

– Оставьте разрушение архитектуры сна на крайний случай, – попросила Орье. – Сознание Банни и так нестабильно.

– Мы постараемся, – кивнул Стейнбек, – но думаю, что все неприятные сюрпризы еще впереди, – он многозначительно посмотрел в сторону ушедшего директора. – Большие свершения требуют жертв. Смиритесь, Жюли.

Орье вздохнула.

– Добром это не кончится! – она последовала за Пейтоном.

Вульф кивнул оставшимся и пересек раскрытые створки лифта. Пройдя по техническому парапету вдоль стены шахты и стараясь не смотреть в бездонное темное жерло, наполненное едким дымом, осевшим на нижних этажах, он крепко схватился руками за перекладину лестницы и бросил взгляд назад.

Офис затопило нарастающее стрекотание, а из створок лифта повеяло сильным ветром. Напротив выбитого окна, где ранее окопался Гловер, завис полицейский вертолет. На борту находился спецназ полиции. Один из бойцов вскинул ручной револьверный гранатомет и выстрелил.

Вульф начал судорожно перебирать руками, поднимаясь как можно быстрее. Взрыв сорвал его ступни с перекладины, и он повис над пропастью. С трудом подтянувшись, Алекс продолжил лезть вверх в клубах дыма и пыли, сочившихся из офиса. Непрекращающиеся выстрелы заглушили слова Жюли. Он просто махнул рукой вперед.

Они вывалились из лифта на нужном этаже и заспешили к офису Орье. Где-то на самой границе слышимости Алекс уловил многоголосый безумный шепот, прятанный за канонадой выстрелов внизу. Страх медленно всплывал прямоком из глубин его подсознания.

В сердце Вульфа зрела паника. Опасность наступала им на пятки. Что будет, если они не смогут добраться до камер сновидцев? Стейнбек остался прикрывать их спины. Беккер застрелен Пейтоном. Они беззащитны.

В самый неподходящий момент Вульф заметил неподвижную фигуру Эгга Чока, укутанного в рясу. Тот стоял стражником перед кабинетом Орье. Ковролин с замысловатым геометрическим узором ярких оттенков, выстилавший пол коридора там, где накануне в реальности ползали лаборанты фармакологического отдела службы психологического мониторинга под действием энтеогенов, стал проседать у Алекса под ногами.

«Неужели Орье с Пейтоном этого не замечают?» – пронеслась у него в голове шальная мысль.

Он тонул. У Алекса перехватило дыхание, а сердце было готово выпрыгнуть из груди. Слова застряли в глотке. Вульф попятился назад, и с каждым шагом его ступни проваливались все глубже и глубже в ворс ковролина. Он словно передвигался по вязкой топи. Фантазмагорическое плетение узора сложилось в фигуру, состоявшую из спаянных друг с другом тел. Руки мертвецов из прошлого схватили Алекса и потащили вниз.

Орье спохватилась слишком поздно. Ее тонкие пальцы обхватили ладонь Вульфа, но она не смогла удержать его на поверхности.

Глава 13. Страх

Вульф тонул в кристально-белой бесконечности. В глубине кто-то вел бесстрастным голосом медленный и монотонный отсчет от десяти к одному. В такт щелкал маятник метронома.

– Вы в безопасности, – произнес голос, досчитав до конца. – Страху здесь места нет.

Алекс упал в жесткое передвижное кресло, мгновенно захомутавшее его ремнями безопасности. Вокруг были голые стены без конца и начала. Перед ним парила антрацитовая глыба, зависнув в полуметре над полом. Позади глыбы за рабочим столом, сидел человек. Из-за яркого света, бывшего ему в спину, был виден только едва различимый темный силуэт.

– Вы столкнулись с травмирующими событиями, воспринять которые не способно ни одно самое стойкое сознание на свете. Вы в шоке. Это нормально. Я помогу вам.

– Я не понимаю, – прошептал дрожащим голосом Алекс.

– Человек не может сосуществовать с бесформенным страхом, засевшим после травмы глубоко в подсознании, без необратимых последствий. Мы разложим вашу травму по полочкам. Вместе создадим и запечатлеем ее архетипичный образ. Я подстегну ваше воображение, нарисовав портрет страха. Не замыкайтесь в себе. Откройте двери бессо-

знательного. Оформленный ужас пугает. Порождает фобии и неврозы. Однако если у страха есть лицо, то он никогда не разрушит ваше сознание. Лучше аффективная борьба с монструозным внешним врагом, чем безвольное смирение с внутренним паразитом точащих душу бесконечных тревог.

Алекс задергался в кресле, пытаясь освободиться, но тщетно. Голос тем временем продолжал:

– В каждом разуме притаилась закрытая темная комната.

– И что в этой комнате?

– Весь вытесненный ужас и невыносимая боль, которые сотрут тебя в порошок в одночасье, стоит лишь слегка приоткрыть дверь и заглянуть в щелку.

– Насколько я понимаю, в эту комнату и лежит наш путь?

– Да. Именно туда мы и направляемся.

– Зачем?

– Мы запрем там ваш страх, спрячем ключ от двери и до поры позабудем, где он лежит.

– Я боюсь.

Темная фигура в ореоле света отрицательно помотала указательным пальцем из стороны в сторону:

– Страху здесь места нет, ибо бояться уже слишком поздно.

Посреди белой стены со скрипом отворилась потаенная дверь. Пол наклонился, и Алекс, пристегнутый к стулу, покатился прямым в образовавшийся проход. За дверью таилась тьма, и он провалился в нее, будто в давно позабытый

детский кошмар, вырванный из памяти как постыдная подростковая фантазия со страницы школьной тетради.

Метроном щелкнул первый раз.

Бесконечные часы, проведенные в операционной, исказили для него ход времени. Пространство сжалось до размеров стерильной комнаты с диагностической аппаратурой, хирургическим инструментарием и биоботами-ассистентами, бесконечным потоком тянувшихся на операционный стол солдат, проходивших курс реабилитации для возвращения в строй. Их раны сейчас не имели значения. Они заканчивали жизненный путь медленно и мучительно, так, как не должно погибать ни одному человеку.

Под защитным костюмом все тело зудело и покрылось сыпью. Кислород, поступавший через дыхательную маску, пьянил, делая окружающую обстановку яркой и рельефной, но от него уже подташнивало. Очки дополненной реальности потели и работали с существенными перебоями, выдавая парадоксальную информацию. Либо что-то творилось с госпитальным искусственным интеллектом, либо у него самого поехала крыша.

Очередной солдат мелко затрясся на операционном столе, пытаясь сделать хотя бы один глоток воздуха. От его судорожных всхлипов позвоночник сковало льдом, а яйца были готовы втянуться обратно в полость таза. Алекс попытался сделать молодому солдату коникотомию, но тщетно. Не работали дыхательные мышцы, как и у всех преды-

дущих. Паралич начинался с периферической мускулатуры, лишая возможности передвигаться и намертво приковывая к кровати. За несколько часов он поступательно и неотвратимо добирался до диафрагмы и межреберных мышц, потихоньку душа немых нечленораздельно мычащих бедолаг, измаранных в собственном дерьме. Свободных аппаратов искусственной вентиляции легких больше не осталось. Солдат прекратил трепыхаться. Все было кончено. Алекс оставил бесплодные попытки и дал задание биоботам на очистку операционной. Те никак не отреагировали на его команду, продолжив заниматься с пациентом. Один начал выполнять протокол вскрытия грудной клетки, второй трепанировал череп, третий ампутировал конечности. Перестав отвечать на голосовые запросы, ассистенты раз за разом выдавали одну и ту же размытую по значению системную фразу автономного режима работы: «Пациент в критическом состоянии. Требуется немедленное проведение комплекса реанимационных мероприятий». Алекс попробовал ручное управление. Консоль умной операционной также игнорировала его попытки вмешаться в процесс работы.

Биоботы трудились слаженно и умело. Бескровные лица с черными глазами не отражали ни единой эмоции. Они общались с программной оболочкой госпиталя напрямую под пристальным надзором простенького искусственного интеллекта с ограниченной функциональностью, заточенной под нужды медицинского центра. Отдаваемые ими бессловес-

ные команды заставляли инструментарий операционной взаимодействовать подобно оркестру под руководством опытного дирижера. Манипуляторы с костными пилами, трепанами, распаторами, сакшенами, скальпелями и хирургическими лазерами так и летали над операционным столом, напоминая лапки паука, разделяющего свою жертву. Наконец они закончили анатомическое представление, распределив биологические материалы по специальным герметичным пакетам с консервирующей средой. Аккуратно разложив все по каталкам, биоботы друг за другом покинули стерильную зону, толкая их перед собой. Через распахнутые створки операционной было видно, как прочие искусственные ассистенты госпиталя, точно под дудку гамельнского крысолова, ровным строем шествуют в одном направлении, унося страшный груз.

Вульф последовал за ними.

Из дверей соседней операционной вывалился, пошатываясь в бреду, Антон Власов, хирург, работавший сегодня параллельно с Алексом. Он снял защитный герметичный шлем. Дыхательная маска безвольно свисала с подбородка. Лысый череп покрылся горячечной испариной. Глаза лихорадочно блестели. В руке он сжимал табельный пистолет.

– Помоги мне, Саша! – схватил Власов за грудки Алекса. – Я не хочу погибнуть как все они! – он настойчиво протягивал ему пистолет рукоятку вперед.

– Что ты несешь? – отстранился Алекс. – Зачем снял мас-

ку?

– Не желаю больше на это смотреть, – он обхватил голову руками. – Не могу!

– Чего ты хочешь от меня?

– Застрели...

– Я не стану. Я...

– Ну пожалуйста... – взмолился Власов.

– Нет. Даже не проси. Это безумие!

– А-а-а! Будь ты проклят, ублюдок! – Власов в сердцах швырнул пистолет на пол и побежал прочь.

Свернув за угол, он исчез. Где-то вдалеке разбилось окно, и через несколько мгновений послышался влажный удар об асфальт. Алекс в отчаянии зажмурился и стиснул зубы. Отдышавшись, взял себя в руки и продолжил путь.

Он шел за необычной траурной процессией, сперва покинув хирургическое отделение, а после и пределы здания госпиталя. Растянувшись нескончаемой колонной, биоботы пересекали взлетно-посадочную полосу госпитального аэродрома и исчезали в недрах большого ангара по ремонту медицинского транспорта. Створки ангара были сомкнуты, оставив узкую щель для колонны биоботов с грузом законсервированных биологических материалов.

Когда Алекс вплотную подошел к ангару, его остановил один из искусственных ассистентов, выставив правую руку и не давая пройти дальше:

– Лейтенант Волков, судя по жизненным показателям, ва-

шему здоровью ничего не угрожает. Просьба оставаться снаружи военно-полевого госпиталя.

– Военно-полевого госпиталя? Это же чертов ангар для ремонта техники!

– Запрос не понят. Развертывание военно-полевого госпиталя произведено в рамках реализации доктрины 3.45: «Массовое поражение военных и гражданских объектов в ходе биологической атаки, произведенной противником». Подпункт 31: «Нехватка сил и средств для оказания экстренной помощи пациентам в критическом состоянии».

– Пропусти. Мне нужно посмотреть.

– Команда отклонена. Лейтенант Волков, судя по жизненным показателям, вашему здоровью ничего не угрожает. Просьба оставаться снаружи военно-полевого госпиталя.

– Иди ты к черту!

Алекс пошел вдоль ангара, думая, как ему пробраться внутрь. Добредя до пожарной лестницы, поднимавшейся на крышу ангара, он увидел привалившегося спиной к стене Андрея Маркова, старшего медицинского офицера по их хирургической смене. Разбитая маска валялась у его ног. Он задумчиво смотрел вдаль и меланхолично курил сигарету.

– Ты еще кто такой? – раздраженно спросил он потревожившего его покой Алекса. – Волков? – Марков рассмотрел нашивку на защитном костюме. – Какими судьбами? Куда путь держишь?

– Хотел посмотреть, что творится в ангаре. Биоботы не

пускают через главный вход. Думал, что получится проникнуть внутрь через крышу.

Марков отмахнулся:

– Я тоже так думал. Грохнулся с лестницы в этом треклятом костюме и разбил маску. Теперь пиши пропало! Вот так денек, да? – он расхохотался, выбросил сигарету и тут же прикурил следующую.

– Да. Ну и денек! – согласился Алекс. – Как думаете, капитан, что они там затеяли?

– Хрен их знает. Биоботы перешли в автономный режим. На команды не реагируют. Сейчас они под контролем ИИ. Либо это экспериментальное дерьмо заглохло, либо...

Вульф не стал его торопить, позволяя собраться с мыслями.

– Вирус подействовал и на него.

– Каким образом?

– Возможно, через биоботов. Нейровирус, судя по всему, одинаково тропен как к биологическому, так и синтетическому нервному волокну. Биоботы не подвержены патологическому воздействию, но вот информационному...

– Значит ИИ заражен. Что делать?

– Не имею ни малейшего понятия! – Марков сплюнул себе под ноги. – Мы медики, а не инженеры. Из инженерного корпуса, похоже, никого не осталось. Можешь проверить мою догадку. В серверную сходи, поразведай, а я тут пока посижу. Мне уже спешить некуда. Давай-давай! Кыш! – он

помотал рукой, как отгоняют надоевшего питомца.

Алекс повернулся и пошел к административному зданию госпитальной базы. С севера подул сильный порывистый ветер, принеся с собой легкую поземку из однообразной стылой тундры, раскинувшейся на километры вокруг. В защитном костюме Алекс не чувствовал холода. Одну невероятную тяжесть и усталость. Глаза горели огнем и слипались. Хотелось, наплевав на здравый смысл, лечь посреди взлетной полосы и уснуть.

Его прежний мир, надежды и чаяния рухнули после начала арктической шельфовой кампании и мобилизации офицеров запаса медицинской службы. Вселенная сузилась до размеров тыловой госпитальной базы и привычной рутинной череды дежурств и увольнительных. Так продолжалось из месяца в месяц. Организовался своеобразный быт, новые друзья, досуг. У него даже появилась подружка. Иногда они мечтали о том, что будет после завершения боевых действий. Вместе с первыми упавшими ночью ракетами не стало и этого суррогата полноценной жизни. Он словно очнулся от длительного блаженного забытья в суровом новом мире, где у него отобрали последние крохи счастья.

Что стало с Анной и его товарищами? До начала обстрела они договорились встретиться в офицерском общежитии после смены. Она ждала его там.

Алекс со всех ног бросился к зданию, где он квартировался последние месяцы, но там его поджидало ужасное разо-

чарование. Одна из ракет угодила прямо в общежитие. В здании наподобие деловитых бледных муравьев копошились биоботы. Он не желал смотреть на их груз, невольно представляя в герметичных пакетах части тела Анны. Его чуть не вырвало от этой мысли. Руки стали мелко трястись, и пришлось сжать кисти в кулаки. Алекс заставил себя идти дальше.

Административное здание оказалось пустым и безлюдным. Ни единой живой души, ни трупов. Серверная была опечатана. Доступ внутрь имели сервисные инженеры и высшие офицерские чины базы. Через толстое прозрачное стекло он видел, что огромные шкафы с аппаратными мощностями работают без заметных перебоев.

Пройдя дальше, Алекс услышал приглушенный голос, шедший из командного центра, располагавшегося на том же этаже, что и серверная. Он прошел через приемную и обнаружил приоткрытую дверь в кабинет полковника Зикевского.

Алекс осторожно вошел в кабинет, пристально вглядываясь в темноту, разгоняемую лишь тусклым светом от включенных экранов умного стола. Он попытался активировать потолочное освещение, но безуспешно. Экраны слепили. На их белом фоне четко вырисовывалась фигура полковника, сидевшего в кресле с запрокинутой головой. Подойдя ближе, Алекс понял, что командир застрелился. На главном мониторе циклично проигрывалась видеозапись, сделанная пол-

ковником незадолго до того, как пустить пулю в рот.

– ...Эвакуационной группы в ближайшее время ожидать не придется. Мы остались без связи, потому что первые вражеские ракеты, выпущенные по спутниковым тарелкам, несли ЭМИ-боеголовки. Сигнал тревоги не был подан вовремя. По данным метеостанции, в следующие пару-тройку дней разыграется сильная снежная буря. После ее окончания командование поймет, что база не выходит на связь для штатного доклада. Мы не продержимся так долго. Считаю, что нейровирусная атака была проведена не только с целью уничтожения персонала и пациентов госпитальной базы, но и для дискредитации проекта «биобот». Теперь его перевод на военные рельсы окажется под вопросом. Синтетическая нервная система биоботов была поражена без утраты функциональности. Вирус заразил их программный софт. Они переслали его дальше через систему обратной синхронизации на сервера управляющего ими искусственного интеллекта. Те парадоксальные команды, что он выстраивает, исходя из сложных клинических и организационных условий, поражают воображение. ИИ все еще пытается спасти персонал и пациентов, свободно фантазируя и модифицируя те лечебные протоколы и военно-медицинские доктрины, которые имеются в его базе данных. Надеюсь, результат этого труда никто и никогда не увидит, или, напротив, это должен увидеть каждый. Человечество это заслужило... – на этом месте запись обрывалась и закольцовывалась.

Алекс пробежал взглядом по вспомогательным экранам, где транслировались записи с видеокамер внешнего наблюдения. Одна из них показывала происходящее внутри ремонтного ангара. Алекс попытался увеличить изображение на весь экран, но потерпел неудачу. Умный стол откликнулся только на прикосновения пальцев с отпечатками полковника. Пришлось подкатить мертвое тело на стуле поближе к столу и расширить окошко камеры видеонаблюдения рукой Зикевского.

Сначала Алекс не понял, чему стал свидетелем, но чем дольше он всматривался в экран, тем страшнее ему становилось.

Ремонтный ангар наполнял холодный яркий свет мощных ультрафиолетовых ламп, обеззараживавших воздух. Все помещение было выстлано стерильной полимерной пленкой. Станки, машинные агрегаты и роботизированные манипуляторы адаптированы под медицинские нужды. Биоботы настраивали с операционных массу оборудования, интегрировав его в систему сборки и ремонта.

Вскрытые герметичные пакеты с консервирующей средой внушительной горой были свалены в углу ангара. Биоботы разложили их содержимое на полимерной пленке, как кусочки мозаики на сводах купола кафедрального собора. Мазки умело ложились на полотно, олицетворявшее жуткий лик самого человечества. Часть к части. Тело к телу. Руки, ноги, туловища, головы. Всем и каждому нашлось место в физио-

логической скульптуре.

Тканевые лазеры и реплицирующие пульверизаторы так и мелькали над останками тел, медленно становившимися единым целым. Биоботы сшивали сосуды и нервные волокна, органы и ткани, сооружая единый организм. Некоторые из них встраивались в мозаику, чтобы обеспечить реанимационные мероприятия и стабилизировать функционирование этой извращенной биологической системы. Искусственный интеллект делал свою работу, исходя из математических алгоритмов, лишенных малейшей эмпатии. В этом и состояла его основная задача: спасти жизни любой ценой. Просто не стало этического ценза человеческого разума.

Где-то на самой границе слышимости маятник метронома щелкнул последний раз.

С трудом оторвавшись от ужасающей картины, Алекс увидел на одном из экранов приземлившийся на взлетной полосе тяжелый транспортный вертолет с гербом ГСПМ на борту.

Оставив позади кабинет полковника, Вульф бросился наружу по коридорам и переходам административного здания. На первый этаж он бежал что было мочи, взмокнув в неудобном защитном костюме, сковавшем движения. Перед ним распахнулись створки входных дверей, и Алекс выскочил на улицу, но замер на секунду, ослепнув от тусклого серого света после сумрака внутренних помещений. Когда глаза немного привыкли, Вульф отнял перчатку от лица.

Начиналась метель, и два массивных продольных винта

транспортного вертолета закручивали вокруг себя снежные протуберанцы. Задний люк опустился. На взлетную полосу выбежала Орье в военной форме, призывно махая ему руками. В проеме люка Вульф заметил застывшую фигуру Пейтона, наблюдавшего за ними. Эта картина вызвала у Алекса стойкое ощущение дежавю, но понять его причину он никак не мог. Отбросив сомнения, он устремился навстречу Орье.

Сильный ветер сбивал с ног, но Алекс продвигался вперед так быстро, как только мог. Внезапно порывы ветра донесли до них приглушенный вопль десятков человеческих существ, очнувшихся от небытия. Крик походил на волчий вой, полный тоски и боли. Створки ангара сотрясались от тяжелых ударов и поползли в стороны.

– Быстрее! – крикнула Орье, схватив Вульфа за руку. – Нужно уходить отсюда!

Они бросились к вертолету, пока громоздкая туша выползала из ангара, передвигаясь на руках и ногах, вшитых в тело монстра.

– Алекс! Помоги мне! – услышал он крик Анны Галандер, но Орье не дала ему обернуться, грубо дернув вперед.

– Не вздумай смотреть назад, иначе не выберемся. Бежим! Скорее!

Они вскарабкались на борт вертолета, миновав Пейтона, замороженно смотревшего в сторону ангара. Нехотя он закрыл люк и дал команду на взлет.

Вертолет тяжело оторвался от земли и исчез в грязно-бе-

лой пелене не на шутку разыгравшейся снежной бури.

Глава 14. Извлечение

Они летели прочь от тыловой госпитальной базы, всплывшей трупом утопленника из вытесненных воспоминаний Вульфа о событиях арктической шельфовой компании. Алекс скинул громоздкий защитный костюм, оставшись в форме военного медика. Его трясло и знобило. Несмотря ни на что, постепенно ему удалось взять себя в руки.

– Что за безумие там творилось? – тихо спросила Орье, когда он немного успокоился. – Как мы могли пропустить такое при тестировании?

– Это кошмары, мучавшие меня после нейровирусной атаки, – ответил Вульф.

– Многоликий монстр из прошлого. Вы в него верите? – спокойно осведомился Пейтон.

– Я помню. Смутно. Верю ли я – что за вопрос?

– Значит, лечение прошло успешно.

– Лечение?

– Вы не замечаете разницы. Это не реальность, Алекс, а босхианское полотно, отражающее пережитый вами ужас. Любому страху нужно лицо. Образ. Икона. Языческий тотем. Жестокие боги и безжалостные монстры издревле позволяли человечеству принять свою полярную природу и жестокий мир вокруг. Миновать потерю индивидуальности по причине спятившей техники легче, чем существовать без-

вольным ягненком, которого в любой момент могут пустить на стейки по воле заботливого фермера. Страшно представить, что в контексте глобальных явлений твоя жизнь не стоит ровным счетом ничего. Куда лучше старый добрый монстр под кроватью. Эту методику разработал один небезызвестный нейрофизиолог, – Пейтон многозначительно посмотрел в сторону Орье. – Агрегация личности с гипнотической стабилизацией якорными паттернами.

– Вы хотите сказать... – пробормотала Орье.

– Я хочу сказать, что никогда ничего не упускаю из виду, Жюли.

Вертолет приземлился на прогалине посреди гротескного леса, подняв в воздух клубы пыли и сухой чешуи, похожей на омертвевшую кожу. Вокруг произрастали деревья всевозможных цветов и оттенков идентичной формы и высоты. Выпрыгнув из вертолета вслед за Пейтоном и Орье, Алекс почувствовал под ногами мягкую тканевую поверхность. Вертолет взмыл вверх, заложил вираж и исчез в плотной пелене пыли, как туман скрывавшей окрестности.

Вульф опустил на корточки и с любопытством потрогал землю рукой:

– Что это?

– Джут, – отозвалась Орье.

– А деревья?

– Волокна вискозы.

Расспросы прервал Пейтон:

– Да, Алекс, мы провалились в глубины хоста, потому что Банни Чок ассоциирует ковролин с сюрреалистичным узором с собственным бессознательным. Мы наполнили Контору каузальными триггерами, архетипичными объектами и когнитивными ловушками, за которые цепляется пытливый детский разум, чтобы лучше управляться с хостом во сне, а теперь, с вашего позволения, надо двигаться дальше. Глубины бессознательного опасны, но зато мы не скованы рамками раковины хоста и сможем напрямую выйти к самости сновидицы. Ведите, Орье. Мы совсем близко. Осталось протянуть руку.

Психонавты поспешили в сторону полыхавшего всеми цветами радуги леса из вискозы, чьи переплетенные волокна напоминали исполинские баобабы, выстроившиеся в геометрически правильные ряды. Пыль оседала с высокого и недостижимого неба крупными хлопьями, как грязный снег мегаполиса вперемешку с сигаретным пеплом. При резком повороте головы деревья складывались в картины, уловить суть которых Вульф был не в состоянии.

Полузабытые и размытые воспоминания ребенка окружали психонавтов со всех сторон. Смазанные временем образы, вырванные из контекста событий. Калейдоскоп взрослых лиц, вызывавших поначалу надежду и веру, но затем растворявшихся в небытие, оставляя за собой кильватер из обиды, горечи и разочарования. В сердце Банни Чок росло темное пламя. Оно плясало в уголках ее глаз, пока не приобрело

форму маленького мальчика – пропавшего братика Банни. Он был светом в окошке. Электрическим одеялом в студеную зимнюю ночь. Но в то же время с каждым прожитым годом пламя жгло душу все сильнее.

После долгого пути и блужданий лес неожиданно оборвался, приведя психонавтов к гигантскому котловану, на дне которого из глубин долговременной памяти миражом возникло типичное одноэтажное захолустье на окраине крупного города. Упадок ощущался повсюду. Ржавые колымаги стояли как попало, на подъездных дорожках перед домами; давно нестриженные газоны поросли сорной травой; пустые бассейны припорошило палой листвой. Воздух пропах подгоревшими стейками из генно-модифицированной говядины, под завязку напичканной антибиотиками, и кислой вонью дешевого бутылочного пива.

У самой границы поселения на высоком холме стояла церковь. Подле нее в тени холма расположилось мрачное приземистое здание – бывшая церковно-приходская католическая школа для трудных подростков, переоборудованная новыми владельцами в приют для сирот с отклонениями в развитии.

Судя по всему, недавно окончилась служба. Прихожане рассыпались по склону холма, перемывая кости соседям и обмениваясь последними бесхитростными новостями. Присмотревшись, Пейтон указал на двух детей, игравших в тени старого узловатого дуба рядом с церковью. Вульф понял, что еще ни разу не видел во сне проекцию эго самой сновидицы.

Орье выругалась:

– Мать вашу, ее не должно быть здесь! Мы работаем на базе хостов, но не меняем их и не взаимодействием напрямую с эго сновидцев. Это разрушит их личность. Нужно уходить отсюда!

Голос Пейтона был холоден, как лед:

– Жюли, вы прекрасно знаете, что существующая методика конструирования терапевтических снов для «Морфея» малоэффективна. Нужна выдающаяся сновидица. Без каких-либо защитных реакций и ценза на полученную информацию. Тогда сознание Банни начнет вызревать семена нужного качества. Мы уничтожим сдерживающий фактор.

– Ее тульпу? Эгга Чока? – спросил Вульф.

– Вы видели его? – Орье вцепилась в руку Алекса. – Видели Эгга?

Вульф кивнул.

– Пейтон, кто он такой? Почему альтер эго отреагировало на него, как на угрозу сознанию Банни. Отвечайте немедленно!

– Мистер Вульф – якорь, подобранный нами специалист для участия в сеансах КОС, и пока что он идеально справляется со своими должностными обязанностями. За это я вам крайне признателен.

– Довольно полуправды. Выкладывайте все как есть.

– Мистер Вульф принес с собой в КОС кое-что. Свой страх. Тот, что сокрыт в глубине его подсознания.

– О чем вы говорите?

– Я дам вам подсказку: в каждом разуме притаилась закрытая темная комната.

Вульф вспомнил кошмар о нейровирусной атаке:

– Кажется, сегодня мы распахнули эту дверь настезь.

– Будьте вы прокляты, Пейтон! – взорвалась Орье. – Я не позволю вам уничтожить сознание Банни, – она рванула в сторону церкви, рассыпавшись на мириады желтых шелковых лент.

Вульф немедленно последовал за ней, а Пейтон проводил его спокойным взглядом, не вмешиваясь. На губах директора промелькнуло слабое подобие улыбки. Все складывалось наилучшим образом.

Скатившись по крутому склону котлована, Алекс побежал к детям. Он быстро нагнал Орье. Она застряла в толпе прихожан, вставших плотной стеной и не дававших ей пройти к церкви. На фоне местных чужаки в военной форме выделялись как пятна от красного вина на белоснежном полотнище скатерти. На них обращали внимание, недовольно смотрели и тыкали пальцами, ругая на чем свет стоит. Когда Алекс попробовал протиснуться вперед, его грубо оттолкнули.

– Я попытаюсь проскочить, – крикнула Орье, обратившись неуловимой тенью и вновь появившись за спинами прихожан.

Ей не дали ступить и шагу. Орье схватили за плечи, повалили на землю и принялись колотить ногами. Оружия у

Вульфа не было, а потому он с голыми кулаками бросился вперед, стараясь прорваться на помощь Жюли, но тут же получил чувствительные удары под дых и в челюсть, отправившие его в нокаут. Тычки обрушились на него со всех сторон. Где-то на самой границе сознания кричала Орье, и этот крик перешел в вой многоликого монстра, сотрясший окрестности.

Удары прекратились. Прихожане замерли, обратив взор в сторону леса. Алекс с трудом повернул голову, разглядев Пейтона, стоявшего на краю обрыва. Деревья позади него сплетались в сюрреалистичную тушу левиафана из ночного кошмара Вульфа.

Собравшись воедино, чудовище перевалилось через директора и сползло по склону котлована. На переплетенных меж собой ногах и руках оно направилось в сторону церкви. Прихожане, оставив в покое Вульфа с Орье, ринулись ему навстречу, похватав огнестрельное оружие из машин, скопившихся на парковке. Алекс успел позабыть, что в США каждый имел право владеть оружием. Следом за ними шествовал мальчик в серой рясе. Банни осталась безмятежно играть в тени дерева.

Вульф подошел к Орье и помог ей подняться на ноги.

– Видок не ахти.

– Ты бы себя видел.

Послышались первые выстрелы, очень быстро превратившиеся в нескончаемую канонаду. Пули выбивали из тела

монстра куски плоти, но остановить его были неспособны. Как многотонная фура он ворвался в ряды прихожан, давя их своей тушей, хватая руками и разрывая на куски. Кровь лилась рекой. Хор криков умирающих слился с многоголым ревом чудовища. Оставшиеся в живых рассыпались по округе. Они прятались по подворьям, искали укрытия и продолжали нестройную пальбу. Левиафан ярился. Он настигал сопротивлявшихся и играючи уничтожал их. Так несмышленные дети балуются с букашками. Одного задавил, перевернув машину; на других обрушил крышу дома; третьих выудил из салона школьного автобуса. Снайпер с охотничьим ружьем засел на водонапорной башне, методично отстреливая головы левиафана. Тварь навалилась на нее всем весом. Башня опрокинулась на бок. Короткий вопль огласил окрестности. Снайпер сорвался вниз. Все было кончено.

Эгг Чок спустился с холма навстречу чудовищу. Он простер руки вверх, и вязкие волокна вырвались из земли, оплетая длинное тело монстра тугими тросами. Сгустились тяжелые черные тучи, и с неба стали бить молнии, опалая тушу чудовища. Тварь визжала, вопила и кричала, но рев тонул в грохоте громовых раскатов. Неожиданно единое тело чудовища распалось на мелкие составные части, просочившиеся сквозь тугие тенета. Они, как новорожденные паучата, пожравшие собственную мать, ринулись врассыпную. Их привлекал Эгг Чок, и они со всех сторон поползли к нему. Молнии не успевали испепелять тварей. Вязкие сети их

тоже не останавливали. Лавина паучат из человеческих кусков плоти накрыла мальчика, сопротивлявшегося до последнего. Он быстро исчез в переплетении тел военных и медиков арктической госпитальной базы.

Небо над головами психонавтов вспыхнуло отголоском бывшего пожарища и пролилось на землю тихим и густым дождем из крупного невесомого пепла. В густой серой пелене отчетливо проступал силуэт Конторы. Он пророс в корни подсознания сновидицы и заполнил собой весь горизонт.

Буквально на глазах пригородное захолустье претерпевало загадочные метаморфозы. Дома и улицы вспухали радужными пузырями гигантских нарывов. Они лопались, извергаясь наружу местами и зданиями из снов других психонавтов. Земля за их спинами вздыбилась, метастазируя клиникой из прошлого Орье.

Жюли неотрывно следила за формирующимся зданием, обраставшим мельчайшими деталями, но Алекс смотрел в другую сторону на россыпь человекоподобных пауков, пожравших Эгга Чока. Они вновь собирались в тугий клубок. Левиафан рос, кататонически подергиваясь и извиваясь. Формирующееся чудовище пока еще неловко пыталось ползти в сторону Вульфа. В многоголосье истошных криков он отчетливо различил голос Анны Галандер.

Вульф подхватил с земли винтовку со снайперским прицелом, вырвав ее из рук погибшего прихожанина, и передернул затвор. Трясущимися руками он вскинул ружье и при-

целился, выискивая в перекрестье Анну, вплетенную в тушу чудовища. Она смотрела на него, протягивая руки в безмолвной мольбе. Вульф выдохнул, обретая твердость, и спустил курок. Голову девушки прошило пулей, и она безвольно повисла, истекая кровью из большого выходного отверстия на затылке.

В кармане куртки Орье зашипела рация, и она растерянно нажала на кнопку приема сигнала.

– Если хотите довести дело до конца, сохранить рассудок и благополучно проснуться, – проговорил Пейтон по радиосвязи, – бегите к часовой башне ратуши из моего сна. Я знаю, как победить этот страх.

Орье схватила Вульфа за руку и потащила к зданию психиатрической клиники. Призывно распахнутые створки дверей гостеприимно впустили их внутрь. Они осмотрительно закрыли их и забаррикадировали вход мебелью из приемной.

– Я знаю короткий путь, – бросила Орье. – Не отставай.

Они побежали по пустым и безжизненным коридорам «Одинокого путника» и успели изрядно углубиться внутрь клиники, когда входные двери затрещали под натиском многоголикого монстра.

Психонавты спустились в подвал и, не мешкая, устремились по техническому коридору, прошивавшему насквозь здание клиники. По стенам и потолку вились трубы водоснабжения и канализации, источавшие росу конденсата. Психонавты шлепали по лужам, минуя бесчисленные мелкие

ответвления по правую и левую руки. За спиной Вульф слышал поступь гигантской сороконожки, неустанно преследовавшей их. Она неотвратно нагоняла, как бы быстро они ни бежали.

Технический коридор вывел их в бойлерную, где шипела и исходила паром промышленная установка для нагрева холодной воды. Среди труб и цистерн притаился в засаде паук Хайден, с шипением спрыгнув вниз, стоило психонавтам переступить порог бойлерной. Он отрезал им путь к отступлению.

Вульф вскинул винтовку и выстрелил. Пуля попала в голову паука. На землю полился густой зеленый гной. Недовольно визжа, Хайден отпрянул в сторону.

Из коридора за спинами психонавтов в бойлерную вползло многоликое чудовище. Орье обняла Вульфа и зажмурилась, рассыпавшись клубком переплетенных шелковых лент. Вспышка перенесла их на другой конец залы.

Жюли обернулась на секунду:

– Фас, папочка! – бросила она и побежала дальше по техническому коридору.

Вульф старался не отставать.

В бойлерной сцепились паук и многоликая тварь, огласив гулкое помещение безумными воплями из глубин преисподней. Вскоре крики смолкли за очередным поворотом.

Вновь поднявшись на первый этаж, они покинули клинику через черный ход, выбежав на улочки захолустного приго-

рода, припорошенного толстым слоем пепла, неустанно валившего с багровых небес. На другом конце поселения высилась часовая башня ратуши, прорвавшейся из сна Пейтона в КОС. Психонавты направились к ней, когда стена «Одинокого путника» за их спинами взорвалась ошметками бетона и кирпича. Многоликий монстр, обгаренный кровью из зияющих ран на месте кусков плоти, вырванных жвалами паука и пулями прихожан, выбрался наружу. Двигался он уже не так уверенно и быстро, но разъярился куда сильнее. Тварь волочилась к ним, но свист тормозов машины заставил Вульфа оторвать взгляд от неотвратимо приближавшегося ужаса.

Перед ними остановился пикап местного шерифа в лице лихого Беккера в широкополой шляпе и зубочисткой во рту. Он выпустил несколько пуль в чудовище из блестящего длинноствольного револьвера. Тварь отбросило назад.

– Прыгайте в кузов, коли жизнь дорога!

Вульфа с Орье не стоило просить дважды. Как только они перемахнули через борт, машина сорвалась с места.

Шериф вез их напрямик к часовой башне, взметая в воздух клубы пепла из-под колес.

– Не стоит шутить со своими страхами, верно? – крикнул Беккер из кабины и расхохотался.

Орье осенило:

– Директор все знал. Он выбрал тебя неслучайно. Пейтон консультировал военных как раз во время арк... – договорить она не успела.

Из-за крыши ближайшего дома на них выпрыгнула много-рукая обезьяна с туловищем Зикевского. Полковник едва не задел корпус пикапа, разминувшись с психонавтами на считанные метры, когда Беккер резко бросил машину в сторону. Опасность миновала, но ненадолго. Зикевский был проворнее массивной туши левиафана, от которого он отпочковался. Хоть Беккер и рвал акселератор, полковник быстро нагнал их.

– Я отвлеку его! – крикнул Вульф, протягивая Орье винтовку. – Он охотится за мной. Вы сможете беспрепятственно расстрелять его. Беккер, притормози на повороте. Я заману его в здание, где он потеряет мобильность, а вы поджидайте с заднего хода. Выведу его прямо на вас.

– Плохая идея!

– Другой нет. Все равно он нас догонит. Тормози!

Беккер сбавил ход на повороте, дав возможность Алексу спрыгнуть, ввалившись напрямиком в двери одноэтажного дома. Перекувыркнувшись, он отскочил от входа подальше и прополз из холла в спальню, спрятавшись под кроватью. Полы заскрипели под тяжестью Зикевского, забравшегося внутрь. Монстр был скован в пределах тесного дома.

– Выходи, трус! Хватит прятаться! Я чую твой страх за версту!

Полковник принялся громить мебель в холле, переворачивая диваны и кресла в поисках Вульфа. Из-под кровати через распахнутую дверь спальни Алекс видел только несколь-

ко пар рук, волочившихся по полу. Вторая дверь вела на кухню, где открывалась дверь во двор. Вульф надеялся, что Беккер с Орье уже успели занять позиции. Он напряг мышцы, упершись спиной в пол, и перевернул кровать, завалив вход в спальню.

– Я здесь, ублюдок!

Вульф подскочил и припустил на кухню. В холле натужно взвыли половицы, и разбилось окно. Добежав до выхода во двор, Алекс понял, что его никто не преследует. Он обернулся. Никого!

За спиной взорвалась дверь, разлетевшись на мелкие щепки. Цепкие руки обхватили его и бесцеремонно выдернули наружу.

Вульф оказался лицом к лицу с Зикевским.

– Вот ты и попался, предатель! Пора придать тебя трибуналу!

Руки полковника обхватили голову Алекса, сдавливая тисками, пока мир вокруг не засверкал радужными пятнами.

Беккер и Орье выстрелили одновременно. Голова Зикевского разлетелась на куски, обдав Вульфа брызгами крови. Многорукое тело медленно осело на пол, выпустив его из своих лап.

– Вот это добыча! – обрадовался шериф Беккер. – У моего знакомого таксидермиста скоро будет необычный заказ.

Неподалеку взвыл многоликий монстр, выползая на соседнюю улицу.

– Да он никак не уймется! – воскликнул шериф, выпуская в него пулю за пулей из револьвера, пока полностью не разрядил барабан.

– Нам нужно добраться до часовой башни, – напомнила Орье. – Поспешим.

Психонавты запрыгнули в машину и поехали к ратуше. Тварь медленно следовала за ними. Она двигалась будто из последних сил, но погоню не прекращала.

Пикап вырулил на прямую узкую улицу, зажатую между аккуратными двухэтажными домиками с черепичными крышами. Она утыкалась в небольшую центральную площадь со зданием ратуши. Оставалось совсем немного.

На последнем перекрестке перед площадью их поджидала западня. Из-за угла дома на дорогу перед машиной выползла отделившаяся часть туши многоликой твари, полностью перегородив улицу. Их взяли в клещи. Монстр сзади оживился, сбросив наигранную медлительность. Он быстро пополз к ним, чтобы покончить с психонавтами.

Вульф услышал отдаленный гул двигателя броневика, шедший со стороны пронзившей подсознание Банни башни Конторы. Он нарастал, пока громогласным эхом не стал отдаваться между стенами узких улочек. Чудовище, перегородившее дорогу, обернулось на звук мотора. Тварь взревела, упершись руками и ногами в брусчатку и стены домов, но была снесена с прохода броневиком спецподразделения Стейнбека, протащившего тушу несколько десятков метров вбок

по улице, открыв путь пикапу шерифа.

Беккер вдавил педаль газа в пол. Они пронеслись мимо раскученного броневика, из которого выбирались оперативники Стейнбека. Гловер выскочил из кабины водителя и взмыл вверх по стене ближайшего дома, уворачиваясь от бросков твари и отстреливаясь из винтовки. Оперативники перегруппировались, давая отпор плотным огнем, и под предводительством ферзя слаженно отступали к часовой башне. Ама перепрыгивал с крыши на крышу, прикрывая отход сверху.

Вторая половина левиафана тоже достигла перекрестка. Две части слились и, подобно селевому потоку, заполнившему всю улицу, обрушились на психонавтов.

Пикап остановился у ворот часовой башни. Вульф, Орье и Беккер вылезли из машины и распахнули створки ворот, давая проход отступающим. Стейнбек жертвовал одним оперативником за другим, чтобы немного замедлить продвижение левиафана. Он последним протиснулся между створок, потеряв всех бойцов, и психонавты плотно затворили ворота перед самым носом многоликого монстра.

Гловер соскочил с черепичной крыши жилого дома на стену ратуши и рванул к большому циферблату. Чудовище, не сумев сломать створки ворот, обвилось вокруг башни и поползло вслед за Гловером.

Психонавты бежали по узкой витой лестнице. Наверху располагался старинный часовой механизм. Башня была за-

лита полосами света. Пестрые лучи проникали через мозаичный циферблат, собранный из многоцветного стекла. Причудливые тени от чугунных стрелок и римских цифр плясали на стенах. В тенях скрывался Пейтон.

Гловер разбил сегмент мозаики, ввалившись внутрь. Он упал к ногам директора, оставляя за собой блестящую дорожку из радужных осколков.

– Вот все и в сборе! – молвил Пейтон.

Левиафан заполнил собой пространство циферблата и навалился на стекло. Кусочки мозаики пролились на пол искристым водопадом. Тварь прорвалась в башню.

Пейтон дернул рычаг и привел механизм часов в действие. Закрутились шестерни, цепи и валы. Большой маятник за его спиной сделал первый мах, а директор затянул терапевтическую мантру, вгоняя Алекса в гипнотический транс.

– Освободитесь от напряжения.

Еще один мах.

– Вас покидают заботы и тревоги.

Третий.

– Мысли рассеиваются.

Четвертый.

– Окружающие звуки стихают.

Пятый.

– Вы погружаетесь в себя.

Шестой.

– Дыхание становится ровным.

Седьмой.

– Тепло разливается по всему телу.

Восьмой.

– Дрема окутывает сознание.

Девятый.

– Вы в безопасности.

Десятый.

– Страху здесь места нет!

С каждым новым махом часового маятника чудовище оседало, плавилось и таяло. Истерзанная плоть рассыпалась на волокна вискозы. Налетел порыв ветра и сдул их, оставив в воздухе пестрый шлейф.

– Кончено! – сказал Пейтон. – Вы свободны от своего страха, Алекс.

Вульф вдохнул полной грудью, как узник, впервые за долгие годы выбравшийся из душного каземата. Он чувствовал необычайную легкость и опьяняющую свободу, сбросив пудовые гири оков с души.

Орье подошла к пролому в стене, оставшемуся на месте разрушенного циферблата башенных часов, и с тревогой посмотрела в сторону церкви, где в последний раз видела Банны.

– Нет-нет-нет!

По дорожке, шедшей от церкви вниз к жилым домам, по направлению к безмятежно игравшей девочке спускались двое мужчин: церковный пастор и грузный работяга средних

лет в клетчатой рубаше и потрепанных линялых джинсах.

– Я знаю, кто это, – прошептала Орье и повернулась к директору. – Вы отвлекали нас. Спустили ее психологическую травму с поводка, уничтожив естественный защитный барьер в виде тульпы брата. Нельзя дать им добраться до нее, иначе сознание Банни застрянет в кошмаре, что разыграется после.

– Я всего лишь убрал сдерживающий фактор, ограничивающий ее способности, – ответил Пейтон. – Это необходимо. Банни должна принять себя без купюр и защитных реакций психики. Девочка сильная. Она справится, и ей станет лучше.

– Мы можем помочь ей.

– Нет!

Стейнбек взорвался:

– Ты спятил, Джон! – он зарычал и толкнул Вульфа к Орье. – Останови их! Бери Вульфа и прыгай!

– Я не могу перенести двоих! Слишком далеко.

– Придется рискнуть. Без якоря тебя затащит в тень. Он стабилизирует обезумевший сон.

– Нужно идти всем вместе, – вмешался Беккер. – Вы не ведаете, что их там ждет. Я видел...

– Нет времени! – оборвал его Стейнбек. – Давай!

Орье обхватила Вульфа и рассыпалась клубком шелковых лент, упорхнув к церкви. Реальность схлопнулась и вспыхнула вновь. Алекс покатился по склону холма. Жюли отбро-

сило вперед, но она сумела удержаться на ногах и продолжила бежать.

Она не успевала, хоть и неслась изо всех сил, периодическими вспышками сокращая расстояние. Пастор вел девочку за руку прямым к церкви. Ее дубовые двери тяжело распахнулись, и они переступили порог. Тьма поглотила их, а Орье ринулась следом.

Мужчина в клетчатой рубашке стоял, устало привалившись к дереву.

Вульф подбежал к нему и спросил, не успев толком отдышаться:

– Что вы сделали?

– Я? – удивился мужчина. – Ничего. Это все гребаные политики. Много лет мы с женой брали опеку над местными сиротками и получали от государства дотации и финансовую поддержку. Стольких детишек подняли на ноги. Потом появились они – эти «особенные» ребятишки, и вдруг все резко поменялось. Штат свернул социальную программу из-за дефицита бюджета. Сенатор Паттерсон постарался, будь он неладен. Мы бы с супругой сдюжили, но на этом они не остановились. Нет, господин хороший! Они ввели обязательное ежемесячное психологическое освидетельствование малышей. После очередного тестирования хромой мозгоправ в костюме заявил, что мы не справляемся, и забрал их в приют «Единения», – он возвел очи горе. – Какая травма для ребят! Они только пообвыкли у нас дома. Ну да ничего! Отец Торн

обещал, что позаботится о них. Под его надзором сейчас много «особенных» сирот. Может, это и к лучшему. Тяжеловато им придется, конечно. Поговаривают, что в церковном приюте своеобразные методы воспитания... Даже думать не хочу! Сволочные политики!

Вульф оставил мужчину, продолжавшего излияния на тему социальной несправедливости, позади. Собравшись с духом, он взбежал по ступеням к дверям церкви, распахнул створки и шагнул во тьму.

Плотная пелена дождя застилала лобовое стекло. Дворники, работая на максимальной скорости, справлялись с трудом. Фонари вырывали из промозглой темноты небольшой кусочек дороги с едва заметной разметкой. При такой скверной видимости Вульф вел машину медленно, чтобы не съехать в кювет.

За окнами проносились одноэтажные дома пригорода без каких-либо признаков жизни. Впереди просматривался силуэт холма с церковью на вершине. По размытой дождем грунтовке Вульф подъехал к нему, вырулив на небольшую парковку для прихожан. У ворот церковного прихода стояла девушка. Она прикрыла рукой глаза от слепящего света. Это была Орье. Алекс нажал на педаль тормоза, остановился, заглушил мотор и выскочил под проливной дождь.

– Я уж подумал, что потерял тебя! – крикнул он, перекрывая шум дождя. – Что мы здесь делаем?

– Пытаемся вытащить эго Банни из кошмара, от которого

ее оберегала тульпа брата. Если она застрянет в нем, то упадет в гибернацию. Идем!

Вывеска над приходскими воротами гласила, что храм и приют ныне находятся под патронажем церкви «Единения». Вульф проследовал за Орье по склону холма.

Поднявшись наверх, они проникли в храм, миновали притвор и прошли по центральному нефу к алтарю, освещенному тусклым светом восковых свечей в торшерах и канделябрах. Стены церкви были украшены странными фресками и мозаиками. На них изображались дети. Они молились, сидя вокруг сланцево-серых кубов. Таких кругов было три. Посередине стоял клирик, воздев руки к небу.

Вульф скривился. Он на дух не выносил подобный псевдорелигиозный символизм.

На алтарный престол была водружена купель. Рядом лежало тело церковного пастора с перерезанным горлом. Подойдя ближе, Вульф заглянул внутрь купели. Ее до краев наполняла густая багряная кровь. Алекс присел рядом с телом и проверил пульс. Сердцебиения не было. Рот клирика был зашит крупными матрасными стежками. Глаза плотно закрыты.

– Мертв? – спросила Орье.

– Похоже на то, – отозвался Алекс. – Что здесь произошло?

Веки пастора раскрылись, но внутри вместо глазных яблок прятались маленькие детские рты, ответившие ему:

– О! Вы увидите!

Он схватил Вульфа за волосы и окунул головой в купель. Перед его глазами промелькнула кладовка в подвале здания, заваленная церковным скарбом. Мир закрутился волчком, и Алекс оказался на холодном полу.

В дверях застыл пастор. Он презрительно смотрел в его сторону.

– За ваше трусливое поведение вы лишаетесь благостной возможности пройти обряд Единения. Ритуал не для слабых духом.

В углу кладовки зашевелился ребенок. Он медленно поднялся на ноги. Это был Эгг Чок.

– Я готов, отец Торн. Сестра нет. Ее душа мягка. Ей нет места в «Единении».

– Так прояви смирение. Позволь мне преподать ей урок. Беспомощные всегда одни!

– Никто не бьет мою сестру.

– Хорошо. Тогда продемонстрируй мне свою приверженность заповедям. Накажи ее за слабость.

Мальчик подошел к Вульфу, схватил его за шею и поднял с земли.

– Плачь, дура, – шепнул он. – Плачь очень-очень сильно.

Пощечина опрокинула Алекса на землю. Удар ногой по животу был ощутимым, но не слишком сильным. Скорее эффективным, если смотреть со стороны. Эгг Чок схватил его за волосы и протащил по земле в угол кладовки подальше от

пастора.

– Кричи, или он сам избьет тебя до полусмерти.

Эггу еще долго пришлось колотить Вульфа, пока пастор не остановил его.

– Какое истовое рвение, сын мой! Идем. Ты доказал, что достоин.

– Что станется с сестрой? – спросил мальчик.

– Она всегда будет одна в этом холодном мире. Пускай остается здесь во тьме вместе с крысами. Это ее судьба.

Мальчик покинул кладовку вслед за мужчиной. Хлопнула дверь, и Торн запер ее на ключ. Удаляющиеся шаги стихли, и Вульф оказался один в темноте.

Одиночество не пугало его. Не пугал и шорох грызунов в дальних углах кладовки. Все это было частью жизни, как обступившая его со всех сторон темнота. Скрывая зримое, она раскрывала суть вещей. Страшило его то, что творилось наверху. То, что было за пределами его понимания. Величественные ритуальные песнопения сменились безумным воем диких животных. Вопли и крики потерявших разум существ заставляли сердце стенать от ужаса. Симфония боли и смерти гремела под сводами церкви, но он слышал лишь ее отголоски, будто отдаленные раскаты грома от прошедшей мимо грозы. Ему казалось, что он уже был свидетелем подобных событий, но где и когда вспомнить не мог. Страх запустил руку в его внутренности. Он растекался по нервам ледяным онемением, лишая сил и желания бороться за жизнь. Поко-

павшись грязными пальцами в его душе, страх отыскал там фальшивого демона. Соломенное пугало развеялось по ветру, оставив тягостную пустоту. Многоликий монстр ушел. Истаял в предрассветных лучах, но наступившее утро было безрадостным и безнадежным.

Выстрел выбил замок, и в кладовку ворвался Гловер. Он схватил Вульфа за руку и потянул за собой, вытаскивая из купели. Рухнув на пол, Алекс судорожно вздохнул, набирая полную грудь воздуха. С волос стекала чужая кровь.

– Насилу успели, – пробормотал Гловер.

Над простреленным из дробовика телом Торна стоял Стейнбек. Он перевернул труп носком ботинка.

– Теперь точно мертв!

Беккер грыз зубочистку, брезгливо пялясь по сторонам:

– Говорил же не лезть на рожон! Думаете, что умнее меня?

Вот вам и результат!

Орье пристально вглядывалась в купель, стараясь ухватить сгинувшие вместе с Торном отражения прошлого Банни Чок.

Пейтон нетерпеливо расхаживал вокруг, всматриваясь в детали интерьера церкви. Вероятно, искал проход в камеру сновидицы.

– Вы?.. Здесь?.. – просипел Вульф, не в силах отдышаться.

– После уничтожения тульпы, сон разваливается на части, – ответила Орье. – Все перемешалось. Больше нет ни границ, ни преград.

– Охота на живца, спланированная директором, удалась, – заметил Стейнбек.

– Пока мы не отыскивали семя, рано праздновать успех, – возразил Пейтон.

– Никто и не говорил, что это успех, – буркнула Орье.

Пейтон проигнорировал ее. Он подошел к Вульффу и взял его за грудки, ощутимо встряхнув.

– Алекс, что вы видели в купели? Образы? Символы? Воспоминания?

– Подвал... – ответил Вульф. – Кладовка...

– Идемте, – сказал директор, устремившись к дверям бокового неф.

– Что теперь будет с личностью Банни? – бросила ему вслед Орье, но он не ответил.

Стейнбек, покачав головой, пошел за ним, а следом направился и Беккер. Гловер подал Алексу руку и поднял на ноги, хлопнув по плечу.

Орье взглянула на Вульфа с чувством глубокого раскаяния:

– Извини, что не попыталась вытащить тебя. Нам нужны были ответы.

– Милашка Жюли, как всегда, сама доброта, – съерничал Гловер.

– Завянь, Артур!

Они последовали за удалившимися. Прошли через боковой неф и, миновав подсобные помещения, спустились по

лестнице прямоком в подвал.

Множество дверей окружало психонавтов, но Вульф указал на ту единственную, что запомнил в кошмаре Банни. Орье потянула за ручку и открыла проход в камеру сновидицы.

Это была все та же аскетично обставленная комната с голыми каменными стенами, притаившаяся в недрах Конторы. Оплот самопознания, спокойствия, медитативной отрешенности и вдумчивых размышлений. Взгляд Пейтона хищно скользил по обстановке, всматриваясь в детали. Неожиданно он метнулся к кровати Банни, отбросил подушку и извлек из-под нее цифровой носитель со старым фильмом начала века.

– «Дом летающих кинжалов», – прочитал Пейтон. – Стейнбек, что это такое? Вы отвечаете за наполнение хостов информацией, необходимой для закладки семени будущего терапевтического сна.

Орье хмыкнула.

Стейнбек потирал лоб:

– Гловер, вашу ж мать!

Тот виновато развел руками:

– Ну нравится мне эта китайская ерунда! Есть в ней нечто эдакое. Девчонка едва не вешалась от тоски. Что еще мне оставалось делать?

Стейнбек неожиданно согласился:

– Отличная работа, молодой человек! Идеальный финаль-

ный штрих. Самодостаточность и самоконтроль. Аскетизм и умеренность. Умение отрешиться от информационного шума, навязанного средой. Способность извлекать из любых аспектов жизни яркие впечатления и опыт. Тонкое искусство наслаждения мгновениями подлинной поэтической красоты, сокрытой в самых простых вещах. Элементарные части этой информационной мозаики, оформленной в доступную для понимания каждого оболочку развлекательного кинофильма. Семя, из которого мы создадим лечебный модуль «Морфея» для терапии генерализованного депрессивного расстройства личности.

– Доверюсь вашему мнению! – Пейтон положил носитель в карман, а затем обратился к Вульфу: – Пришло время проявить свои способности, Алекс. Вытаскивайте нас на твердую землю.

Психонавты собрались вокруг Вульфа, держась за руки. Ему это напомнило собрания групп поддержки для реабилитации ветеранов арктической военной кампании. Он сконцентрировался на этой мысли и почувствовал, как проваливается в кристально-белую бесконечность. Тело парило в невесомости. Прозрачная вязкая субстанция обволакивала его. Алекс был окружен трубками и проводами, отходившими от амниотического костюма. Руки, пошарив вокруг, нащупали покатые стенки купели. На самой границе слышимости Ямагути нашептывал ему на ухо что-то успокаивающее. Гель Роуча стал убывать, а белоснежные стенки купели

подернулись серой дымкой и, наконец, стали прозрачными. Вдоль границы купола «Гипноса» мерцали короткими желтыми вспышками сигнальные проблесковые маячки. Двери его отворились, впуская внутрь обслуживающий персонал, инженеров и нейрофизиологов Конторы, заспешивших по рабочим местам. Подбежавший Ямагути торопливо распахнул крышку купели, осторожно стянул с головы Вульфа венец Домбровского и снял дыхательную маску с лица.

– Доброе утро, Алекс-сэмпай! – проговорил доброжелательный японец и ввел, не мешкая, в капельницу какое-то новое вещество. – Универсальный метаболит, – пояснил он, – для скорейшей детоксикации после ударных доз энтеогенов и седативных препаратов. Как вы себя чувствуете?

Вульф попытался приподняться в купели, но вместо ответа его вырвало за борт приторно горькой желчью.

– Вот молодец! – только и сказал Ямагути. – Скоро будете как новенький!

Глава 15. Декомпрессия

Свесив ноги с края раскрытой купели и пытаясь прийти в себя, Вульф наблюдал, как механизмы Конторы заработали на полную мощность, едва сеанс КОС завершился. Пейтон исчез сразу по пробуждении, окруженный стайкой инженеров-нейрофизиологов. Им еще предстояло много работы с семенем сна для терапевтического модуля «Морфея». Орье, после пробуждения напоминавшая злобную мокрую кошку, попыталась нагнать его, бранясь как сапожник и отбиваясь от собственных помощников, но у нее закружилась голова, и она безвольно осела посреди купола «Гипноса». Стейнбек помог ей подняться на ноги и что-то тихо проговорил на ухо. Девушка разразилась очередной порцией брани и бросилась к алтарю Никты, где плавала сновидица. Профессору оставалось лишь раздосадовано покачать головой, проводив ее взглядом. Безвольное тело Банни Чок извлекли из центральной камеры сенсорной депривации и погрузили на роботизированную медицинскую каталку, обвешав бесчисленными датчиками и аппаратурой. Врачи повезли ее прочь из лаборатории «Гипноса», не дав Орье приблизиться к девочке, несмотря на все ее протесты. Девушка так и осталась стоять в полнейшем замешательстве посреди раскрытых купелей и деловито спящих работников Конторы, глядя вслед удаляющейся каталке, пока группа инженеров-нейрофизиологов

не увела ее с глаз долой.

Гловер подошел к купели Вульфа в наполовину стянутом амниотическом костюме. Верхняя часть болталась на поясе, напоминая килт. В руке он держал банку ледяного пива. Артур осушил ее в несколько глотков, с хрустом смял в кулаке и отбросил в сторону.

– Привет.

– Привет, – ответил Вульф.

– Как самочувствие?

– Еще не понял.

– Кажется, у нас все получилось.

– Похоже, что так.

– С девчонкой, конечно, незадача вышла, но, думаю, Стейнбек ее подлатает. Она поправится.

Вульф кивнул:

– Будем надеяться.

– Так или иначе, вечером состоится корпоративная вечеринка.

– Уже делим тушу убитого медведя?

– Да брось! Самое сложное позади. Дальше дело техники. Никто из психонавтов не поджарил мозги, и мы добыли семя сна. В последнее время собирались нечасто, а сегодня нам сопутствовала удача. Приятель, мы в одном шаге от расправы над генерализованным депрессивным расстройством личности. Есть что отпраздновать.

– В чем-то ты прав.

– В чем-то? Ну ты и мудила! Я зайду за тобой чуть позже. Устроим алкогольное состязание и оторвемся по полной программе. Это будет...

– Битва века, – закончил за него Алекс. – Я помню.

Подоспевшие инженеры-нейрофизиологи растащили их по отдельным палатам.

Напоследок Гловер повернулся и отсалютовал Алексу новой початой банкой пива:

– Эй, Вульф! С первым погружением тебя. Честно говоря, думал, что ты облажаешься, но счастлив, что ошибся. Ты держался молодцом. Увидимся вечером.

Алекса распаковали из амниотического костюма, отмыли как следует и накачали восстановительным лекарственным коктейлем. Сердобольный Ямагути, не отходивший от него ни на шаг в ходе многочисленных диагностических процедур, посоветовал ему полежать с полчаса в палате и отдохнуть, пока за ним не придут сотрудники службы безопасности и не отвезут обратно в отель. После он вернулся к работе в лаборатории «Гипноса».

Лежать было тягостно. Сильно мутило, и кружилась голова. Мысли путались, как провода наспех установленной аппаратуры. Алекс поднялся на ноги и вышел в коридор, чтобы немного размять конечности. У лифтов он заметил Орье. Судя по электронному табло, она поднялась на пятый этаж, и Вульф последовал за ней. Ему хотелось сказать девушке несколько ободряющих слов, уж больно расстроенной она

выглядела в лаборатории «Гипноса». Алексу и самому было чертовски жаль Банни, хотя он до конца и не понимал, что с ней сделал Пейтон.

На пятом этаже располагался психоневрологический стационар, полный пациентов и докторов. Алекс не без труда отыскал палату, в которую направилась Орье. Дверь была приоткрыта. Девушка сидела на краю кровати и беззвучно плакала, сжимая в руках край одеяла. В постели лежал нагруженный лекарствами изможденный пожилой мужчина и вяло шевелил губами во сне. Алекс хотел было зайти внутрь, но на его плечо легла крепкая рука сотрудника службы безопасности.

– Вот вы где, мистер Вульф, а я вас повсюду ищу. Мне поручено немедленно препроводить вас назад в отель.

– Но я...

– Никаких но, мистер Вульф. Распоряжение сверху.

Он кивнул. Сопrotивляться, судя по всему, было бесполезно.

Алекса отвезли в его номер в отеле, где он и просидел до самого вечера, безучастно пялясь на выключенный экран инфопанели. В черном зеркале то и дело вспыхивали картины и образы, виденные Вульфom в процессе коллективного сновидения. Он проваливался в них как в бездонный колодец, но, достигнув самого дна, неизменно оказывался в своем номере. Так продолжалось до тех пор, пока в дверь не постучали. На пороге стоял Гловер с упаковкой баночного пива.

– Можно войти?

Вульф кивнул.

Гловер, не разуваясь, прошел в комнату и вальяжно расположился в кресле. Он распаковал пару банок пива и бросил одну Вульфу. Тот неловко поймал ее. Острота рефлексов еще не восстановилась в полной мере.

– После КОС компания тебе точно не повредит. Это ж надо – весь день сидеть и втыкать в выключенный экран. Так и рехнуться недолго.

Алекс пил молча, а вот Артура было не заткнуть. Он без умолку болтал по инфопаду со своей семьей.

– Как здоровье, мамуль? Как сестренки? Еще не таскают домой парней? Ха-ха! А отец? Все так же чудит? Как дела у Джеммы? Денег на лекарства хватает? Я скоро перешлю еще. У нас наметился существенный прогресс в работе. Вчера ходила на могилку Лин? Ясенько! – и все в таком духе.

Когда выпивка закончилась, а тени сгустились, они отправились на корпоративную вечеринку.

По дороге в кабак психонавты миновали капеллу церкви «Единения», притаившуюся среди расцветенных тысячью огней муравейников небоскребов. Это был простой сланцево-серый куб без окон с единственной раздвижной дверью. На фронтоне красовалась занятная литография: три круга, заключенные в один большой круг.

– Зайдем? – предложил Вульф.

– Да блин...

– Интересно же. Никогда не видел ничего подобного. Как думаешь, сколько общего у этой капеллы с церковью из кошмара Банни?

– Ни шута! Та церквушка располагалась в жопе цивилизации у черта на херу, а пастырем там значился долбаный психопат. Поезжай миль на пятьдесят за пределы любого крупного города и окунешься в беспросветную глупость, ограниченность мышления, патриархальные домогательства, бесчисленные зависимости и оккультизм вперемешку с монотеизмом. Человечество – все еще безбрежное море дикарей посреди небольших островков цивилизации.

– А как же инфосеть? Разве она не призвана устранить различия?

– Смотря для чего ею пользоваться. Обыватели предпочитают массовую деградацию. Я их не осуждаю. Не в этом ли суть демократии? Свобода поступать со своей жизнью так, как заблагорассудится. Возвращаясь к твоему вопросу, эта капелла церкви «Единения» находится под боком у ГСПМ. Приходится соответствовать.

– Тогда я точно хочу заглянуть внутрь! – Вульф направился напрямиком ко входу в капеллу.

Гловеру оставалось только тяжело вздохнуть и последовать за Алексом.

В притворе их встретил молодой инок в серой рясе, напомним Алексу Эгга Чока.

– Брат, – обратился он к Вульфу. – Брат, – кивнул и Гло-

веру.

– Сомневаюсь, – отбрил его Артур.

Не обращая больше внимания на юного инокa, проявившего завидное хладнокровие перед лицом Гловера, Вульф с интересом рассматривал меметичные таблички с основными заповедями юницизма, развешанными над главным порталом, открывавшимся в центральный неф.

«Только отбросив все эмоциональные и духовные привязанности, можно обрести истинную свободу».

«Через боль и лишения лежит ваш путь духовного очищения и развития».

«Не чурайтесь страха, ибо страх смывает грязь бытия, оставляя вас нагим пред самим собой».

– Концептуальное попури. Принцип до банального прост и понятен, – пробормотал себе под нос Алекс.

Вульф осторожно прошел под своды капеллы и присел на край скамейки в задних рядах. Свободных мест для мирян оставалось немного. Статистической зависимости между доходом, социальным статусом и уровнем образования людей, пришедших на службу, Вульф провести не мог, сколько ни зондировал взглядом разношерстную толпу. Многие прихожане аплодировали, вскрикивали и периодически вскакивали со своих мест, соглашаясь с доводами местного духовника, вот только проповедника никакого у алтаря не наблюдалось. Осмотревшись внимательнее, Вульф понял, что сглупил. Он вытянул из спинки стоявшей впереди скамьи линзы

дополненной реальности. Затем настал черед наушников.

Служба была в самом разгаре. Пастырь зажигал не хуже рок-идолов прошлого, смешивая дикую энергетику плоти с пронзительными интеллигентными речами руководителей первых в истории корпораций.

– Со времен Генри Форда мы жили не ради поиска высших смыслов и достижения неизведанных целей, а ради потребления и продолжения рода потребителей. Мы – ствольные клетки в теле доминирующей капиталистической системы, а капитализм – паразит, которому сколько не дай, все равно будет мало. Это часть нашего животного естества, и нам никуда от неё не деться. Если вы насыплете своим домашним питомцам корма с избытком, они будут есть до тех пор, пока их не стошнит, а потом продолжат трапезу. Таковы и люди. Если завтра ты не сможешь найти пищу – сегодня жри до отвала. И все же человек – это нечто большее. Наш разум изнывает от тоски и банальности и ищет свободы в бескрайних потоках информации. Наш устаревший процессор в черепной коробке должен стать варолиевым мостом к оцифровке сознания. Я говорю о свободе для всех и каждого. Мы не веруем в бога создателя, но веруем в бога сотворенного. Мы не пропагандируем креационизм. Мы возносим в абсолют эволюцию человеческого разума. Присоединяйтесь к юницизму, и каждый ваш жертвенный взнос приблизит наступление новой эпохи для человечества. Эпохи без границ, различий и неравенства. Плоть разделяет. Разум един.

Все прочие прихожане попугаями принялись задушевно скандировать эту весьма сомнительную и спорную мантру.

Вульф покачал головой и махнул рукой Гловеру:

– Уходим.

– Насмотрелся? – ехидно осведомился Артур.

Вульф не ответил.

На оставшемся пути они не проронили ни слова. Каждый думал о своем.

Несмотря на поздний вечер, затерявшийся посреди рабочей недели, ночной клуб со странным названием «Барокамера» был забит под завязку. Толпы незнакомых людей, вспышки света, громкая музыка – все это создавало у Вульфа впечатление, что он все еще спит, и пробуждение было только иллюзией. Всполохи неона и ультрафиолета отпечатывались на сетчатке глаз гипнотической мозаикой, а низкие ритмичные звуковые волны вводили в подобие транса не хуже ритуальных барабанов.

– Я называю это декомпрессией! – прокричал Гловер в ухо Вульфа, стараясь перекрыть грохот, царивший вокруг.

Он в мгновение ока перехватил с подноса проходившего мимо официанта по паре бокалов виски с колой и передал один Алексу.

– Отличное средство, чтобы плавно перейти из состояния коллективного сновидения на твердую землю. Никаких модных наркотиков – на сегодня уже хватило – только старый добрый алкоголь. Начнем потихоньку, а там как пой-

дет. Будем! – он грохнул своим бокалом о бокал Вульфа и в несколько могучих глотков осушил его.

Вечеринка едва начала набирать обороты. За барной стойкой расположился одинокий Ямагути, потягивая саке в прихлебку со светлым пивом.

– А, Хиросима! – воскликнул Гловер. – Прогреваешь двигатель, чтобы ночью оторваться по полной программе? Смотри не усни головой в унитазе, как в прошлый раз, когда ты пообещал мне охмурить ту знойную кореянку из отдела психической индукции.

– Отчего ты, Артур-кун, вечно сватаешь мне азиаток? – возмутился Ямагути. – Попахивает расизмом и стереотипированием. По-твоему, я недостоин нежного пломбира или крепкого кофе?

Они пару секунд буравили друг друга наигранно напряженными взглядами, затем прыснули со смеху.

– Ты видел меня в деле, Артур-кун. Вся эта кататоническая тряска конечностями с десинхронизированной под действием алкоголя моторикой совсем не по мне, – сказал Ямагути. – Считаю танец разумов куда более привлекательным действием.

– С такой-то тушей? Немудрено! – согласился Гловер. – Ладно, парни, вы пока почирикайте, а я пойду поразведаю обстановку. Не скучайте без меня.

Вульф устроился рядом с Ямагути. Его слегка потряхивало от слабости, а голова шла кругом после затяжного сеанса

коллективного сновидения. Он боялся, что, моргнув в очередной раз, обнаружит себя закрытым в купели без возможности выбраться.

– Как самочувствие, Алекс-сэмпай? – осведомился Ямагути.

– Словно тебя разбудили посреди ночи и заставили написать хокку об увиденном сне.

Ямагути улыбнулся.

– Ваше сознание и тело в шоке – это нормально. Мы беззастенчиво вторгаемся в электрохимическую регуляцию центральной нервной системы. Сейчас вы пожинаете последствия. Выпейте чего-нибудь покрепче и поешьте. Обязательно полегчает.

– Постараюсь, только мне не дает покоя чертова дюжина вопросов, – буркнул Вульф. – Сейчас мы извлекли семя сна из хоста. А что происходит дальше?

– Дальше семя поступает на конвейер грез, где производятся терапевтические модули, но почему вы спрашиваете, Алекс-сэмпай? – Ямагути заметно напрягся и огляделся по сторонам, проговорив отчетливо и громко: – Я простой инженер-нейрофизиолог. Все сотрудники получают информацию в дозированных объемах и то лишь в сфере своих непосредственных прикладных интересов.

Вульф немного удивился этому приступу паранойи от жизнерадостного японца:

– Ты единственный, кто просветил меня о принципах ра-

боты Конторы.

– Я сделал это для того, чтобы вас успокоить. Все во имя результата, как говорит Пейтон-сан. Возможно, поступил не особо умно. В Конторе опасаются промышленного шпионажа, поэтому и не вдаются в подробности. Строгая конфиденциальность и все такое.

– Я похож на шпиона?

– Ваша жизнь полна тайн и пробелов.

– Как и для меня самого. «Раав» и нейрофин не самые полезные для психики испытания.

– Алекс-сэмпей, упорствуя в своих изысканиях, вы добьетесь только одного – сеанса глубокого траления разума, проведенного комиссаром. История не из приятных, знаете ли.

– Были прецеденты?

– Ходят слухи.

– Слухи? Сима-кун, что за дешевые корпоративные байки? Какой-то детский сад!

Ямагути поерзал на стуле. Невооруженным глазом было заметно, как навязанные ограничения пересекаются в нем с желанием посплетничать. Немного понаблюдав за этой внутренней борьбой, Алекс пришел к выводу, что японцы излишне законопослушны, но, как и в большинстве случаев, любые предписания рухнули под действием благословенного алкоголя.

– Хорошо. Пока народ подтягивается, можно скоротать время. Все нижесказанное не является истиной в первой ин-

станции, а всего-навсего плод моего богатого воображения. Догадки, домыслы и прочий ментальный мусор. Любой мусор надо иногда выносить из дому, ведь верно? В противном случае он начинает вонять, – Ямагути опустошил очередную рюмку sake и отделил ее от батареи полных собратьев, покрутив немного между толстыми пальцами. – Вы видели лишь часть процесса работы Конторы. Основной принцип выглядит следующим образом, – он рассыпал по барной стойке немного соли и принялся рисовать блок-схему. – Психологи разбирают профильное заболевание, для лечения которого нам необходимо подготовить терапевтический модуль и предлагают отделу внедрения универсальный набор из архетипов, стереотипных поведенческих реакций, символов, абстракций и катарсических решений. Те в свою очередь обставляют жилище и быт сновидцев, а также весь их досуг и обучение так, чтобы максимальное количество полезной информации было усвоено сознанием и отложилось в подкорке. Психонавты проникают в хост ребенка-сновидца в процессе сеанса коллективного осознанного сновидения и извлекают активную информационную терапевтическую единицу – семя лекарственного сна. В группе извлечения присутствует специалист, зовущийся жнецом. В его мозгу находится гаджет с внешним инфопортом, внедренный путем тонкой неврологической операции, – ловец снов. Жнец считывает семя сна и после пробуждения передает его на накопитель сервера Конторы. Семя формируется

инженерами в лечебно-профилактический модуль. Модуль же, будучи пропущенным через криптографические протоколы, отсылается на аппараты «Морфей» пользователей-пациентов...

– Попался! – от неожиданности Ямагути подпрыгнул на барном стуле и едва не сверзился на пол.

Беккер подкрался к нему сзади совершенно незаметно и неожиданно приставил к мягкой спине сложенные пистолетиком пальцы.

– Руки вверх, мистер Ямагути! Вы арестованы за разбазаривание национальных секретов первому встречному.

Лоб Ямагути моментально покрылся испариной:

– Я совсем не...

– Да брось ты, Сима-кун, – вмешался Вульф. – Не трясись так! Все в порядке. Я такой же сотрудник ГСПМ, как и вы, мистер Беккер. Хватит валять дурака.

– Ой ли, мистер серый волк? – лицо комиссара приняло выражение въедливого агента спецслужб. – Не ответите ли мне на один простой вопрос: что заставляет вас постоянно вынюхивать информацию о технологиях и методиках работы Конторы?

– Простое любопытство. Разве человеку не позволено интересоваться местом собственной работы и коллегами? Как можно душой прикипеть к делу, если не понимаешь, что ты, собственно, делаешь?

– Увлеченный сотрудник? – Беккер прищурился, сменив

маску на заштатного психиатра. – Интересная карта, хотя кого в наше время интересует в работе что-то, кроме зарплатного счета? Вы пудрите мне мозги. Я думаю, что это ваше подсознательное желание. В течение сеанса КОС Гловер с Орье заливались соловьями, рассказывая вам о тонкостях нашей работы. Вы даже чуть-чуть надкололи скорлупу Стейнбека и Пейтона, а они весьма крепкие орешки.

– Не понимаю, о чем вы?

– Не понимаете? Может и так, – Беккер пожал плечами, нацепив личину Гловера. – Не будем исключать, что это подсознательное желание было внедрено против твоей воли. Ты можешь и вовсе не знать о нем. Да и знаешь ли ты что-то о себе? Что если твоя личность искусственная? Гомункул.

– Артур говорил это, когда мы были вдвоем. Как вы узнали?

– Моя задача – отслеживать подозрительную активность в КОС.

– Вы наблюдали за нами?

– Естественно.

– Не расшифруете все эти непрозрачные намеки на гомункулов и шпионов?

– Нет! – отрезал Беккер, хлопнув ладонью по столу, но тут же успокоился. – Здесь я задаю вопросы. Поймите меня правильно. Ваше появление весьма необычно. Я должен разобраться в причинах. Почему сейчас? Почему вы? – он переключился через барную стойку к вящему неудовольствию бар-

мена и принялся декламировать, как педагог на лекции: – Вы слышали когда-нибудь об ассасинах? Древнем ордене убийц, внедрявшихся в ближайшее окружение врагов и годами сосуществовавших с ними бок о бок до наступления политически и стратегически наиболее благоприятного для устранения жертвы момента? Они были бомбами в человеческом обличье.

Вульф прыснул:

– Про иллюминатов, масонов и теньевые правительства не станете заливать? А то я уже начал сомневаться в вашем диагнозе. Seriously! Сейчас убийства никого не интересуют. Цену имеет только информация.

Беккер расслабился и облокотился на барную стойку с лицом давнишнего товарища-собутельника:

– Твоя правда. Ассасины сменились корпоративными крысами, а ты, приятель, очень напоминаешь мне хитрую изворотливую крысу.

– Неужели?

Беккер заглянул ему прямо в глаза, и взгляд этот отдавал ледяным спокойствием директора Конторы:

– Конечно нет. История вашей жизни, Алекс, неординарна и вычурна, а методы выживания информации работают только на безобидных олухах вроде Ямагути. Шпионаж же требует серости, банальности и тишины.

– Рад, что вам так кажется. Мы очень долго обсуждаем мою скромную персону. Даже неловко как-то. Не расскажете

немного о себе? Вы-то сами кто? Специалист по психодраме? Безумец? Надзиратель?

Беккер нарочито вскинул бровь:

– Я всего лишь жалкий шут в служении «Морфея».

– Вы чудной. У вас правда диссоциативное расстройство идентичности?

Беккер ответил ему с уничижительными превосходными нотками Стейнбека в голосе:

– А у кого его нет, молодой человек? Вы не ведете внутренних диалогов с самим собой, оставшись в одиночестве? Не представляете рядом друзей и любовников, чтобы было с кем скоротать время и придаться бесхитростным утехам? Не пытаетесь стать кем-то другим, хоть на мгновение выбравшись из опостылевшего образа?

– Я пытаюсь обрести смысл собственного существования. Принести пользу обществу.

– Обществу? Ну конечно! – последний образ Вульф не смог распознать. Он промелькнул на лице Беккера единжды во время беседы в конференц-зале перед самым погружением. – Не иначе нас внесут в анналы истории. Мы достигли многого, найдя лекарство от генерализованного депрессивного расстройства личности, но любое великое свершение можно обратить во зло. Будьте осторожны, мистер серый волк. Сегодняшней ночью ваши сны интересуют очень многих людей! – Беккер подмигнул Вульфу и исчез в мерцании светомузыки, будто его и не было вовсе.

Ямагути выдохнул и ослабил галстук на шее:

– Пронесло! Вот ведь скользкий угорь!

– Кто он, мать его, такой?

– Никто не знает. Он главный старожил Конторы. Вторая

– Жюли Орье.

– Давай спросим у нее.

– Она не ответит.

– Почему?

Сзади на них навалился Гловер, обняв за плечи, и заговорщически прошептал:

– Потому что она сама не знает. Хватит занудствовать! Я нашел наш столик. Пора начать разговляться по-взрослому.

– Я лучше пойду к своим, – пробормотал Ямагути. – Хватит с меня на сегодня стрессов.

Гловер прокричал ему вслед:

– Не забудь, Хиросима! Корейнка из отдела индукции! Не упusti свой шанс, тигр! – затем он хлопнул Вульфа по плечу. – Пришло время для противостояния наших печенок.

За столиком сидели психонавты из других групп извлечения. С ними Вульф еще не был знаком. Он помахал рукой, представился и подсел под бок Орье напротив Стейнбека. Гловер пообещал заказать на всех выпивку и исчез в недрах «Барокамеры».

Орье была сама не своя:

– Они не пускают меня к Банни, – пробормотала она.

– Дайте время, – парировал Стейнбек. – Ее сознание про-

шло серьезную проверку на прочность в ходе сегодняшнего сеанса коллективного сновидения.

– Я так долго работала с ней, а меня попросту отодвинули в сторону.

– Над вами довлеют эмоции. Разум доктора должен быть холоден и чист. Поэтому вас и убрали подальше до поры до времени. Наберитесь терпения, Жюли.

Гловер вернулся с выводком официантов, доставивших выпивку. Сам он принес порцию себе и Вульффу.

– Начнем декомпрессию! – провозгласил он и в мгновение ока опустошил стакан. – Дамы и господа, позвольте поведать вам эпическое сказание, как мистер Вульфф столкнулся лицом к лицу со своими собственными подростковыми фобиями и обоссал их!

Пока Гловер в подробностях рассказывал об их приключениях в пещере бессознательного, Стейнбек повернулся к Вульффу и спросил:

– Что за незрелые анималистские подсознательные реакции, молодой человек?

Алекс развел руками:

– Возможно, последствия посттравматического стрессового расстройства.

– Отчасти вы правы, но не могу согласиться полностью. Стрессовое расстройство порождает obsessions и compulsions, фобии и неврозы. Оно разрушает личность при длительном воздействии. В вашем же случае мы наблюдаем иное – гру-

бое несоответствие психического и физического возрастов. Словно кто-то преднамеренно вмешался в структуру вашей личности. Нужно будет разобраться с этим вопросом и как можно скорее. Приходите ко мне на прием, после того как я закончу с Банни Чок.

– Рада, что вы так уверены в успешном исходе терапии, – пробормотала Орье сквозь зубы.

– Уверенность порождается опытом, моя дорогая.

После десятой порции Гловер грохнул стаканом о стол и захотел немного размяться. Он вновь исчез из поля зрения.

– У него в заднице батарейка, что ли? – спросил Вульф.

Стейнбек закатил глаза, смакуя односолодовый виски, слегка захмелев:

– Все амы общительны и склонны к экстраверсии. В этом их основная особенность. Они должны нравиться и вызывать доверие.

Алекс взглянул на Орье. Ее руки, шея и область декольте были открыты. Их покрывала нежная персиковая кожа с едва заметным пушком без единого шрама или дефекта. Никаких признаков самоистязания. Похоже, сны никогда не транслировали прямую информацию о своем носителе, погружаясь в сумбурные образы вытесненных эмоций, переживаний и аллегорический символизм.

Она впала в ступор, даже не притронувшись ни к спиртному, ни к закускам.

– Выглядишь усталой.

Орье вздрогнула, вынырнув из глубокой задумчивости, и посмотрела на Вульфа:

– Просто так всегда бывает в конце долгого пути, когда скоро ты прибудешь в пункт назначения. Ты потратил столько сил на дорогу, но будут ли тебе рады встречающие – не знаешь.

– Ты про отца?

– Да.

– Чем он болен?

– «Успешная» шизофрения. Это когда в силу имеющихся навыков больной долгое время скрывает симптомы болезни и даже извлекает из нее некоторую пользу.

Стейнбек встрепенулся при упоминании отца Жюли:

– Я имел честь быть знакомым с Сержем Орье. До при-
скорбного инцидента, естественно, – профессор задумчиво погладил бороду. Взгляд его затуманился то ли от выпитого, то ли от собственных мыслей. – Вы пошли по его стопам. Вы истинная героиня. Однажды победите его болезнь. Достойная дочь. Будь я вашим отцом, то всенепременно испытал бы гордость за собственное чадо. К большому сожалению, мои дети наплевали на меня и мой опыт. Сказали, что профессиональная деформация и избыточная увлеченность престижной работой сделали из меня худшего на свете родителя. Мой пример убил в них желание связать жизнь с медициной и педагогикой. В конечном итоге для всех это вышло боком.

Орье покрутила бокал с виски в руке и залпом осушила его:

– В чем-то они были правы. Ваш подход к обучению был спорен. Вы столько растоптали.

Стейнбек саркастично всплеснул руками:

– Да неужели? Я всего лишь отделял зерна от плевел. Я подарил миру Джона Пейтона.

– Вы обосрали его работу, уложив на лопатки за счет своего авторитета.

Стейнбек развел руками:

– Чтобы он поднялся сильнее и мотивированнее прежнего. Жизнь преподала бы ему урок куда менее приятным способом. Переломила хребет и придавила тяжелым сапогом сверху. Я же указал на недостатки его концепции, которые он доработал и отполировал до зеркального блеска. Так-то, девочка.

– Это вечный спор в подходах к обучению. Стоит ли бросать не умеющего плавать в воду в надежде, что он выплывет сам?

– Это самый естественный способ. Такова природа всех живых существ.

Орье качнула головой:

– При всем уважении, профессор, алкоголь делает из вас самовлюбленного мудака, не способного к критическому мышлению. Не стоит вам налегать на выпивку.

– Сегодня можно, – отмахнулся Стейнбек. – Опасность

поджидает тогда, когда пьешь, чтобы скоротать время, или без всякой причины. Этой ночью мы празднуем успех!

– Не будем об этом, – Жюли повернулась к Вульффу, опорожнив очередной бокал. – Алекс, пойдем лучше потанцуем.

– Не сегодня.

Орье раздосадовано сморщилась:

– Не хочешь? Ну ладно, – она встала и направилась нетвердой походкой к нескольким атлетически сложенным парням, обретавшимся у барной стойки.

– Ха! Что за идиот?! – удивился Стейнбек. – Если вы ждали удобного случая, молодой человек, то это был он самый.

– Удобный случай?

– Именно. Не прикидывайтесь, что не понимаете. Ваш психотип и заложенное воспитание заставляют вас бросаться на помощь всем и каждому, но, когда в ответ к вам тянутся люди, вы отвергаете их. Парадокс эмпатического мазохиста. Человеческий рассудок склонен к энтропии.

– Вы так считаете?

– Так считают мыслители куда умнее нас с вами. Нет баланса в душе человека, потому что самосознание – это рудимент.

– Почему же оно сохранилось, а не сгнуло как рецессивный признак, доказавший свою неэффективность?

– «Я» пытается выжить. Оно хитро. Это информационный вирус, паразитирующий в нашем мозгу. Он пожирает энергетические ресурсы организма и вычислительные мощ-

ности центральной нервной системы, растрачивая его на анализ абстракций. Искусство, язык, науки – не более чем самозабвенная мастурбация разума, выстреливающего в ноосфере поллюциями пустых мусорных данных. Мы выстраиваем целые символные системы, чтобы интерпретировать окружающую действительность, вместо того чтобы приспособливаться и эволюционировать. Чем индивид разумнее, тем больший дискомфорт он испытывает от столкновения с объективной реальностью и тем большим количеством символных систем себя окружает. Эскапизм удел хилых умников, стремящихся спасти никчемные гены на просторах инфосети. Безмозглые доминантные альфы припадают к пышной сиське матери-природы. Пока юницизм, помолясь, не отправил сознание всех рефлексирующих в эфир облачных хранилищ данных, нам придется контролировать сознание людей. Приводить его к гармонии. Помочь каждому обрести самость. Однажды мы упустили вожжи, и видите, к чему это привело?

– Этим вы занимаетесь в государственной службе психологического мониторинга? Контролем?

– В перспективе. Когда разберемся с тяжелой пандемической ситуацией.

– Это мало похоже на вопрос медицины. Контроль в любом проявлении скорее подразумевает политику.

– В современном мире все политика.

Вульф задумчиво уставился в свой бокал. Миллион неза-

данных вопросов роился у него в голове, перемешавшись в хороводе алкогольного опьянения, но с уст сорвался самый банальный и нелепый:

– Почему Контора?

Стейнбек вскинул голову:

– Что, простите?

– Почему центральный офис государственной службы психологического мониторинга все называют Конторой? Никак не могу взять в толк: здесь нет ничего от заскорузлого бюрократического аппарата и запыленных тяжеловесных административных заведений, где бледные клерки в одинаковых костюмах копошатся в бетонной туше государственного института, как черви в трупе, напротив...

Стейнбек хохотнул и хлопнул ладонью по столу:

– Это хороший вопрос, молодой человек. Чтобы найти на него ответ, нужно понимать, что главной капиталистической мечтой, западным идеалом, служит частное предпринимательство. Работа на себя, а не в угоду хозяину. Многие коллеги-психотерапевты считают, что Джон Пейтон продал собственную мечту и достижения ради стабильной и предсказуемой жизни под крылышком политиков. Отдал свое творение в аренду слепому богу государственных структур.

Вульф хмыкнул:

– А вы как считаете, профессор?

– Я считаю, что ответ лежит на поверхности. Возможно, директор однажды поведаст вам свою версию.

– Вы восхищаетесь им?

– Отчасти. Пейтон не только выдающийся ученый, но и человек невероятного социального чутья. Он точно знает, куда дует ветер перемен, и вовремя подставляет парус под его потоки. Этому невозможно научиться. Это нечто от животного естества.

Пока они разговаривали, стол погрузился в непроглядный туман, стекавший с потолка пенистыми водопадами. В его клубах исчезли все прочие люди. Он поглотил навязчивый шум вечеринки и какофонию, царившую в «Барокамере». Остались лишь тишина, Вульф и Стейнбек.

– И куда же дует ветер, Блейк? – спросила фигура, сокрытая в тумане. В ней едва угадывались очертания директора Конторы.

Стейнбек пристально вглядывался в туман, силясь прочесть в его смутных образах симптомы грядущего, и, наконец, произнес:

– Неважно, куда он дует. Важнее то, что он несет с собой. Эскалация насилия, постоянная угроза военных конфликтов, социальная неопределенность, лабораторно выведенные эпидемии, дистиллированная паранойя, отсутствие ярких эмоций, хроническая скрипучая депрессия проржавевших рабочих шестерней – все это сеет на плодородную почву обывательского воображения семена страха. Контролируемый хаос порождает спрос на низкопробных спасителей, а спасителям так просто усесться на очищенные бурей

троны. Отличные марионетки для истинных кукловодов. В тенях и под бесчисленными масками прячутся наши правители. Вожаки этнических стай под разными флагами. И это, мать их, самые натуральные социопаты, каких только видел мир. Мы свет науки и медицины. Теперь у нас есть щит, чтобы уберечь общество от их тлетворного влияния.

Губы Пейтона скривились в ухмылке, и пистолет возник в руке по мановению ока. Раздался выстрел, и Стейнбек разбился на миллион цветных осколков, как конфетти, разлетевшихся вокруг.

Вульф вздрогнул и открыл глаза. Профессор дремал напротив.

«В какой момент я уснул?» – подумал Алекс.

Что из сказанного было правдой, а что вымыслом его отходившего от сеанса коллективного сновидения сознания? Проклятые пикетчики и выпуски новостей на инфоканалах всколыхнули в его разуме волну беспокойства. Да еще и чертов Ямагути с Беккером. Тревога давно превратилась в главные удила для общества.

– Охренеть вы весельчаки! – воскликнул вернувшийся со свежей порцией спиртного Гловер. – Стоило оставить вас ненадолго, а вы уже ласты склеили. С профессором все ясно: он старый пень, но ты, Алекс...

– Я же говорил, что мало пью.

– Тебе нужно срочно взбодриться! Чин-чин! – они опрокинули по бокалу, и Гловер продолжил: – Неподалеку есть

отличный стриптиз-клуб. Тебе жизненно необходимо разогнать холодную кровь. Буду приобщать тебя к радостям жизни.

– Ты же не отстанешь, верно?

– Никак нет, сэр! Поднимайте свою ленивую задницу. Мы берем курс навстречу упругим женским прелестям.

Вульф, пошатываясь, поднялся на ноги:

– Тогда веди.

Гловер хлопнул его по плечу:

– Я знал, что ты парень не промах.

Когда Вульф с Гловером покидали «Барокамеру», Алекс заметил в тени у выхода прислонившегося к стене Беккера. Их взгляды на секунду пересеклись, и Беккер постучал пальцем по нижнему веку: «Будь внимателен!»

Вульф вздрогнул и отвернулся.

– Что такое? – удивился Гловер, подозрительно оглядываясь по сторонам, но Беккер уже бесследно исчез.

– Ничего. Показалось. Идем.

Глава 16. Траление

Вульф отключился в самый неподходящий момент, когда полуголая девица в приватной комнате прильнула к нему всем своим естеством под громогласный хохот Гловера. Он провалился во тьму, перестав реагировать на внешние раздражители. Последнее, что он запомнил, было звуком бьющегося стекла. Кто-то в пьяном угаре уронил хрупкий стакан на пол.

– На счастье! – Вульф едва разобрал сквозь пелену дремы далекий голос Гловера.

В тягучем и спутанном сне Алекс шел по фабричной проходной вместе с толпой работяг, только закончивших смену. Охранник на выходе напряженно кивнул ему, едва заметно расстегнув кобуру пистолета. Алекс приложил пропуск к датчику на турникете. Загорелся зеленый свет и, крутанув барабан, Вульф оказался за воротами. На парковке скопился десяток автобусов, по окончании смены развозивших сотрудников фабрики по домам. Сегодня работников было намного меньше количества техники, согнанной для их доставки восвояси. Водители надели дыхательные маски. Они явно нервничали, поглядывая на бредущую в их сторону толпу в белых спецовках с логотипом фармацевтической компании на спине – красным мерным черпаком с обвивающейся во круг ручки змеей. Вульф бросил взгляд на вывеску над цен-

тральными воротами, пытаюсь разглядеть название. «Скуп-фармтек», – прочитал он.

Парковку окружил кордон из военных броневиков. Вооруженные солдаты в костюмах химзащиты патрулировали округу. За кордоном скопилась толпа гражданских. Она всколыхнулась при виде появившихся на проходной работников фармацевтического производства. Женщины и дети были, по всей видимости, их семьями. Пожилые – родителями молодых сотрудников. Они призывно кричали и размахивали руками, стараясь привлечь внимание. Звучали бесчисленные фамилии и имена. Воздух сотрясали бесконечные вопросы о том, что случилось на производстве.

Через кордон прорвались двое детей: мальчик и девочка – рыжие, что само солнце. Они со всех ног бросились к Вульффу, оторвавшись от преследовавших их солдат. Дети едва не сбили его с ног, заключив в крепкие объятия. Он застыл на месте, совершенно сбитый с толку, и не понимал, что происходит.

– Папочка, мы думали, что ты погиб, – прошептала девочка. – По инфосети только о взрыве на фабрике и говорят. Мы пытались проникнуть на территорию и видели пожары. Внутри раздавались такие страшные крики...

Где-то глубоко в сознании на месте осколков былой личности скрутился болезненный комок. Им нельзя контактировать с ним. Он заразен.

– Прочь, – зарычал Вульф чужим голосом. – Назад. Не

трогайте меня.

Рыжие чертенята никогда его не слушались.

Подоспевшие солдаты оттащили детей, крепко вцепившихся в своего отца. Вульф не сопротивлялся, а молча позволил препроводить себя в автобус вместе с другими работниками, такими же спокойными и молчаливыми, как и он сам. Выжившие после происшествия в вирусологическом отделе «Скуп-фармтек» напоминали тени прошлых себя. Одни очертания без деталей. Пустая оболочка.

Вульф смотрел на толпы людей, мимо которых проезжал автобус. Брошенные как попало машины многочисленных родственников заполнили обочины и подъездные пути к фармацевтическому производству. Кorteж из автобусов в сопровождении военных броневиков и полицейских машин продирался к магистрали, ведущей в столицу. Они около часа выбирались на шоссе, но затем, никем не сдерживаемые, рванулись вперед на максимально допустимой скорости, оставив позади фармацевтический комплекс, еще курившийся чахлыми дымами.

За окном проносились бескрайние холмы, поросшие сочной зеленой травой, под низким промозглым небом. Дорога петляла по прибрежному взгорью, вихляясь то вверх, то вниз. Сильный боковой ветер раскачивал автобус на поворотах, но никто не обращал на это внимания. Все сидели, молча уставившись перед собой. Никакого волнения или страха. Тишина и покой. Только Вульф выделялся из этой се-

рой толпы, но, бросив взгляд в окно, он увидел в отражении на стекле совершенно другого человека. Рыжий долговязый мужчина с выпуклыми рыбьими глазами пялился на него в полнейшем смирении.

Алекса терзали вопросы. Как он очутился здесь? Почему видит то, чему никогда не был свидетелем? Все это походило на очередной сон, но как он оказался в нем, ведь сеанс коллективного осознанного сновидения давно завершился? Их извлекли из купелей. Потом была корпоративная вечеринка в «Барокамере». Последнее, что Алекс отчетливо помнил, – это поход в стриптиз-клуб вместе с Гловером. Они изрядно набрались, засовывая в исподнее молодых танцовщиц наменянные Артуром однодолларовые банкноты.

«Сегодняшней ночью ваши сны интересуют очень многих людей!» – сказал ему Беккер в баре. И еще перед самым уходом: «Будь внимателен!».

Проклятье! Кто-то копается в его сознании. Алекс понимал, что может проснуться в любой момент, но соблазн получить ответы был слишком велик.

Сотрудников «Скуп-фармтек» доставили в муниципальный психоневрологический диспансер. Внутри заводили по одному. Когда очередь дошла до Алекса, он подчинился. Двое военных провели его в приемный покой. Вокруг сновали доктора, облаченные в средства защиты. Вульфа заставили раздеться, провели полный осмотр и инструментальную диагностику, затем повели к мозгоправам.

Эти отличались от прочих специалистов. Явно неместные. Говорили с акцентом. На костюмах специальной защиты Вульф разглядел странный значок. Там был изображен человеческий мозг, закованный в цепи, а за ним маяк, озаряющий разум своим светом.

– Добрый день, мистер Гловер! – обратился к нему молодой специалист.

– Добрый, – ответил Вульф.

– Можно звать вас Рональдом?

– Как вам будет угодно.

– Рональд, вы столкнулись с травмирующими событиями, воспринять которые не способно ни одно самое стойкое сознание на свете. Вы в шоке. Это нормально. Я помогу вам.

Вульф оцепенел, вцепившись в подлокотники кресла, на которое его усадили. Все повторялось. Он уже был свидетелем подобных событий. Иными были лишь время и место.

– Что произошло? – спросил Вульф. – Почему я здесь?

Алекс имел в виду сон, но молодой специалист расценил вопрос несколько иначе:

– Вы здесь для того, чтобы пройти курс лечения. У него две задачи. Первая – остановить прогрессирующий распад личности и компенсировать уже нанесенный ущерб. Вторая – справиться с последствиями психологической травмы, вытеснив ее в область бессознательного. Вы пережили страшные события. Из-за аварии на фабрике произошла утечка в вирусологическом отделе. В атмосферу вырвался новый син-

тетический вирус «Раав», но благодаря самоотверженным усилиям персонала «Скуп-фармтек» утечку удалось быстро нейтрализовать.

Яркие образы и картины затопили тревожное и растерянное сознание Вульфа. Полупарализованные люди пытались уползти от обезумевших коллег, в аффективном припадке нападавших на всех окружающих. Военные в химзащите без тени сомнений уничтожали агрессивные цели. Всех выживших экстренно изолировали. Антивирус вводился ударными дозами, чтобы нейтрализовать паралич. Были и третьи. Те, кто с виду остался в порядке. Вирусная инвазия в их организмах протекала скрыто, а иммунитет без боя пропускал захватчиков через гематоэнцефалический барьер. Нейровирус поражал клетки центральной нервной системы и начал воспроизводиться в огромных количествах. Не имея никакой ярко-выраженной соматической симптоматики, зараженные превращались в невольных распространителей вируса. Штамм второго поколения, полученный на основе человеческой ДНК и продуцируемый бессимптомными носителями, действовал мягче. Отдаленные наблюдения показали, что со временем он вызывал прогрессирующую вирусную деменцию с букетом психических заболеваний, а также в некоторых случаях провоцировал возникновение рака мозга из клеток поврежденных нейронов.

Нулевые пациенты в цепочке страдали особенно сильно. Нейроны в их мозге гибли сотнями особенно в латентный пе-

риод между заражением организма и моментом, когда больной сам становился заразным. Потом процесс размножения вируса резко замедлялся и выходил на плато. Личность нулевых пациентов постепенно распадалась из-за ошибок взаимодействия поврежденных и здоровых участков мозга. Доктора беспощадно уничтожали поврежденные сегменты, чтобы купировать осложнения и хоть как-то стабилизировать систему до завершения латентного периода. Затем мозгоправы собирали гомункул из оставшихся руин. Этот эрзац возвращали родственникам. Голем напоминал труп солдата в цинковом контейнере, сшитый патологоанатомами по кусочкам после взрыва бомбы и доставленный домой из горячей точки, но все лучше, чем ничего.

Инородные воспоминания наполняли разум Вульфа и, перекликаясь с его собственными, создавали когнитивный резонанс в сознании, позволяя приоткрыть бронированную дверь в чужое прошлое.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросил Вульф у специалиста.

Тот неуклюже встал со стула и подошел к Алексу, слегка припадая на одну ногу. Он крепко взял его голову двумя руками и повернул лицом к себе, чтобы Вульф не смог отвести взгляд.

– Мой наставник назвал этот метод агрегацией личности с гипнотической стабилизацией якорными паттернами. Изначально он трудился в совершенно ином направлении, но, как

говорится, всегда приятно воспользоваться старыми работками. Мы поместим вас в герметичную капсулу. Под контролем магнитно-резонансного томографа и электроэнцефалографа уничтожим поврежденные клетки мозга и простиимулируем образование коллатеральных межсинаптических связей в обход отключенных сегментов. Звучит не слишком аппетитно, я понимаю, но что поделать, если в «Скуп-фармтек» работают одни безответственные бездари, хотя, зная наших руководителей...

Алекс попытался вырваться из цепких рук доктора, но неожиданно осознал, что его голова зажата в специальном креплении. Его заперли в герметичной камере. Комната со специалистом пропала, оставшись размытым отражением на покато́й глянцевой поверхности барабана томографа. Вокруг головы барражировал гентри с наконечником протонного излучателя. Сканирование карандашным пучком позволяло доставить мощную и точную дозу протонов к любым поврежденным участкам мозга и новообразованиям. По мере продвижения по телу протоны замедлялись, выделяя максимум радиации в конце пути. Место наибольшего выброса энергии называлось Брэгговским пиком. Он рассчитывался, исходя из местоположения поврежденных сегментов и опухолей, и не затрагивал здоровые ткани.

В голове Вульфа сверкали молнии. Очередная вспышка обрушила его сознание в бескрайнюю белую пустоту. Его погрузили в гипнотический транс. Где-то вдалеке размеренно

щелкал маятник метронома. Молодой специалист в защитном костюме обратился черной тенью за рабочим столом на фоне обжигающего яркого света.

Разорвав сияющую завесу, навстречу Алексу протянулась крепкая рука и вытащила на поверхность из коварного ому-та, грозившего свести его с ума.

Вульф судорожно сжимал ладонь рыжего паренька. Тот одним рывком поставил Алекса на ноги:

– Бежим, Девин! Быстрее, иначе получим по шапке.

– Я-то при чем?

– Ты мой кореш. Они это знают. Огребешь за компанию.

Паренек рванул прочь, исчезнув в сложном переплетении домов. Со стороны школьного футбольного стадиона слышались проклятья и отборная брань. Вульф не стал дожидаться развязки и последовал примеру нового товарища.

Когда он нагнал рыжего паренька, то спросил, запыхавшись:

– Что стряслось?

– Проучил гребаных ублюдков! – рассмеялся тот, не оборачиваясь. – Нассал им в бутылку с питьевой водой, пока они пинали мяч.

– Зачем?

– Этот поц Мерти опустил меня перед Эммой Галлахер, а я на нее глаз положил.

– Блядь, Арти! – непроизвольно вырвалось у Вульфа.

Позади он услышал приближающийся топот.

Рыжий вскрикнул. Споткнувшись о подставленную ногу, он полетел кубарем, угодив лицом в грязь. Вульф же ловко проскочил между пытавшихся перехватить его рук и удрал из засады.

– Беги, Девин! – крикнул ему вслед рыжий, прежде чем получил первый удар под ребра.

Вульф несся со всех ног. Он знал, что должен что-то немедленно предпринять, пока Арти не отмузузили по полной программе, но улица растянулась в пространстве, словно жевательная резинка. Алекс будто застыл на месте, а погоня все приближалась. Нужно было срочно отыскать Линнет, но улица все длилась и длилась, пока не опрокинулась вверх тормашками и не потащила его за собой в бездну.

Вульф упал рядом с Гловером, сидевшем в тени огромного фармацевтического комплекса. Завод навис над ними болезненным напоминанием о былых кошмарах. У его порога трусливо прятался заштатный городишко, состоявший из небольших аккуратных каменных домов, пропитанных гордой, но сокрушительной бедностью.

На городской окраине группа местной шантрапы избивала рыжеволосого паренька. Он безвольно валялся в грязи, получая удары ногами со всех сторон, и давно прекратил сопротивляться. Мальчишки оставили бы его в покое, но подянка, которую он им подстроил, была непростительной и излишне саркастичной. Восстановление поруганной чести требовало известной толики страданий и слез покая-

ния обидчика.

Линнет обрушилась на них, как ураган, прибежав из дома. Она орудовала простой деревянной палкой, разбрасывая школьников во все стороны. Даже получив в ответ несколько увесистых оплеух, она не ослабила натиска, пока мальчишки не отступились.

Видение отдалилось и растаяло в прошлом.

Гловер прошептал самому себе, напроочь позабыв о присутствии Вульфа:

– Лин никогда не пасовала. Даже перед лицом запущенного рака мозга. Боролась до последнего вздоха! – потом он вздрогнул, спохватившись, и обратился к Алексу: – Черт, ну ты и толстошкурый парень! Даже бары со стриптизом не особо помогли, а я так надеялся на старый добрый ирландский подход. Декомпрессия – моя лучшая находка.

– Так мы в твоём сне!

– Это не полноценный сеанс КОС. Короткая демонстрационная версия для инвесторов, военных и политиканов.

– У тебя есть свободный доступ к «Гипносу»? Что-то не верится.

– Такого не имеется ни у кого, кроме Пейтона, но сегодня корпоративная вечеринка, и большая часть персонала Конторы отрывается в «Барокамере», а те, что остались на дежурстве... Скажем так, приятно иметь по жизни множество должников. Итак, вот мы и здесь!

– Чего ради все эти сложности?

– Мне нужно было прощупать твое эго. Узнать, кто ты такой на самом деле и можно ли тебе доверять.

– Выяснил что-нибудь интересное?

– Кое-что. Ты не шпион и не корпоративная крыса. Обычный парень, угодивший в молотилку. Как и я сам. К вящему стыду скажу, что ты тоже немного пошарил в моем грязном бельишке. У нас осталось мало времени, поэтому ответь мне на последний вопрос. Ты помнишь, каким образом попал в ГСПМ?

– Счастливый случай. Невероятный шанс на интересную работу по призванию.

– Ясно, но почему служба мониторинга?

– Увидел вакансию в инфосети.

– Верно. Ах, эти святые и благословенные кликбейты! Подборки по интересам. Персонализированный контент. Возможности инфосети по направлению твоей воли беспрецеденты.

– Хочешь сказать, что все было подстроено?

– Просто хочу подтолкнуть к некоторым размышлениям.

Небо вспыхнуло багровыми всполохами, и где-то вдали загудела сирена противовоздушной обороны.

Гловер прислушался:

– Он уже здесь.

– Кто?

– Беккер. Комиссар идет по следу. Он понимал, что я захочу тебя протестировать, но не знал когда. Мне пора валить.

Опасно попадаться в его силки.

– А я? – возмутился Вульф.

– Ты останешься и отвлечешь его.

– Каким образом?

– Беккер воспользуется ситуацией и всенепременно захочет покопаться в твоём сознании, пока ты подключен к «Гипносу». Он еще не разобрался в тебе. Единственное, чего комиссар не знает, – то, что ты можешь заглянуть под сонм его масок. Мы же хотим узнать о нем больше, верно?

– Как быть с теми, кто дежурит в лаборатории? Они-то не смогут улизнуть.

– Он не выдаст их в обмен на угощение из твоих снов, приготовленных и сервированных к званому ужину. Скорее всего, он немедля проведет глубокое траление разума. Ему очень интересна твоя персона. Будь сильным, парень!

– Вот же су...

Гловер хлопнул Вульфа по плечу, и тот очнулся посреди лобби центрального офиса государственной службы психологического мониторинга, прикорнув на диванчике для посетителей в зоне ожидания.

Над ним склонилась Жюли Орье:

– Вы в порядке?

– Да, мисс. Похоже, я ненадолго задремал.

Орье протянула ему руку, и Алекс машинально пожал ее.

– Тогда доброго вам утра, Алекс Вульф, и добро пожаловать в Контору!

Миловидное лицо Жюли оцетинилось хищной маской Беккера. Его рука крепко вцепилась в запястье Вульфа. Пальцы таяли и растекались вверх по предплечью к шее и голове живыми ручейками жидких щупалец. Это комиссара заливало его рот, ноздри, глаза и уши. Алекс дергался, пытаясь откашляться и выплюнуть вязкую жидкость, но давился и задыхался все сильнее. Вульф пытался сконцентрироваться на образах из яви и своего прошлого, чтобы выскочить из проклятого сна, но у него ничего не получалось. Он перестал видеть, чувствовать и дышать. В конце концов, он сам стал Сетом Беккером.

Вульф бежал по осеннему лесу, чавкая легкими серыми кроссовками по раскисшей после недавнего дождя дорожке. Жаркое дыхание оставляло в воздухе клубы пара. Он перемахнул через очередное препятствие, подлез под следующим, без особых затруднений миновал бревно, перекинутое через грязный ров, уверенно балансируя руками в воздухе, прошелся по рукоходу, упал, сделал пятьдесят отжиманий, и побежал дальше.

Бежалось невероятно легко, хотя Вульф никогда не слыл выдающимся легкоатлетом. Сейчас его окрыляла эта невероятная простота циклических движений, и он ускорил темп, обгоняя всех прочих рекрутов.

Тренировочная форма промокла насквозь. Это его не тревожило. На груди Алекс заметил герб академии бюро общественной безопасности, где он проходил стажировку.

Достигнув огневого рубежа, Вульф подхватил пистолет, вставил в него обойму и занял позицию. Поначалу мишени появлялись размеренно и предсказуемо, но затем стали выскакивать непоследовательно, большими группами, вперемишку с неприкосновенными гражданскими целями.

Вульф сбился и принялся палить без разбора, чтобы набрать как можно больше очков на стрельбище. Время упражнения вышло, и он разрядил пистолет, оставив его на огневом рубеже. Алекс рванул дальше по маршруту.

Когда беговой маршрут завершился, он достиг учебного здания. Заняв свое место в аудитории под пристальным надзором многочисленных камер, Вульф приступил к выполнению теоретической части. Науки всегда давались ему, и пройтись по тестам не составило особого труда. Проблема возникла на развернутых заданиях, где требовалась логика и глубокий анализ. Он судорожно дописал ответы, нагородив сущую нелепицу.

Фиаско поджидало на психологическом освидетельствовании. Вопросы въедливого и дотошного доктора вывели его из себя, и он, наорав на специалиста, покинул кабинет.

Вульф сокрушался о потерянном времени. Его цель отдалась еще на год. Карточный домик далеко идущих планов рассыпался, как хлипкие хижинки поросят от дуновения волка, и все из-за особенностей работы нервной системы, темперамента и характера. Однако это не освобождало его от обещания, данного Ханне. Он все преодолеет и обязательно

добьется справедливости.

Вульф сидел в приемной академии бюро общественной безопасности, смотря на голый осенний лес и ожидая неминуемого вердикта. Лишенные листьев деревья, согбенные и скрюченные, мотались из стороны в сторону от сильных порывов ветра. Они напоминали труп его девушки, брошенной насильником в придорожной канаве. Такие же нагие и беззащитные.

Пока прочие рекруты возбужденно переговаривались, сбившись в небольшие стайки, рядом с Вульфом присел крепкий загорелый мужчина в пиджаке и белом хлопковом поло. Алекс не успел прочесть его имя на бейдже посетителя.

– Не стоит так убиваться, мистер Беккер, – сказал мужчина. – Там, где закрылась одна дверь, неминуемо отворится другая.

– А вы что, долбаный ключник? – буркнул Вульф устами Беккера.

– Лучше! Я и есть дверь. Вот моя визитка. Приходите, если надумаете переступить порог, за которым лежат ваши чаяния о справедливости.

Он взмахом ладони передал на инфопад Вульфа всю необходимую информацию. Взглянув на экран, Алекс оказался в темном кабинете, освещенном одной тусклой лампой на рабочем столе.

– Так что же вы хотите мне предложить? – спросил Вульф.

– Работу в разведывательном управлении.

Алекс присвистнул, но затем возразил:

– Мне нужен поведенческий отдел.

Мужчина – его имя Вульф сумел прочитать на виртуальной визитке, и там значилось «Серж Орье» – кивнул, внимательно глядя на Алекса:

– Я понимаю ваши стремления и побудившие их причины, но поймите теперь и вы. Бюро общественной безопасности – это всего лишь пастушьи собаки. Мыслите шире. Станьте пастухом.

Вульф хмыкнул:

– Я провалил вступительный экзамен в бюро. Думаю, что ценз в разведывательное управление будет строже, а значит, шансов нет.

– Если бы дела обстояли так, как вы говорите, то я бы не стал тратить ни свое, ни ваше время на расшаркивания. Знаю, что вы готовы рискнуть, чтобы получить шанс. Наш институт занимается совместным с разведывательным управлением новаторским исследованием по подготовке специалистов нового поколения. Проект «Протей».

– И что же из себя представляет этот пресловутый проект?

– Чтобы я смог вам ответить, необходимо принять решение. Здесь и сейчас.

Орье протянул ему стилус электронного пера:

– Распишитесь в предупреждении о неразглашении секретной информации, и тогда мы сможем начать, – стилус

взмыл из раскрытой ладони мужчины и завертелся вокруг головы Вульфа, как гентри. – В современном мире, мистер Беккер, путь в зазеркалье открывает не белый кролик и не загадочная таблетка из рук таинственного незнакомца. Простая подпись в юридическом документе – ваш пропуск к техническим коридорам нашей цивилизации.

Сомнения были недолгими. Небрежный росчерк пера заставил привычный ему мир закрутиться волчком. Его закрыли в герметичной капсуле. На покатых глянцевых стенках томографа Вульф видел отражения жизни Беккера. Гентри вился вокруг головы сказочной феи с мушиными крылышками. Его сознание раскалывалось на куски. Личность нарезалась тонкими ломтиками, как ветчина на бутерброды. Якорные паттерны создавали тонкие мостики между разъединенными сегрегатами.

Вульф выцепил из белой пустоты один из осколков сознания Беккера и заглянул в него.

Он оказался на врачебном консилиуме. Привязан к каталке напротив длинного стола. За столом сидел Орье, его молодой ассистент, несколько докторов, военные и пара мужчин в неброских серых костюмах. Судя по глубоким теням вокруг глаз, психоневролог давно не спал. Морщины прорезали его лоб. Во взгляде читалась усталость. Он был на грани.

Орье рвал и метал:

– Вместо того чтобы лечить больных, мы искалечили множество здоровых молодых людей. Это единственный ста-

бильный экземпляр для проекта «Протей» из всех тех, что у нас вышли. Агент с сегрегированной личностью и множественными эго-состояниями, проявляющий должную аналитическую эффективность и иммерсивные адаптационные способности с психологической мимикрией. Диссоциативное расстройство идентичности позволяет его альтер-личностям независимо действовать, подобно целому отряду специалистов, собранному внутри одного разума. Он способен перенимать паттерны поведения субъектов наблюдения, симулируя их поток сознания и моделируя причинно-следственные взаимосвязи их поступков. Есть еще один подопытный, дошедший до финальной стадии, но он впал в избыточный мистицизм. Не знаю, будет ли это проблемой для поставленной задачи. Я с самого начала был против этой идиотской затеи.

– Под идиотской затеей вы подразумеваете патриотический долг государству? – спросил один из «серых костюмов». – Ваши исследования финансируются из федерального бюджета, взамен же правительство изредка просит о маленьких услугах во благо родной страны, доктор Орье.

– Но результат...

– Плевать на результат. Не вам оценивать его.

Орье с грохотом отодвинулся на стуле подальше от стола:

– Я так больше не могу и отказываюсь участвовать в ваших садистских экспериментах.

«Серые костюмы» обменялись быстрыми взглядами:

– Прискорбно слышать подобное из ваших уст, доктор. Что ж... придется найти кого-нибудь менее щепетильного. У наших с вами работодателей очень большие планы по развитию психоневрологического сегмента рынка.

Молодой ассистент сверлил Вульфа задумчивым и напряженным взглядом. Этот взгляд походил на протонный луч, буравящий череп. Он проникал в самое сознание. Вокруг него расплзался сигаретный ожог, по краям которого тлела его объективная реальность. Когда он дополз до краев видимого поля зрения, то не осталось ничего, кроме обжигающего света. Свет стал меркнуть, пока не снизошел до бледного холодного солнца, зависшего над аэродромом арктической госпитальной базы.

Вульф стоял на коленях в изодранном защитном костюме посреди взлетно-посадочной полосы и глядел на пылавшие вдали здания госпиталя. Экран его шлема пересекала длинная кровавая полоса – последний привет от полковника Зикевского. Алекс наткнулся на него, когда покинул стерильную зону. Командир напал без предупреждения, напоминая обезумевшее дикое животное. Он повалил Алекса на пол и принялся терзать голыми руками защитный костюм. Вульфу с трудом удалось выхватить пистолет и просунуть его между собой и полковником. Он выпустил ему в живот всю обойму, и лишь тогда командир обмяк. Перед самым концом его взор прояснился, и рука с оторванным мизинцем прочертила кровавый след на шлеме, ища помощи и поддержки. Обру-

чальное кольцо неприятно скребло по экрану, оставляя глубокую царапину.

На фоне большого пожарища отчетливо выделялись бесчисленные темные пирамиды из тел погибших, снесенных биоботами со всей госпитальной базы. Паралич дыхательной мускулатуры и аффективные припадки неконтролируемой агрессии стали причинами, выкосившими почти весь персонал и пациентов после ракетного обстрела за исключением редких бедолаг, пребывавших в шоковом ступоре. Пострадал только их разум. Вирус ломал нейронные цепи в их мозге и в бесчисленном количестве уничтожал нервные клетки. Алекс чувствовал, что с каждой секундой теряет себя. Он не мог оторвать взгляда от ужасных тотемов, воздвигнутых во славу бессмысленной войны ради чужого обогащения, прикрытого вуалью патриотизма и облагороженного гимнами. Безжизненные тела в них были необходимыми деталями, сложенными в анатомическую мозаику, протиравшую до костей. Его любимая, его друзья, его наставники и коллеги – все были там. Вскоре загорелись и они, ликвидируемые согласно противоэпидемическому протоколу.

Где-то на самом краю иссушенной пустыни его отчужденного сознания, он слышал нарастающее стрекотание вертолетов. Один из них приземлился неподалеку от Вульфа. На его борту был выведен странный знак – человеческий мозг, закованный в цепи, а за ним маяк, озаряющий разум светом. Транспортный люк опустился, и по нему на взлетную полосу

сошли военный медик и двое солдат, снаряженные средствами специальной защиты. Они везли в его сторону роботизированную медицинскую каталку с герметичной капсулой непонятного назначения.

Командиром группы был медик, заметно прихрамывавший на одну ногу. Он обошел вокруг Вульфа и приказал:

– Торн, обездвигайте выжившего, а вы, Беккер, подготовьте к работе компактный ускоритель частиц. Надо подчистить хвосты.

Тот, кого звали Торном, оторвал взор от пылавших вдали пирамид, возведенных из трупов.

– Не милосерднее ли будет просто пристрелить его, сэр?

– Выполняйте приказ, солдат! – отрезал командир группы, глядя в лицо преклоненного врага, и потом добавил едва слышно: – Сегодня мы сеем ветер.

– И узрел я Бога, – пробормотал Торн, подчинившись. – И был он жесток.

Торн вколол Вульфу седативный препарат и распаковал из громоздкого защитного костюма. Холод плетью обжег тело Алекса, ненадолго вернув разум к болезненной реальности из плотно закупорившейся во избежание психологической травмы раковины сознательного. Солдаты поместили его в герметичную капсулу, пристегнув голову, руки и ноги держателями. Вокруг головы с торчавшими во все стороны присосками электроэнцефалографа беззвучно закрутился барабан томографа, и через несколько мгновений его сознание

затопил ослепительный свет, вырвавшийся из наконечника гентри. Прошла целая вечность, прежде чем на фоне испепеляющего пламени проступил темный силуэт, сидевший за рабочим столом. На самой границе сознательного размеренно щелкал маятник метронома.

– Кто ты такой? – прокричал Вульф в ревущий поток фонов.

– Вы знаете, кто я, – ответила тень.

– Чего ты хочешь?

На лице тени вспыхнули маски других людей. Они прорастали из тьмы, плавилась и менялись, перетекая друг в друга.

– Вы сослужили грязную и неблагодарную службу и стали затупившимися инструментами коллективного бессознательного. Для всякого поломанного скарба есть сарай. Там вам самое место... – произнесла Жюли Орье.

Вульф увидел ее отца, скрючившегося на койке в больничной палате, и Рональда Гловера, стоявшего бледной тенью перед входной дверью в маленький домик, где его ждала семья и жизнь из давно позабытого сна. Напоследок ему явился другой образ. Он сидел посреди пустой комнаты с рукой, поднесенной к главному яблоку. Инъектор с нейрофином и пистолет в руке судорожно менялись, словно подвисящая анимация на экране голографического проектора.

– Как они могли так поступить с нами? Мы должны были подготовиться к эпидемии, но вместо этого, как дрессиро-

ванные собачонки, танцевали на задних лапах за угощение с хозяйского стола, – прошептал Стейнбек полупустому стакану в баре.

На маслянистой поверхности выпивки танцевала свадебный танец его юная дочь. Рядом с ним сидел монстр, но монстры по другую сторону баррикад были еще ужаснее.

– Папка вечно играет в надмозговые игры, а мы всего лишь фигурки на игральном столе, – напомнила Банни Чок, проснувшись посреди центральной камеры сенсорной депривации.

Широко раскрытые глаза смотрели прямо в душу. Она беззвучно закричала, пуская изо рта пузыри в геле Роуча, и задергалась посреди воздухоносных трубок и бесчисленных проводов мухой, залипшей в паутине.

Наконец тень обратилась фигурой Джона Пейтона. Он стоял на ослепительно-ярком фоне замка, пылавшего над горизонтом.

Директор произнес:

– Семена ветра выросли неистовой бурей во славу худших из господ, и, дабы справиться с бурей, мы выкуем собственный меч из шипов и терний, на который будут нанизаны наши души.

Глава 17. Фуга

Вульф вынырнул из сна в горячечном поту. Часто и тяжело дыша, он лихорадочно огляделся по сторонам. Алекс находился в больничной палате психоневрологического стационара, разместившегося на пятом этаже Конторы. Его держала за руку сидевшая рядом Орье, слегка прикорнув и свесив голову на грудь. Через открытую дверь палаты был виден тускло освещенный коридор, где на кушетке примостился Гловер, подложив под голову свернутый пиджак. В темном углу стоял, прислонившись спиной к стене, Беккер и пристально наблюдал за Алексом.

Вульф вздрогнул:

– Вы были там.

На лице Беккера прорезалась тень вежливой улыбки:

– Не понимаю, о чем вы, мистер серый волк. Ваше сознание в состоянии постгипнотической фуги. Сейчас вы проходите курс реабилитации. Ваши сны и явь, сознательное и бессознательное, реальность и вымысел стянуты в тугой клубок. Не пытайтесь размотать его в одночасье – сильнее запутаетесь.

– Довольно лжи! Ты с самого начала знал, кто я такой, так для чего было нужно траление разума?

От доброжелательности не осталось и следа. Холодный, пронизательный и сосредоточенный взгляд хищника впился

в него как в выбранную на убой жертву:

– Бомбы в современном мире выглядят как люди, а безумие передается вместе с вирусом, но не беспокойтесь. Я выяснил, что было необходимо по долгу службы. Вы больше не несете в себе угрозы и не имеете скрытых мотивов. Просто изломанный человек, пытающийся найти свой путь. Хочу быть честным: хорошо, что вы все вспомнили. То, как он поступил с нами.

– Кто поступил?

– Человек в замке.

– Пейтон.

– Да. Он воспользовался вашими якорными паттернами, чтобы взломать сознание Банни Чок.

– Он создал выдающуюся сновидицу. Хочет сделать модули «Морфея» более эффективными.

– Так он утверждает, но на самом деле Пейтон занят тем, чего я не могу допустить ни при каких обстоятельствах.

Орье, разбуженная их голосами, сонно уставилась на Беккера:

– Что такое?

Беккер нацепил заботливую мину:

– Мистер Вульф пробудился, но он еще немного не в себе. Думаю, порция седативных препаратов подарит ему здоровый сон до самого утра, а завтра он будет в полном порядке.

– В порядке? – прошипел Алекс. – Беккер копался в моем сознании!

– Не будь ребенком! – Орье бесцеремонно хлопнула его по щеке. – Если бы не Беккер с Гловером, ты бы окончательно слетел с катушек.

– О чем ты говоришь?

– Алекс, ты исчез посреди вечеринки. Гловер кое-как отыскал тебя. Ты полностью утратил объективное чувство реальности. Он препроводил тебя в Контору, загрузил сознание в «Гипнос» и вызвал Беккера. Сет – наш главный специалист по реабилитации психонавтов, страдающих от постгипнотической фуги. Глубокое траление разума – самая действенная на данный момент терапевтическая методика.

– Стейнбек говорил, что я последний, кто может потерять контроль над собой.

– В течение сеанса КОС, да. Сказываются глубокие подсознательные защитные механизмы.

– Якорные паттерны, – напомнил Беккер. – То, благодаря чему вы здесь.

– Якорь... – прошептал Вульф. – Агрегация... – он попытался было подняться, но мышцы отказались повиноваться.

– Тише-тише! – проворковала Орье, быстро вколов ему карпулу с седативным препаратом. – Утро вечера мудренее.

– Мы внедрили в «Гипнос» неподготовленный разум. Чего еще следовало ожидать? – согласился Беккер. – Пусть немного поспит. Скоро он оправится.

Вульф провалился в беспамятство, из которого он ненадолго вынырнул посреди глубокой ночи. В палате никого не

было, но в дверях застыл темный силуэт директора Конторы.

– Отдыхайте, Алекс. Набирайтесь сил. Скоро вы мне снова понадобится.

Вульф с трудом выдавил из себя, едва шевеля пересохшими губами:

– Почему я?

– Всегда приятно использовать старые наработки.

Вульф попытался поднять руку, чтобы отогнать назойливый морок, но мир снова погас.

Он проснулся от яркого солнечного света, падавшего на лицо через приоткрытые жалюзи. Уютная палата, раскрашенная утренними красками, рассеивала тягостные воспоминания о прошедшей тяжелой ночи.

– Проснись и пой, приятель! – приветствовал его Гловер. – Пить ты явно не умеешь, а я так надеялся на достойное противостояние. Хотя может всему виной проклятая fuga? Надо будет потом повторить.

Вульф подозрительно уставился на него, но решил попридержать коней. Он пока не чувствовал твердой земли объективной реальности под ступнями сознания, а потому и рвущиеся наружу вопросы казались безумными и бессмысленными.

– Есть охота! – проворчал он.

– Еще бы! Три недели ни маковой росинки во рту – одни внутривенные вливания.

– Три недели? Казалось, что ночь никогда не закончится.

Это был долгий сон.

– Ага. Главный вопрос – проснулся ли ты на самом деле? Алекс недоуменно уставился на него.

– Шучу-шучу, – хохотнул Гловер. – Ты проснулся.

– Шутник чертов...

– Видел бы ты свою рожу... – Гловер хлопнул в ладоши, прекратив ломать комедию, и стал серьезен. – Так! Ты давно не ел. У любого желудок в кулак сожмется. Одевайся и пойдем перехватим чего-нибудь из буфета. Время завтрака почти прошло, но если поторопимся, то успеем урвать пару сэндвичей с кофе.

Вульф накинул больничный халат поверх пижамы и неторопливо направился вслед за Гловером, вальяжно перебросившим пиджак через плечо. Коридор стационара Конторы с рядами палат по обе стороны вывел их в просторную залу для досуга пациентов. Изможденные тусклые люди наполняли обширное пространство, занятые бесхитростным времяпрепровождением за неспешными беседами, настольными играми и чтением книг. Никаких гаджетов и никакой инфосети. Несмотря на болезненный вид, пациенты Конторы не навевали беспросветную тоску. Напротив, скорее напоминали бездомных животных, которых только что забрали с улицы, обогрели, накормили, отмыли и обработали раны. Первые искры исцеления и веры в новый день сияли в глубине их запавших глаз. Есть тонкая грань между тяжело больным пациентом и тем, кто едва переступил порог выздоров-

ления и пошел на поправку. Алекс знал это, как никто другой. Проведя бесчисленное количество смен в реабилитационных центрах и вечеров в группах поддержки, он чувствовал этот переход с одного взгляда, хотя на его памяти большинство переступало черту совсем в другом направлении, спускаясь в беспросветный мрак. Он сам был там. Балансировал на краю пропасти, но все же удержался от шага в небытие. Каждый раз в самый беспросветный час в его голове рождались светлые и полные тепла образы и воспоминания, удерживавшие его в объективной реальности. Еще был страх – монстр утраченной личности. Идол несправедливости, заставлявший сражаться и искать выход. Якорные паттерны – вот, что склеивало воедино разрозненные сегрегаты гомункула, сшитого грубыми матрасными стежками. Это был защитный механизм, не только ограждавший собранного психологического голема от полного распада, но в дальнейшем стимулировавший образование естественных нейронных связей и коллатералей. Он строил из него полноценную личность. Одного не знал Алекс наверняка: благодарить ему Пейтона или ненавидеть.

– Спасибо вам! – прошептала проходившая мимо пациентка, тронув Вульфа за руку.

Алекс смутился, едва кивнув в ответ. Оглядевшись, он понял, что многие пациенты, оторвавшись от своих занятий, благодарно смотрят на них и улыбаются. Вульф, смешавшись, опустил глаза к полу.

Гловер расхохотался:

– Скромняга наш! – хлопок по плечу едва не сбил Алекса с ног. Ему и правда требовалось поднабраться сил после трех недель в стационаре. – Государственная служба психологического мониторинга на страже вашего душевного здоровья.

Когда они миновали залу для досуга, Вульф спросил вполголоса:

– Кто эти люди?

– Пациенты с генерализованным депрессивным расстройством личности, которые первыми согласились на тестирование нового лечебного модуля в качестве добровольцев. Как видишь, мы добились определенных результатов. На днях он станет доступным для всех официальных пользователей «Морфея».

Пройдя мимо входа в педиатрическое отделение, Вульф задержался ненадолго у прозрачных стеклянных створок. Он увидел Орье, игравшую на полу с детьми, проходившими курс реабилитации в стационаре Конторы. Малыши облепили ее со всех сторон, будто новорожденные щенята. Их руки и лица были вымазаны флюоресцентной краской. Они рисовали заковыристыми узорами стены и пол отделения, а также лица друг дружке. Закончив наводить красоту, Орье перевела лампы дневного освещения в спектральный диапазон ультрафиолетового излучения. Посреди призрачной полутьмы девушка с детишками устроила целое представление. Они баловались и смеялись до упаду. Глядя на Орье,

Алекс испытал когнитивный диссонанс.

– Она изменилась, – проговорил он.

– Жюли? – переспросил Гловер, проследив за взглядом Вульфа. – Ты просто плохо ее знаешь. Она похожа на засохшее пирожное: черствое снаружи, мягкое внутри. Орье всегда носилась с Банни как наседка. Теперь, когда ее отодвинули в сторону, а за малышку плотно взялся Стейнбек, стремясь нормализовать ее психологический статус, Жюли пытается компенсировать утрату. Однако в твоих словах есть доля правды. Последний сеанс КОС пошел ей на пользу. Несмотря на переживания за судьбу Банни, в ее поведении появились признаки давно утраченного душевного покоя.

– Хорошо, если так, – сказал Вульф, но добавил: – Хотя все это довольно печально выглядит со стороны.

– Что именно? – уточнил Гловер.

– В любой женщине заложен архетип матери. Пусть социально-гендерные парадигмы и поменялись, но потребности все равно дадут о себе знать, как от них не прячься за активным образом жизни и сказками про самореализацию.

– Женщины, скрывающиеся от своей природы, – это ба-янь! – хмыкнул Гловер. – Мужчины ничем не лучше. Сколько парней передергивает затвор на голографических мультяшек, вместо того чтобы принять тяжкое бремя ролевой модели ответственного мужа и отца?

– Согласен. Та же песня. Мы хотим почувствовать себя настоящими самцами, но звериной маскулинности и тесто-

стерона в крови во многих из нас осталось разве что на большеглазые фантазии с выдающейся антропометрией с просторов инфосети или предоплаченную виртуальную проститутку. Наше сознание все больше отдаляется от доспеха, от этого мешка из кожи, мяса и костей, приводимого в движение природным электричеством, получаемым путем окислительно-восстановительных реакций, постепенно сжигающих его ресурс. Оно хочет вырваться из личинки, обратиться в имаго, но это не значит, что физический носитель сознания, аватар, не даст ему за это сдачи. Организм – это система. Сознание – это энтропия. Из этого противоречия и вырос век душевных болезней, а там, где есть проблема, появляются рычаги контроля и управления обществом. Болевая точка, которой грех не воспользоваться.

– Или, усугубив проблему, обладая при этом механизмами ее решения, завладеть надеждами и чаяниями простых обывателей.

– Верно. Чем глубже надрыв, тем сильнее катарсис.

Желудок Алекса недовольно заурчал, призывая обратить на себя внимание.

– Пойдем! – сказал Гловер. – Мыслишки интересные, да только одними речами сыт не будешь. Оставим Орье в покое. У нее свой дзен.

Спустившись в кафетерий, они застали там припозднившихся сотрудников, в спешке доедавших завтрак. Нацедив пару чашек кофе и собрав пару аппетитных сэндвичей, пси-

хонавты уселись за свободный столик.

На висевшей посреди стены инфопанели шел свежий выпуск новостей, где журналисты рассказывали про предстоящие предвыборные дебаты. Политические обозреватели смаковали подробности грядущего противостояния ведущих партий: Джошуа Паттерсона и Билла Рогена. Большинство из них сходилось во мнении, что, если рискованная и дорогостоящая инициатива Паттерсона по учреждению государственной службы психологического мониторинга принесет в ближайшее время свои плоды, судьба предвыборной гонки станет совершенно непредсказуемой. Победа над эпидемией душевных болезней против истовой веры в лучший мир, дарованный церковью «Единения», чьим официальным последователем являлся Роген. Борьба намечалась нешуточная.

Прожевав очередной кусок, Вульф спросил:

– То, что я видел во сне, – правда?

Гловер отодвинул стакан с кофе, но смотрел он только на его тягучую и маслянистую поверхность:

– Здесь требуется аккуратность в выводах, дружище Алекс. Восприятие твоего сознания искажено из-за постгипнотической фуги. Ты бродишь по лабиринту кривых зеркал. Ты видишь свои многочисленные отражения и отражения людей, что ходят рядом. Эти отражения смазаны, но при этом ты не перестаешь быть собой, как и люди вокруг тебя, – Артур взглянул ему прямо в глаза. – В этих стенах проис-

ходит что-то странное. Нечто крайне важное для будущего общества и его безопасности. Все это требует пристально-го внимания правоохранительных органов. Мне нужен союзник... – договорить он не успел.

Под потолком загорелись сигнальные лампы на случай чрезвычайных ситуаций, и сработала система экстренного оповещения. Секундой позже в кафетерий ворвалась запыхавшаяся Орье. Она едва успела отмыться от красок.

– Директор собирает психонавтов в конференц-зале лаборатории «Гипноса». Какие-то новости по поводу Банни. Назначен внеочередной сеанс КОС.

Не медля ни секунды, они бросились к лифту, оставив недоеденный завтрак на столе. Спустившись в лабораторию «Гипноса», психонавты проследовали в конференц-зал, где собралось уже порядочное количество сотрудников Конторы. Аудитория было ярко освещена, не оставляя место теням. Все тревожно переговаривались, пытаясь понять, что происходит.

Пейтон влетел на трибуну. За ним едва поспевал Стейнбек. Беккер остался стоять в дверях, прислонившись плечом к косяку и поглядывая на возбужденных психонавтов.

Директор оборвал все разговоры одним скупым движением руки:

– Несмотря на многочисленные успехи последних недель, сегодня у меня не самые радужные новости. Мне нужна ваша поддержка, и я прошу вас о помощи. По моей вине мисс

Банни Чок, наша выдающаяся сновидица, благодаря которой был запрограммирован новый модуль «Морфея» для терапии депрессивного расстройства личности, впала в состояние гибернации. Нам не удалось ее разбудить, несмотря на все старания мистера Стейнбека. Мы должны вернуть ее сознание в явь. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы исправить ситуацию. Необходимо экстренное погружение в хост. Ее эго заперто в кошмаре бессознательного, а КОС будет низвергнут в состояние тени. Риск для разумов психонавтов огромный. По завершении сеанса КОС мы можем проснуться не теми людьми, кем были до погружения, а можем и вообще не проснуться. Поэтому я не считаю себя вправе принуждать вас идти на подобный риск. Требуется добровольцы. Моя кандидатура не обсуждается, как и кандидатура мистера Беккера по всем понятным причинам. Кто согласится помочь нам?

– Черт вас дерит, Пейтон! – взорвалась Орье посреди опустившейся на конференц-зал тишины. – Только попробуйте не допустить меня к сеансу! Мы сделаем это! Вытащим Банни в реальность, иначе клянусь, я выбью из вас все дермо по пробуждении!

– Как скажете, Жюли. Вы идете. Кто еще?

– Придется нырять с вами, – пробубнил Гловер. – Лень заново подстраиваться под других сновидцев. Не хотелось бы особо перенапрягаться за те же деньги.

– Спасибо, Артур.

Стейнбек тронул директора за плечо:

– Раз я не справился консервативными методами, то пришла пора перейти к экстренным манипуляциям с сознанием. Не люблю бросать пациентов посреди лечения, а полные провалы мне в резюме ни к чему.

Пейтон кивнул и посмотрел на Вульфа:

– Я понимаю, Алекс, что вы и так пострадали в ходе последнего сеанса КОС и еще не закончили процесс восстановления, но без якоря нам никак не обойтись.

Вульф согласился еще до того, как Пейтон спросил, и директор знал это.

Глава 18. Тень

Вульф погрузился в купель. Ямагути захлопнул крышку, и капсула медленно заполнилась гелем Роуча. На самой границе между явью и дремой Алекса настигло видение.

Он скрывался среди теней. Вульф скользил между ними как размазанная черная клякса. Безликий в сонме безликих. Серую дымку окутанного темнотой пространства прорезала ослепительно-яркая трещина. Алекс ринулся к ней, расталкивая все прочие фигуры, и провалился в бескрайнюю белую бесконечность, покинув зрительный зал и ворвавшись на сцену сквозь сомкнутый занавес.

Перед глазами все расплывалось. Со лба капала кровь, растекаясь багровой лужей на стерильной полимерной пленке. Из рта вырывались плотные облачка пара. В техническом помещении ангара, утопавшего в призрачном свете обеззараживающих воздух мощных ультрафиолетовых ламп, было невероятно холодно. Мороз продирал до костей, лишив конечности какой бы то ни было чувствительности. Вульф попытался пошевелиться, но тело его не слушалось. Он повернул голову и увидел перед собой бледное лицо Анны Галандер.

Девушка посмотрела на него и улыбнулась, через силу заставив мимическую мускулатуру повиноваться собственной воле:

– Мы всегда будем вместе.

Сердце Вульфа пронзила тоска. Видеть Анну так близко было невероятно больно. Он попытался коснуться ее, но к лицу девушки взметнулись чужие ладони. Алекс недоуменно разглядывал их несколько секунд, а потом закричал.

Вульф вздрогнул и очнулся от страшного сна в герметичной комнате. Окон не было, а незаметная входная дверь сливалась со стенами, покрытыми зеркальными панелями, расширявшими визуальное пространство и множившими отражения. Дешевая неоновая подсветка и застарелая табачная вонь наводили на мысли о типичных низкопробных заведениях для удовлетворения банальных мужских потребностей. Он сидел на потертом диване с ободранной обивкой из искусственной кожи. Вся в пятнах и потеках покрытая оспинами сигаретных ожогов поверхность вызывала стойкое отвращение вкупе с желанием поскорей встать и убраться подальше. Вульф начал было подниматься, но полуголая девица бесцеремонно толкнула его обратно в мягкие и сальные объятия просиженных поролоновых подушек.

Как он здесь очутился? Кто привел его сюда? Гловер половину вечера декомпрессии талдычил ему про какой-то стриптиз-клуб. После они покинули «Барокамеру». Неужели тот вечер до сих пор продолжается? Или это все причуды его истерзанного сознания под влиянием постгипнотической фуги?

– Этот сон слаще любой яви, – проворковала девица, за-

лезая к нему на колени. – Я хочу, чтобы он никогда не заканчивался.

«Всего лишь очередной сон!» – мысленно согласился Вульф и сконцентрировался на событиях из яви. Декомпрессия, fuga, траление разума, стационар, завтрак, экстренный брифинг. Он окружен бескрайней белой пустотой и парит в невесомости. Вульф подключен к хосту Банни Чок в «Гипносе». Вместе с остальными психонавтами-добровольцами они пытаются спасти ее сознание, запертое в кошмаре бессознательного. Так сказал Пейтон.

– Нет! – звонкая пощечина вернула Алекса в приватную комнату. – Тебе так просто не сбежать от меня, парень.

Она взяла его ладони в свои руки и положила на небольшую упругую грудь, прикрытую влажным от жары и пота топом в лучших традициях пубертатных полуночных грез, что мучают обуреваемые гормональной бурей незрелые умы истомой внизу живота, пока не наступит долгожданная разрядка. От легких опасливых касаний пальцев ее соски заметно отвердели под тонкой тканью. Бедра нетерпеливо елозили по паху, ожидая ответной реакции. Лицо девушки было скрыто голографической маской в соответствии с федеральными правилами предоставления интимных услуг на территории СГА.

Руки Вульфа плавно поползли по груди наверх к шее и лицу. Куда интереснее воображаемых ласк для него была информация, кто скрывается под чертовой маской. Резким

движением он сорвал ее. Под ней пряталась Жюли Орье.

– Не любите флер загадочной таинственности, мистер Вульф? – саркастично осведомилась она.

– Скорее не люблю сюрпризы.

– Алекс, как и все мужчины, ты слишком прямолинеен и не понимаешь банальных вещей. Страсть горит особенно ярко в полумраке непознаваемого. Она читается между строк написанных в сердце строф, что никогда не будут зачитаны вслух. Таится на кончиках пальцев. Скрывается за стыдливými неловкими взглядами, брошенными как бы невзначай и мимоходом. Прячется в череде глупых необязательных просьб. Вы же, мужчины, в свою очередь, предпочитаете яркий искусственный свет прожекторской, где женщина будто труп, распотрошенный после вскрытия. Все понятно, и все на своих местах. Взвешено, измерено, описано.

– Что с тобой такое? Завязывай с лирикой. У нас полно работы.

– Работа-забота. Бла-бла-бла! Да побудь ты мужиком хоть раз. Давай пошалим!

– Ты явно не в себе. Немедленно прекрати этот балаган! – Вульф попытался встать, спихнув ее с колен, но она с неистовой силой вдавила его в диван.

– Ну уж нет! Сегодня ты отговорками не отделаешься!

Ее руки превратились в лапы богомола. Орье зашипела, клацая хищными жвалами, и занесла одно из хитиновых лезвий для удара. Вульф извернулся, вырвав из-под девушки

ногу, и с силой оттолкнул ее, впечатав в противоположную стену приватной комнаты. Она влетела спиной в одну из зеркальных панелей. Стекло треснуло и осыпалось на пол, открыв потайной закуток для пассивных любителей понаблюдать. Внутри скрывался Гловер в приспущенных штанах. Заметив его, девушка оскалилась и влепила ему лапой промеж ног. Он едва успел отскочить. Острый хитин разорвал брюки, даровав Артуру утраченную подвижность. Он наступил на застрявшую в полу лапу и подпрыгнул, перескочив через девушку. Схватив ошалевшего Вульфа, Гловер рванулся к незаметному для Алекса выходу из приватной комнаты. Вдвоем они вывалились в коридор, чудом успев захлопнуть дверь перед мордой девушки-богомолы.

– Фух! – выдохнул Гловер. – Вот так начало. Коллективный сон будто с поводка спустили.

– Почему ты сразу не вытащил меня? – спросил Вульф, многозначительно глянув на то, что осталось от штанов Артура.

Гловер с шутливым поклоном восстановил целостность собственной одежды:

– Так лучше?

– Приемлемо.

– Что до первого твоего вопроса, я потерял контроль. Приношу глубочайшие извинения. Проникновение в раковину вашего сознательного – это отличный шанс узнать коллег получше. Ну и потом... Зрелище-то было небезынтерес-

ное, – он хохотнул, потрепав Вульфа за щеку. – Кто-то боится серьезных отношений.

– Я пытаюсь собрать в кучу собственную личность, расколотую на куски. Приходится переживать все стадии становления заново.

– Видишь, как помогла в твоих изысканиях напряженная ночь декомпрессии.

– Спасибо, блин! Я чуть не рехнулся, пытаюсь разобраться в хитросплетениях снов, воспоминаний и яви.

– Дружище, это тебе не сеанс КОС в мягких объятиях подготовленного и нежного хоста. Сознание взрослого похоже на семь кругов ада и райские кущи, сплавленные воедино.

– Ладно. Проехали. Здесь-то что не так. КОС изменился.

– Ха! Уже заметил? Коллективным осознанным сновидением завладели архетипы тени. Это Банни Чок поглощено водоворотом бессознательного кошмара, в который мы собственноручно низвергли его, подавив проявление тульпы злобного братца Эгга, служившего для девочки психологическим щитом. Оно затеряно на бескрайних просторах ее страхов и тучных полях психологических травм, которые ежесекундно пополняются фобиями психонавтов и их внутренними демонами.

– И как мы вытащим ее из этого кошмара?

– Для начала соберем нашу группу.

– А дальше?

– Разберемся по ходу пьесы. Подобных задач нам раньше

никто не ставил. Будем импровизировать.

Они направились по коридору в сторону указателя «выход». Его стены, пол и потолок были обклеены фотографиями из личных дел сотрудников арктической госпитальной базы. Целая галерея серьезных короткостриженных молодых лиц – выставка обманутой юности, которой подтерлись финансовые паразиты, именующие себя правителями. Искристо-белый свежесвыпавший снег, безбожно обгаженный собаками нерадивых хозяев. Каждый лик, будто икона, впечатывался в память и сопровождался второй фотографией из свидетельства о смерти. Алекс старался смотреть строго перед собой, даже Гловеру стало немного не по себе от коридора мертвецов. Многоликий левиафан, сотворенный и низложенный Пейтоном, сгинул, но то, что его породило, никуда не делось. Отныне Алексу придется обходиться без буфера терапевтических сказок о монстрах и призраках и жить бок о бок с истинными страхами бытия в будничной, но не менее разрушительной форме.

В конце коридора, сидя на корточках, играли двое рыжих детей. Они что-то тщательно рисовали на полу. Гловер окликнул их, но при приближении психонавтов они со смехом порскнули прочь, пропав без следа. Фигура взрослого мужчины трафаретом была выведена под ногами. Он напоминал монету о двух сторонах. Гловер сморщился и ботинком размазал ее по полу.

Пройдя чуть дальше, они вышли в просторный вестибюль.

За стойкой рецепции их поджидали двое администраторов: мужчина и женщина. Оба были масками Сета Беккера.

Не успели психонавты и рта раскрыть, как мужчина отбрил их:

– Свободных мест нет. Все приватные комнаты заняты.

– Мы здесь по делу, – не стушевался Гловер. – Ищем своих коллег.

– Данные о посетителях клуба «Истома» являются конфиденциальными, – остался непреерекаем администратор. – Ничем не можем помочь.

– Да брось ты! – вмешалась женщина, игриво подтолкнув плечом своего близнеца. – Возможно, это вопрос жизни и смерти или, скажем, тайная страсть? – она хитро подмигнула Вульффу.

– Так как же нам быть? – спросил Алекс.

Близнецы переглянулись. Женщина хихикнула, а мужчина раздосадованно закатил глаза.

– Правда откроет вам путь. По одному ответу на наши вопросы, – сказала женщина.

– И тогда комиссар окажет вам полное содействие в рамках сеанса КОС, – подтвердил мужчина.

– А если откажемся? – уточнил Гловер.

Близнецы достали из-под стойки рецепции пистолеты и наставили их на психонавтов.

– Выбор, скажем прямо, так себе.

– Сперва ты, красавчик, – обратилась женщина к Вуль-

фу. – Что ты чувствуешь по отношению к Жюли Орье?

– Какое это сейчас имеет значение?

– Мне необходимо понять, что тобой движет? Можно ли тебе доверять? При прошлом погружении ты бросился ей на выручку. Пошел против Пейтона. Отчего?

Вульф ненадолго задумался, пытаясь сформулировать свои мысли:

– Я хочу помочь ей в попытках обрести покой. Не только ей. Всем нам. Помогая другим, ты заново постигаешь себя.

– Что за эгоистичная самонадеянность? – фыркнула женщина. – Ты, волчонок, будучи обрубок от полноценной личности, вознамерился кого-то спасти от себя? Жюли – большая девочка, и помощь ей совершенно ни к чему, – она покачала головой. – Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Собаку-поводыря для слепого. В тебе много преданности и любви, но совершенно нет мозгов. Одни заученные команды. Ты послушный исполнитель и, надо признать, весьма полезный и смысленый. Тебе нужна твердая рука, держащая поводок. Не ошибись с хозяином.

– Твоя очередь, – буркнул мужчина, уставившись на Гловера. – Прочирикай правду, птаха, ложь ты не тревожь. Расскажи мне, соловей, для кого поешь?

Гловер скривился, но все же ответил:

– Бюро общественной безопасности.

– Патриот под прикрытием? Так и знал, что в Конторе завелась крыса. Бюро, значит? Общественные шавки.

– Но ты же сам когда-то мечтал там работать? – удивился Вульф.

– Глупое желание мальчишки, одержимого справедливостью.

– Отчего глупое?

– Да потому что в мире нет никакой справедливости. Мы просто мухи, копошащиеся в навозной куче, и побеждает та, что лучше прочих разбирается в сортах и оттенках перво-классного дерьма.

Быстрыми шагами к ним направлялся Сет Беккер собственной персоной. Зрелище было странное. Строгий костюм без единого знака различия сидел на нем как влитой. Лицо прикрывала монолитная зеркальная маска, лишенная запоминающихся черт.

– Все мы жертвы минувшей безмолвной войны, – проговорил он. – Войны, о которой никто не знает и никогда не вспомнит. У нас разные мотивы, но цель одна – разобраться в происходящем. Правда такова, что Джон Пейтон создаст психическое оружие. Он обманул вас. Ему плевать на сознание Банни Чок. Его задача – извлечь семя кошмара из ее хоста. Он задумал это очень давно, но ему не хватало инструментов, чтобы завершить начатое. Теперь все карты у него на руках. Его репутация чиста, как снег, после создания лечебного модуля для терапии депрессивного расстройства личности. Он заручился поддержкой сенатора Паттерсона. А теперь с вашей помощью Пейтон уничтожил последние за-

щитные барьеры сознания девочки, чтобы та увидела свой главный сон.

– Что предлагаешь, комиссар? – спросил Гловер.

– Помешаем ему.

– Здесь?

– В реальности у нас не будет и шанса. Ему подчинена вся Контора: служба безопасности и преданные сотрудники. Нам не дадут и шагу ступить. Решим вопрос прямо сейчас.

– Не понимаю, – пробормотал Вульф. – Зачем ему нужно психическое оружие?

– Сами спросите. Я не задаюсь подобными вопросами, а оперирую фактами. Моя задача – приглядывать за Пейтоном. Для этого я был приставлен к нему разведывательным управлением. Я не могу допустить создания несанкционированного вооружения.

– Ну конечно, – хмыкнул Гловер. – Только РУ в этой стране имеет право творить зло.

Беккер не ответил на колкое замечание.

– Мне казалось, что ты заодно с Пейтоном, – сказал Алекс.

– Пока это не противоречит интересам государства, – парировал Беккер. – Я всего лишь комиссар и составляю отчеты для правительства. Мне же, в свою очередь, казалось, что ты двойной агент, засланный проигравшим противником, разносчик вирусной деменции, возвращенный бумерангом создателям, но волк в овечьей шкурке, на наше счастье, оказался бомбой с отсыревшим запалом. Твой ресурс выра-

ботан. Анализ крови показал наличие антител к нейровирусу. Иммуитет в конечном итоге справился с инвазией, так что все мы склонны ошибаться.

– Вирусная деменция?

– Думаете, генерализованное депрессивное расстройство личности из воздуха взялось? – ответил вопросом на вопрос Беккер.

– «Скуп-фармтек», – сказал Гловер.

– Арктика, – продолжил Вульф.

– И церковь «Единения», – подытожил Беккер. – Семена бури.

– В церкви поработал Торн. Тот солдат.

– Да. Он самый. Подопытный проекта «Протей». Как и я. Он вонзил в сердце фанатиков осколок минувшей войны.

– Как такое возможно?

– Все возможно, если этому позволяют случиться. Ничто не происходит случайно. Синтетический нейровирус «Раав» обладает двумя эффектами. Во-первых, уничтожает живую силу противника, деморализуя войска или гражданское население, исходя из тактической боевой задачи. Во-вторых, создает бессимптомных носителей, увеличивающих зону поражения. Чтобы сделать живые бомбы из нулевых пациентов эффективнее на фоне дегенеративных изменений в мозге, психоневрологи придумали лепить големов с гомункулом личности, стабилизированными якорными паттернами поведения. Так было создано биологическое оружие нового об-

разца. Дешевое, неотслеживаемое и крайне опасное. Эпидемия душевных болезней. Одна проблема – эпидемии невозможно контролировать. Они не жалеют ни своих, ни чужих. Не знают пощады. Потребовалось средство сдерживания.

– ГСПМ.

– Верно. Семена бури взросли неистовым штормом геополитических игр, и мы оказались в его эпицентре. Множество сил и фигур сошлось в борьбе за власть и претворение в жизнь своего видения будущего. Мы всего лишь пешки на шахматной доске. Наша цель – минимизировать ущерб от битвы колоссов.

– Что прикажешь делать?

– Необходимо собрать отряд и поговорить с Пейтоном. Надеюсь, мы сможем убедить его отказаться от опасной затеи и спасем девочку.

– Веди.

Близнецы проводили их скучающим взглядом, оставшись за стойкой рецепции играть в крестики-нолики. Никто никогда не выигрывал.

Психонавты направились вслед за Беккером. Он вел их по техническим коридорам клуба «Истома», открывая служебные двери многочисленными ключами. Миновав бесконечные безликие лабиринты, они вышли к длинному атриуму с лестницей на второй этаж. Психонавты ступали по пышным коврам, свалянным из человеческих волос, и плитке, собранной из сорванных с пальцев ногтей. Лестница представля-

ла собой обнаженные тела молодых мужчин и женщин, переплетенных в неутомимой оргии, что возносила их все выше и выше к ванильному закатному небу, заполонившему стеклянный потолок. Вульф ступал осторожно, а Гловер бесстыдно пялился по сторонам, раскрыв рот. Беккер не обращал на неустанное томное шевеление под ногами ни малейшего внимания.

Второй этаж отличался от атриума. Он был оформлен в стиле классицизма. Один холодный мрамор и бесконечные коленопреклоненные скульптуры по бокам от дорожки, выстланной стеблями роз с оборванными лепестками и листьями. Шипы невыносимо кололи даже через крепкую подошву ботинок. Каждый шаг психонавтов оставлял кровавый след на пути, приведшем их к римскому храму с порталом в виде раскрывшегося от страсти женского лона, снедаемого полуночными фавнами.

Нутро храма было заполнено вязким отчаяньем. Гловер достал из кармана брюк зажигалку и с седьмой попытки возжег пламя.

– Давно хотел спросить, откуда она у тебя?

– Отец подарил. Еще до чехарды с аварией на фабрике. В городе часто отключали электричество, и, чтобы маленькому мальчику не было страшно ходить в туалет по ночам, он отдал ее мне. В реальности она давно сломалась.

Неровный, бьющийся в конвульсиях свет отбрасывал рваные блики на сланцевую поверхность грубого необработан-

ного мрамора. Они вошли внутрь храма, скрывавшего просторную галерею. Выставка была названа претенциозно – «Путь шрамов». По бокам располагались скульптурные композиции, изображавшие юных дев, мучимых на дыбах долга, «аистах» сомнений, «испанских ослах» страхов и «нюрнбергских девах» неудовлетворенных страстей юности. Антураж напоминал застенки святой католической инквизиции, по странной причуде сознания затерявшиеся в циклопическом античном храме, с истовыми палачами в виде козлоногих демонов с выдающимся естеством.

Удушливая и пугающая анфилада, наполненная сокрытыми терзаниями души и скорбными стонами, привела их к огромной статуе Юпитера, отдаленно напоминавшего молодого Сержа Орье, увиденного Вульфом во время сеанса КОС. У ее подножия непорочная весталка разжигала священный огонь на алтаре. То была Жюли, укутанная в белую тунику с повязкой на голове. Путь к ней психонавтам преградил толстый и уродливый ликтор с фасциями из вязовых прутьев с топором посередине. Они были связаны тугим пучком.

– Вытащите эго Орье из этого кошмара, – сказал Вульф психонавтам, выступив навстречу ликтору.

Алекс шел прямо на него, не испытывая ни малейших сомнений. Страх и переживания ушли. Они остались в другой жизни. Того человека больше не существовало, а новый хотел испытать себя. Узнать, на что способен.

Вульф отвлек ликтора, позволив психонавтам, обойдя его по широкой дуге, проскользнуть к Орье. Топор просвистел над головой Алекса, но он только уклонялся от ударов. Ему всего-то нужно было выиграть немного времени. Они кружились в танце под сводами храма. Удар, уворот, шаг в сторону. Пляска была недолгой. Ликтор усилил натиск. Проскользнув под руками, занесенными для удара, Алекс извернулся и ударил ликтора в коленную чашечку. Тот стоически принял удар, а через секунду обрушившийся на голову Вульфа локоть опрокинул его на землю. Ликтор только ухмыльнулся, подняв топор для расправы.

– Нет! – крикнула Орье, бросившись под топорщице.

Фасции замерли в сантиметрах от ее тела, а Гловер меж тем затушил огонь на алтаре. Стало темно. В тишине раздался скрежет зажигалки. Маленький одинокий огонек вспыхнул в темноте. Он светлячком приблизился к Орье и Вульфу. Алекс нащупал руку Жюли и крепко сжал ее в своей ладони.

– Идем дальше, – сказал Гловер.

Вдалеке вспыхнул белый прямоугольник открытой Беккером двери. Он призывно поманил их за собой, словно швейцар в дорогом отеле.

– Комиссар теперь шастает с нами? – спросила Орье, постепенно приходя в себя.

– Беккер сменил ролевою модель. Мы пытаемся остановить Пейтона, – пояснил Гловер.

– Остановить?

– Да. Директора не интересует извлечение в явь сознания Банни. Он создал из разума сновидицы конвейер кошмаров, а кошмары хочет использовать как оружие.

– Что ты несешь?

– Мы не знаем, зачем ему это, но ты же своими глазами видела, что случилось в подсознании Банни при прошлом погружении, – вмешался Вульф.

– Пейтон одержим, – согласилась Орье, – но только когда дело касается результатов исследований. Директор бескомпромиссен, но еще он методичный врач и ученый. Он не идиот. У него есть пределы допустимого.

– Он человек, а любой человек обуреваем внутренними страстями. Кому, как ни тебе, знать это?

– Заткнитесь оба и хоть на секунду включите логику. Я переживаю за Банни, но безоглядно доверять Беккеру никогда бы не стала. Мы даже не знаем, кто он на самом деле такой.

– Есть множество фактов из нашего прошлого, – не унимался Вульф. – Твой отец, похоже, стал жертвой спецслужб...

Орье схватила Вульфа за грудки:

– Ни слова больше о моем отце! – отдышавшись, она продолжила: – Комиссар запудрил вам мозги. Пейтон виновен во многих вещах, и я никогда не прощу ему столь инструментального подхода к персоналу Конторы и сновидцам в особенности, но у всего должно быть разумное объяснение.

– Мы спросим у него сами, а теперь идем, – Вульф подал ей руку, и они вошли в дверь, открытую Беккером.

Комиссар вел отряд психонавтов запутанными лабиринтами, соединявшими сны, ставшие кошмарами. Технические коридоры, коллекторы, подтрибунные помещения, закулисье. Это была его вотчина. Безликая и серая. Нервы, сшивавшие КОС в единое целое.

Их дорога шла по безжизненному дремучему лесу, полному холодных теней и тлена. Когда голые скрюченные деревья неожиданно расступились, они оказались у подножия одинокой горы без единой живой травинки на изломанных склонах, укутанных толстым покрывалом пепла и коркой застывшей магмы. Шипы обсидиановой породы торчали из ее толщи как переломанные кости из плоти. Вершина курилась сернистыми удушливыми дымами. Где-то вдалеке были слышны едва различимые и придушенные вопли и крики. Эхом в ушах звенел дикий предсмертный визг расстающихся с жизнью существ. Ни один человек не мог издавать подобные звуки. Неистовый хор походил на стадо свиней, ведомых на убой.

Дорога привела их ко входу в пещеру. Орье раздала всем факелы, а Гловер зажег их от пламени своей зажигалки. Девушка первой бесстрашно ступила в непроглядную тьму. Психонавты последовали за ней.

Они спускались бесконечно долго. Прогрызенные ужасными тварями в теле горы коридоры вели их все глубже

и глубже. Их стены поросли склизким кровавым лишайником, мерцавшим во тьме багрянцем умершего дня. Его тусклое сияние отбрасывало на лица психонавтов безумные тени. Чем дальше они шли, тем воздух становился гаже. Он наполнился густым тошнотворным духом ржавого железа, паленого мяса и гниющего белка. Тьма вокруг сгустилась, а единственным светом, разгонявшим черноту, остался огонь от факелов. Под ногами стали попадаться первые трупы погибших от ударов меча тварей. То были демоны из преисподней. Их искореженные формы вгоняли в ужас. Рога, бритвенно-острые когти, копыта, чешуя и бесчисленные конечности произрастали из тел обычных людей, и эта антропоморфность пугала больше всего. В их глазах застыли боль, злоба и ненависть. Лиловый ихор заливал грубые ступени, вытесанные в неподатливой горной породе.

Психонавты шли тропой неизвестного воина. Было видно, где он прокладывал путь через оскверненное воинство демонов. Позади себя он оставлял павших товарищей, не особо заботясь об их дальнейшей судьбе. Некоторые еще были живы, и демоны лакомились человеческой плотью под приглушенные стоны, не мешая психонавтам спускаться в толщу кошмара. Они лишь недовольно шипели: «Не трогайте нас, и мы вас не тронем». Блуждая впотьмах, психонавты очутились в огромной пещере, устланной черной плесенью. Озеро раскаленной магмы бурлило в ее недрах.

Закованный в прочные латы рыцарь выдернул меч из ту-

ши последнего чудовища, и демон рухнул к его ногам. Дрожащей рукой паладин вложил клинок в ножны и, шатаясь от усталости, побрел к цели своего похода – воротам в преисподнюю, стоявшим на одиноком острове посреди моря огня. Из врат приходили бесчисленные твари, веками терроризировавшие истощенное войной королевство людей. Доспех рыцаря был изломан и пробит во многих местах, но он не обращал на раны никакого внимания. Подойдя к воротам, обратившимся в зеркало, воин стянул с головы шлем и уронил его на землю. Стейнбек долго рассматривал свое отражение, а потом без сил упал на колени, обхватив голову руками.

Пройдя через пещеру, психонавты миновали тонкий мостик, переброшенный через огненное озеро, и, наконец, нагнали сломленного рыцаря. Вульф заглянул в зеркало и увидел то, что так повергло в шок профессора. Единственным монстром посреди пещеры был сам Блейк Стейнбек. Жирный алчный демон самодовольно восседал по другую сторону зеркала посреди горы трупов из студентов, коллег и собственной семьи. Последней жертвой стала молодая девушка в подвенечном платье. Его родная дочь.

Орье подошла к зеркалу и провела по его гладкой поверхности ладонью. Затем она подобрала с пола большой камень и разбила стекло вдребезги, оборвав страшное видение профессора.

Зеркало оказалось дверьми в иной сон. По другую сторону рамы открывались бескрайние поля заброшенных вино-

градников. Одичавшая лоза переплеталась между собой, создавая непроходимые заросли. Грузные переспевшие гроздья гнили прямо на ветках, источая густой дурманящий сок, пропитавший плодородную почву. Посреди океана лозы высились утес с небольшой крепостью на вершине. Она защищала заброшенный торговый тракт, пролежавший через виноградники. Форт был старым и ветхим. Трещины в стенах и полуразрушенные башни проросли вездесущей лозой. Ржавые воротины, оплетенные цветущей молодой порослью, навевали чувство тоскливой безнадежности и предрешенного поражения сиюминутной тщеты человеческого бытия перед первозданной мощью природы. На стенах крепости неустанно трудился каменщик, пытаясь хоть как-то привести фортецию в надлежащий вид. Он работал сосредоточенно, вдумчиво и неустанно. Не просил ни сочувствия, ни снисхождения, ни понимания к довольно бессмысленному для посторонних глаз труду.

Гловер подал Стейнбеку руку и поднял старого рыцаря на ноги:

– Прежде чем мы отправимся дальше, нам нужно кое-что обсудить, профессор.

Глава 19. Противостояние

Пейтон отложил инструменты и отер пот со лба, глядя, как психонавты взяли его в полукольцо, не оставив пути к отступлению. Позади была высокая крепостная стена, которую он безуспешно латал вот уже столько снов напролет. Стоило ему только прекратить бесплодные попытки, как она стала рассыпаться, подобно песчаному замку, что рушится от волн или ветра.

– Вижу, вы настроены серьезно, – проговорил директор. – Надеюсь лишь на то, что ваше решение в достаточной мере осознано и не рождено одними только понуканиями этого соглядатая, – он кивнул в сторону Беккера.

– Нам нужны ответы, мистер Пейтон, – выступил вперед Вульф.

– В данный момент Банни Чок пребывает в бесконечном кошмаре...

– Кошмаре, на который вы ее обрекли, – оборвала его Орье.

Он вперил в нее уничижительный взгляд:

– Цена этого не самого высокого моего поступка оправдана, но стоят ли ваши вопросы каждой секунды страданий девочки? Не знаю. Если ответы столь важны для вас, что ж... давайте. Я отвечаю.

– Хватит лгать! Вам плевать на Банни! – взорвалась Орье.

– Это неправда, Жюли. Девочка невероятно важна. Ее сознание бесценно.

– Вы действительно создаете психическое оружие? – спросил Гловер.

– Я уже его создал, Артур. Осталось забрать семя кошмара и взрастить из него специальный модуль – пси-оружие.

– Но зачем? – растерялся Вульф от такой обезоруживающей прямоты. – Чего ради?

Пейтон вытер руки тряпкой и устало уселся на один из крупных булыжников, которыми он латал стену:

– Какой простой и одновременно сложный вопрос: зачем? Ответ заложен внутри каждого из нас. Каждый поймет его, исходя из своих собственных убеждений. Мы строим идеальный мир. Можем при жизни достигнуть удобного для проживания рая, полного равных возможностей. Так нам говорят в инфосети, так утверждают политики, так нас воспитывают с пеленок. Смешно, не правда ли? Достаточно обладать минимальными способностями к критическому мышлению, чтобы понять, все это иллюзия, бред и морок. Ресурсов нашей планеты никогда не хватит, чтобы население земли жило долго, счастливо и в достатке. Это дилемма, с которой столкнулось мировое сообщество, но ее давно разрешили за нас. Чтобы обеспечить достойную жизнь миллиону избранных, миллиарды должны жить значительно хуже. Если все равны, кто будет согласен на дерьмовую работу за жалкие гроши с барского стола, рисковать жизнью, обслуживать,

лечить и производить внутренний валовый продукт? Чтобы в десяти цивилизованных странах поддерживался мир, покой и благоденствие, вся остальная планета должна изнывать в нестабильности. Тогда там можно задарма выкачивать полезные ископаемые, разместить дешевые производственные мощности под эгидой транснациональных корпораций, беспрепятственно выращивать тонны наркотиков для сладких грез благоденствующей паствы, ангажировать дешевую рабочую силу – современных культурных рабов – в мире, номинально давно победившем рабство. А потому всегда будут существовать неверные и праведники, свои и чужие, вирусы и лекарства, «Раавы» и «Морфеи». Мир должен быть заперт в клетку из страха и надежды. Он должен подчиняться и быть предсказуемым. Этот цикл будет длиться ровно столько, сколько позволят ископаемые ресурсы и экосистема, и пока мы окончательно не обрекли себя на медленное и болезненное увядание в бесплодных землях, необходимо разорвать его.

– И поэтому вы поставили себя выше интересов государства и сограждан? – спросил Беккер.

– Наши сограждане – стадо овец, а вы их сердобольные пастухи на зарплате у сытых розовощеких фермеров с доброжелательными улыбками, чьи руки по локоть в крови. Вы заботитесь о своем стаде, кормите, пестуете, но все это ради руна, молока и мяса. Забота из выгоды. Доброта на продажу. Обществу больше не нужны овцы. Ему нужны волки.

Правительство и силовые структуры давно дискредитировали себя. Люди сами способны вершить свою судьбу.

– Что вы собираетесь делать с психическим оружием? – спросил Вульф.

– Ровным счетом ничего. Это рычаг давления на наших правителей. После того как «Морфей» заслужит доверие простых обывателей, его используют для общественного контроля. Вместо исцеления им подsunут очередное средство для промывания мозгов. Я должен помешать этому. Людям нужны не сказки, а просвещение. Правительство не поддерживает подобный подход. Пси-оружие станет весомым аргументом в дискуссии.

– Я ни хрена не понял, но позвольте уточнить, – вмешался Гловер. – Вы собираетесь шантажировать правительство? Пригрозите с помощью «Морфея» воспользоваться новым психическим оружием? Используете модуль с кошмарами Банни Чок?

– Вы невероятно проницательны, Артур.

– Тогда при всем моем уважении, директор, вы, мать вашу, просто гребаный террорист!

Орье кивнула:

– Вы стали жертвой собственной работы, как и мой отец. Из маяка превратились в риф. Вы безумны.

– Но никогда не поздно повернуть назад, – закончил Вульф. – Отступите.

– Отступить? – удивился Пейтон. – Я шел к этому всю

жизнь. Мое мировоззрение формировалось долгие годы размышлений, страданий и преодолений, а вы предлагаете мне отступить просто потому, что ваша узкая морально-этическая парадигма не позволяет взглянуть на мир шире? Вы пострадали больше всех прочих. Каждый из вас что-то да потерял, и все же вы не согласны со мной?

– Вы ставите на кон здоровье и жизни миллионов людей. Не стоит путать государства и государей. В геополитических играх под каток всегда пускаются простые граждане. Свои или чужие – не имеет значения. Войны не делают из нас ксенофобов – только политики, а вы, противопоставляя себя им, творите то же зло, что и они.

Наконец подал голос доселе молчавший Стейнбек:

– Ты знаешь мое мнение, Джон. Мы долго обсуждали это, и я согласен с тобой во многих аспектах, но вот методы...

– Вы знали? – растерянно спросила Орье.

Стейнбек кивнул:

– Пейтон мне все рассказал, пока мы пытались прервать гeбepнaцию снoвидицы консервативными методами, а вы были заняты постгипнотической фугой Вульфа.

Профессор достал пистолет. Выстрел прошил сердце Беккера, и тот упал, не успев среагировать на угрозу.

– Во-первых, я ненавижу надзирателей и цепных псов. Во-вторых, я здесь только ради девочки. Я простой врач, и эти идеологические пляски мне совершенно ни к чему. Как разберетесь со своими разногласиями, ищите меня у границы

кошмара. Я буду ждать, – он поднес пистолет к виску. – Да, кстати. Кто бы ни выиграл, не пораньте Вульфа. Без него от меня будет мало прока. Как и от вас самих тоже, – профессор спустил курок.

Пейтон подытожил:

– Итак, коллеги, ваши самые ценные активы вышли из игры.

– Нас трое, а вы один, – заметил Гловер.

– Вы мыслите категориями хулигана из подворотни, Артур. Прошу заметить, что эго-парадокс не дает никому из нас доминантных способностей.

– Мы просто выбросим вас из коллективного сна. Не дадим завладеть оружием. Спасем Банни самостоятельно, – сказал Вульф.

– Просто? Отнюдь! Такой исход я предвидел, а потому подготовился. В моем ловце снов хранятся семена, оставшиеся с предыдущих успешных сессий КОС, – он достал из кармана штанов игральную кость. – Пускай их выберет случай. Предлагаю цивилизованное состязание. Марафон сквозь лабиринт иллюзий, а сновидица станет призом.

– Ну уж нет! – Орье рассыпалась на ворох желтых лент и устремилась к Пейтону.

Он подбросил игральную кость в воздух прежде, чем Жюли перехватила его запястье. Она упала и покатилась по земле, а как только остановилась, мир вокруг стал стягиваться к выжженной одинокой точке на ее ребре. Эта черная

клякса, как коллапсирующая звезда, пожирала пространство и время, чтобы, достигнув критической массы, взорваться миллионом новых миров.

Психонавты гнались за Пейтоном по бурой изнывающей от жары саванне в образе быстроногих поджарых гепардов. Директор, обратившись изящной газелью, удирает от них во всю прыть.

Как ни крути, расклад был не в их пользу. Вся суть заключалась в элементарной дилемме выживания. Сформулировать ее можно было в двух простых предложениях, которые Вульф в далеком детстве почерпнул из одной умной книжки по биологии популяций. «Хищник бежит за едой. Жертва спасается от смерти». Все дело в естественной мотивации. Лишь пара вопросов оставалась открытой: был ли Пейтон жертвой, а психонавты – хищниками?

Гепарды не самые лучшие коллективные охотники на свете. Они скорее мешали друг другу и путались под ногами. Каждый хотел отличиться. Тактике и стратегии здесь места не нашлось. Вся надежда оставалась на врожденную скорость и молниеносные рефлексy. В этом газель им не уступала.

Ветер свистел в ушах, а миофибрилловые струны мышц звенели от переизбытка энергии. Во время дикой гонки тела гепардов проводили в воздухе больше пятидесяти процентов времени. Исходя из семантической патетики, этот бег можно было с легкостью назвать полетом.

Алекс скользил над землей, а его острый взор был устремлен лишь в одну точку. В этом крылась слабость: стоило ему сократить дистанцию для финального прыжка, как перед самым носом газель вильнула в сторону, а он на всем ходу врезался в кочку, поросшую чахлой иссушенной травой. Перевернувшись в воздухе, он восстановил равновесие и вытряхнул землю из ушей. Газель оторвалась, но Гловер с Орье не отставали. Он рванулся за ними.

Азарт и адреналин рвали сердце на части. Бесконечная погоня, казалось, длилась целую вечность. Финты, увороты и обманные маневры успели порядком утомить преследователей. Огонь в конечностях угас, оставив свинцовую тяжесть отравленных молочной кислотой тканей. Когда газель достигла берега речушки, последнего привета давно прошедшего сезона дождей, Пейтон не сомневался. Он на всем ходу влетел в воду и поплыл на противоположный берег, загребая копытцами из последних сил. Гепарды нерешительно застыли на берегу. Природный инстинкт безошибочно подсказывал им, что подобные мутные воды полны чудовищ.

На середине пути газель судорожно дернулась и ушла под воду, оставив на поверхности одни пузыри. Через несколько томительно долгих секунд она вынырнула вместе с крокодилом, крепко вцепившимся в ее ногу. Газель все еще сопротивлялась, но силы были неравные. Брызги летели во все стороны, а вода окрасилась красным. Началось самое страшное. Крокодил бил хвостом и вертелся вокруг своей оси, ударяя

газель головой об воду. Борьба продолжалась недолго. Крокодил вырвал ногу жертвы из сустава, порвал мышцы и шкуру. Высвободившись, газель проплыла еще несколько метров, ведомая адреналиновым шоком, но кровопотеря дала о себе знать, и она пошла на дно. Заглотив оторванный кусок, крокодил торпедой ввинтился в воду вслед за тонущей жертвой. Комиссар вышел на тропу войны.

Переглянувшись, гепарды бросились за ними, чтобы не упустить из виду Пейтона с Беккером. Хищные кошки нырнули, что было против их природных привычек.

Вульф ослеп от мутной воды и не сразу сообразил, что взор застлал яростный ливень, хлеставший прямо в лицо. Он стоял посреди грузового отсека военного транспортного самолета, а из распахнутого десантного люка, обрывавшегося в непроглядную ночь, налетали порывы ветра вперемешку с дождем.

Пейтон с Беккером боролись на самом краю. Удары, блоки, подсечки чередовались как движения страстного танца. Их разбитые лица распухли от ссадин и синяков. Сломанные носы сочились алыми дорожками спекшейся крови. Заплывшие глаза едва могли разобрать, что к чему.

Пейтон скрутил Беккера борцовским приемом и выхватил нож из-за пазухи комиссара. Директор срезал с него парашют и швырнул за борт. Беккер высвободился и переброшил через себя директора. Пейтон сильно ударился спиной и выронил оружие. Клинок отлетел в сторону и медленно за-

скользил к краю вслед за парашютом. Комиссар бросился за ним, успев схватить за миг до падения в пропасть. Он поднялся на ноги, держа нож наготове. Пейтон напрягся, стараясь сохранять дистанцию и выжидая. Ему помог случай. Самолет заложил вираж, и Беккер потерял равновесие. Директор тотчас воспользовался преимуществом. Он подскочил к комиссару, ударил в солнечное сплетение, лишив его возможности сопротивления, и эффектным пинком отправил Беккера в последний полет.

Едва отдышавшись, Пейтон обернулся к психонавтам:

– Рискнете последовать за мной?

Он сделал шаг в пропасть и исчез. Недолго думая, Гловер ринулся следом. Парашюта на нем не было.

Вульф осмотрелся. Лишних спасательных средств нигде не завалилось. Женская рука потянула его вперед.

– Мы не можем упустить Пейтона.

– Знаю.

Они прыгнули.

Единственное светлое пятно десантного военного самолета, мерцавшего бортовыми огнями посреди неистовой бури, быстро удалялось, оставшись где-то наверху, но само понятие верха и низа утратило свое значение. Вульфа мотало как букашку, подхваченную сильным порывом ветра. Дождь заливал глаза. Уши заложило от рева воздушных потоков. Он перестал ориентироваться в пространстве.

Орье обрушилась на него из ниоткуда, крепко обхватив

ногами. Они закрутились волчком, мотаясь из стороны в сторону.

– Раскинь руки! – прокричала Жюли.

Он подчинился, и им кое-как удалось стабилизировать бесконечное падение в ночь относительно горизонта.

Вульф с Орье вглядывались в бездну. Огромные грозовые тучи периодически вспыхивали кривыми росчерками молний. Штормовой фронт окружал их со всех сторон. На фоне очередного разряда природного электричества внизу промелькнула падающая черная точка – двое сцепившихся мужчин. Гловер и Пейтон.

Орье наклонила корпус и подалась вперед, заставив сделать то же самое Вульфа. Она управляла расставленными в сторону руками, как крыльями. Падение ускорилось. Они нагоняли.

Гловер сосредоточенно боролся с директором за последний оставшийся парашют, поэтому Орье никто не заметил. Она вбила Вульфа в пару сражавшихся за жизнь мужчин и расцепила ноги. Алекс крепко ухватился за корпус Пейтона, и они вновь закружились. Орье зависла чуть в стороне, оценила обстановку и рассыпалась ворохом скрученных желтых лент, чтобы возникнуть перед Пейтоном. Она вцепилась в него ногами, схватилась руками за лямки парашюта и со всего размаху треснула лбом в лицо. Пока директор пребывал в нокауте, Орье дернула вытяжное кольцо.

Рвануло так, что перед глазами заплясали цветные кру-

ги. Внутренности встряхнулись, словно коктейль в шейкере. Про Пейтона, на котором повисло трое психонавтов, Вульф предпочитал не думать. Из тумана забытья директора вырвала нестерпимая боль, и он истошно завопил. Немудрено, если тебя будто на дыбе тянут в противоположные стороны.

Падение замедлилось. Внизу раскинулись черные буруны беспокойного моря. Грозовой фронт остался высоко над головой, но дождь хлестал как из ведра. Берега видно не было, куда ни погляди.

Когда до поверхности воды оставалось несколько метров, Вульф расцепил руки и прыгнул. Сильный удар по ступням едва не вогнал ноги в позвоночник. Волны сомкнулись над головой. Тело моментально свело судорогой от пронзившего его холода, а сердце чуть не остановилось от шока. Алекс метался под водой как беспомощный кутенок, но воздух, оставшийся в легких, позволил ему всплыть. Вынырнув на поверхность, Вульф ослеп от яркого света.

Психонавты барахтались в бассейне на крыше дорогого отеля под лучами палящего солнца. Пейтон сидел на краю, вытирая волосы махровым полотенцем.

– Еще не притомились, коллеги?

Вместо ответа Орье перенеслась ему за спину, но директор ловко перехватил руку, занесенную для удара, свернутым полотенцем и отправил девушку обратно в воду.

– Похвальное упорство.

Гловер уперся руками на воду и выскочил на поверхность,

словно для него она обрела твердость, изменив привычные свойства. Он бежал по водной глади, как последний христианский спаситель, но Пейтон терпеливо поджидал, свернув край полотенца в тугую булаву. Когда Гловер прыгнул вперед, директор со всего маху огрел его импровизированным оружием, сбив Артура с ног. Ама ушел под воду.

Звякнул прибывший на крышу лифт. Створки разомкнулись, и тишину разорвал грохот выстрелов. Беккер в образе человека из службы безопасности шел вперед, выпуская пулю за пулей. Когда обойма опустела, он бесцеремонно отбросил ее в сторону и вставил следующую. Пейтона уберегло большое расстояние между лифтом и бассейном. Теперь ему было не до шуток.

Директор, пригнувшись, бросился к краю крыши. Пули свистели вокруг него, разнося в клочья разложенные шезлонги, столы с экзотическими коктейлями и стильные солнечные зонтики, выполненные из электрохромного стекла. Не раздумывая ни секунды, Пейтон перемахнул через парапет и исчез.

Психонавты почти синхронно вылезли из бассейна и устремились вслед за директором. Тот бежал по крыше закрытого пешеходного моста, соединявшего между собой две башни отельного комплекса.

Орье в несколько прыжков догнала его и хитрой подсечкой сбила с ног. Гловер по спирали обогнул дерущихся и зашел Пейтону в тыл, отрезав путь к отступлению. Вульф

неловко перевалился через край парапета и спрыгнул на крышу моста, до ужаса боясь сверзиться вниз. Он с трудом поднялся и побрел вслед за психонавтами на негнущихся ногах.

– Эй, Алекс, – услышал он позади голос Беккера. – Вот держи, – комиссар метнул ему пистолет. – Если ты пристрелишь Пейтона, то выбросишь его из КОС. Не подведи!

Вульф кивнул.

Все вокруг расплывалось. Тремор не давал нормально прицелиться. Мушка плясала перед глазами. Алекс видел перед собой только смутные фигуры. Они боролись, постоянно перемещаясь и меняясь позициями. Вульф выдохнул и сосредоточился, отбросив страхи. Мысленно он вычленил Пейтона из клубка дерущихся и стал водить за ним стволом пистолета, стараясь подгадать благоприятный момент, чтобы случайно не попасть в Жюли или Артура.

Директор заметил это. Отбив удар Орье, он перехватил ее запястье и развернул, взяв в борцовский захват. Пейтон заслонился ей, поставив между собой и Вульфом. Затем он ткнул затылком в лицо навалившегося сзади Гловера и свободной рукой сгреб его за шиворот. Оттолкнувшись посильнее обеими ногами от крыши пешеходного моста, директор прыгнул вниз, утащив за собой двух психонавтов.

Вульф разбежался и бросился в пропасть.

Ветер хлестал в лицо, выбивая из глаз слезы, но он продолжал целиться в Пейтона. Земля неотвратимо приближа-

лась. В последний момент Алекс спустил курок.

Он промахнулся.

Вместо смертельного падения с многометровой высоты, Вульф мягко соскочил с коня на шелковистую изумрудную траву, стелившуюся по земле под дуновениями порывистого ветра. В воздухе витали лепестки сакуры на фоне пронзительно-голубого неба и одинокой горы с кристально-белой снежной шапкой на вершине.

Пейтон стоял на коленях посреди военного лагеря, обнаженный по пояс. По бокам от безоружного врага стояли Гловер с Орье. Оба, облаченные в доспехи японских воинов, держали наготове оружие. Артур опирался на длинное древко яри, а Жюли сжимала в руках лук. К ним шел Беккер в облачении палача.

Директор бросил на него презрительный взгляд и сплюнул, обратившись к сегуну, восседавшему во главе солдат, окруживших их в ожидание славного зрелища:

– Не должно самураю гибнуть от руки ронина, что продал меч, подвываясь на работу без чести. Позвольте мне умереть в бою как истинному воину.

Сегун в облиии Стейнбека обвел взглядом лучших бойцов и медленно кивнул, обронив свое позволение, как богач бросает монетку нищему. Судя по появлению профессора в калейдоскопе грез, они приближались к развязке погони. Беккер недовольно отошел в сторону, затесавшись в ряды солдат.

Гловер развязал руки директора, и тот подошел к стойке с оружием. Он выбрал катану и вакидзаси. Похоже, он предпочитал сражаться с оружием в обеих руках, что давало ему непревзойденную тактическую гибкость и говорило о невероятном мастерстве. Пейтон предпочел не сковывать себя доспехом.

Первым на бой вышел Гловер. Он не стал долго ждать, набросившись на директора без малейшего промедления. Яри вертелся вокруг него смертоносной бурей, но Пейтон парировал удары копья спокойно и уверенно, не поддаваясь ни страстям, ни азарту. В его движениях не было ни позерства, ни изящной красоты. Только голый расчет и экономия сил. Клинки в его руках были ядовитыми змеями, молниеносно выскакивавшими вперед, чтобы отразить удары соперника. Взгляд был холоден и сосредоточен.

Гловер был ураганом, но Пейтон стоял скалой на его пути. Когда ему надоело играть с мальчишкой, он ловко отскочил назад из-под наконечника яри, не нашедшего плоть, а слепо ткнувшегося в землю. Пейтон наступил на него ногой и рассек древко незаметным глазу движением катаны. От неожиданности Гловер шлепнулся на задницу.

– Следующий, – молвил директор, даже не запыхавшись.

Настал черед Вульфа. Он вытащил катану и принял стойку.

Они долго кружили, выбирая момент для удара. Движения ног, наклон туловища, направление взгляда и хват ме-

ча кричали друг дружке о скрытых намерениях бойцов. Это была поэма тонкой лжи и обмана. Попытка заставить противника ударить первым, поверив в успех.

Вульф купился. Он заметил, как Пейтон на мгновение раскрылся, и нанес удар. Его клинок рассек воздух, а короткий меч директора в спине Алекса остался холодным напоминанием о собственной глупости. Он прошел по инерции еще несколько шагов и завалился на бок. Было больно, но боль была странной – холодное онемение, растекающееся по телу. Клинок не задел жизненно важные органы. Директор не собирался убивать его, а лишь напоминал об иллюзорности происходящего.

Запела спускаемая тетива. Орье молниеносно перешла в наступление, не дав Пейтону и шанса. Тому все было нипочем. Он ловко отбивал летевшие стрелы клинком катаны, а затем побежал вперед. Ускорившись, директор оторвался от земли и перескакивал со стрелы на стрелу, как бегущий через бурный горный поток перепрыгивает с камня на камень. Толкнувшись в последний раз, он выставил вперед катану и рухнул на Орье, прижав лезвие к ее горлу.

– Я доказал вам свое превосходство, коллеги, а теперь, Жюли, переносите нас к «Гипносу», – приказал Пейтон.

Девушка, выругавшись, рассыпалась клубком шелковых лент, оплетая Пейтона и протянув щупальца ко всем остальным психонавтам. Хлыст обвился вокруг глаз Вульфа, и он очнулся в своей купели посреди купола «Гипноса». Это была

не лаборатория в яви, а ее архетипичный образ в хосте.

Едва придя в себя, Алекс распахнул крышку и увидел, как Пейтон мчится к центральной камере сенсорной депривации, в которую было погружено тело Банни Чок. Он тащил за собой Орье. Наперерез ему бежал Беккер, но он не успевал помешать директору.

Пейтон пихнул Жюли к управляющей консоли:

– Включайте!

Она судорожно нажала несколько кнопок, и алтарь Никты испустил мощный электромагнитный импульс.

Сознание Вульфа помутилось, а лаборатория «Гипноса» стала меняться буквально на глазах. Плексигласовый купол стекал на пол расплавленными водопадами горячего полимера. Пол пошел трещинами, из которого прорастали невиданные в природе растения. Помещение затопила сирена аварийного оповещения, а опешивший персонал Конторы претерпевал ужасные метаморфозы, превращаясь в уродливых монстров из самых страшных снов.

Второй импульс ослепил психонавтов и начисто выжег все ощущения. Яркая вспышка сорвала завесу с пространства грез, обнажив бездонную яму глубинного подсознательного ужаса. Мир проступал из негатива неуверенными штрихами, прочерченными дрожащей рукой делирия.

Они проникли в кошмар сновидицы.

Глава 20. Кошмар

Психонавты стояли посреди гигантской воронки, оставленной взрывом. Дымящийся кратер расколол город, сросшийся из снов группы извлечения, на несколько частей. Куски земли парили в багровой пустоте, пронизанной пульсирующими сосудами, как астероиды в космосе. Небоскребы, похожие на оплавленные свечи, медленно растекались по улицам, остывая от психического выброса. Они спаивались между собой в огромный бетонный муравейник. Их потерявшие форму шпили торчали обломанными клыками, подпиравшими обметанное коррозионной паршой небо. Вместо солнца в вышине висел лик Банни Чок. Ее веки были плотно сомкнуты, а глазные яблоки лихорадочно двигались. Она спала и видела сон, но сон был явно не из приятных. На волосы психонавтов медленно, будто вальсируя на сцене, сыпались крупные хлопья ржи. Она въедалась в одежду и кожу, а при дыхании вызывала неудержимый кашель. Гловер в мгновение ока соорудил защитные костюмы для группы извлечения.

Как только мучительные спазмы перестали душить Беккера, он двинулся к Пейтону, но его остановил Стейнбек, направив в грудь дробовик:

– Назад!

– Вы на стороне этого безумца?

– Нет. Я на стороне своего пациента. Пока вы вприпрыжку скачете по снам и размахиваете кулаками, Банни Чок страдает. У вас был шанс разрешить разногласия. Теперь будем играть по моим правилам. Вспомните, для чего мы здесь. Вы же, мать вашу, доктора, под какими бы личинами не прятались!

– Согласен, – кивнул Пейтон. – Перемирие. Белый флаг. Судя по тому, где мы оказались, нам понадобятся все наши силы, чтобы не пасть жертвой кошмара и выбраться в явь.

– Поняли наконец, что натворили? – выдавила из себя Орье. – Поняли?

Пейтон не ответил. Он неотрывно смотрел на горизонт. Там из толщи кошмара проросло здание Конторы. Оно деформировалось и менялось, обратившись изуродованным скрюченным деревом. Его сочащаяся густой кровавой смолой кора вспухала бесчисленными болезненными нарывами. Под тонкой прозрачной кожицей как в амниотическом пузыре плавали тела маленьких сновидцев, свернувшихся в позе эмбриона.

Крона дерева представляла собой скопище жутких перекрученных щупалец, плотоядно раскрывшихся над городом, подобно цветку росянки. Посреди беспрестанно шевелящегося тернового венца таилось огромное безвекое око, подвешенное на искрящихся зрительных нервах. Глаз исследовал город в поисках пропитания. Периодически щупальца устремлялись к земле и подхватывали каких-то уродливых

букашек, прятавшихся в развалинах. Зубастые присоски облепляли их раздутые от крови чрева и досуха высасывали содержимое брюшка, отправляя питательные вещества на потребу кошмарному разуму. Окончив трапезу, щупальца отбрасывали букашек в сторону. Они падали на землю тощими палочниками, но потом вновь поднимались на тонких лапках и уползали прочь.

Стейнбек, оторвавшись от разглядывания пейзажа, снарядил психонавтов оружием и проверил обмундирование каждого.

– Нам туда, – указал он на дерево.

– Кто бы сомневался? – пробурчал Гловер.

Психонавты поднялись по склону кратера, предательски осыпавшемуся под ногами, и выбрались в аморфный муравейник города. Над землей безвольно парили в воздухе бесчисленные фигуры людей. Они служили пищей для ужасных клещей с человеческими лицами. Членистоногие собирали тела и впивались в них острыми хоботками на деформированных лицах. Земля под ногами была усыпана пустыми человеческими оболочками, словно старыми шкурками бесчисленных змей, облинявших в одночасье. Они противно шуршали, и Вульф старался не наступать на них без лишней необходимости.

Психонавты, пригибаясь и переползая от укрытия к укрытию, пробирались все дальше в толщу кошмара. Там, где земля была расколота на части, они перепрыгивали над баг-

ровой пропастью. Если разломы были слишком велики, приходилось искать обходные пути. Кое-где мостами служили обрушившиеся небоскребы, где-то их переносила Орье. Чем глубже они погружались в сердце города, тем больше вокруг становилось плотоядных клещей, шаривших по округе в поисках пропитания. Однако те были довольно глупы и слепы, и до сей поры психонавтам удавалось избегать их внимания.

Они забрались в очередное здание подальше от опасностей и всевидящего ока, под прикрытия оплавленных стен. Пройдя его из конца в конец, психонавты столкнулись с дилеммой. Дом стоял на краю большой пропасти, но на двадцатом этаже из него вырастала улица, мостом пересекавшая обрыв. Она вела напрямик к ужасному дереву.

Группа извлечения поднялась по пожарной лестнице и вышла на широкий бульвар. По его бокам тянулись прожекторы с притороченными динамиками сирен. Когда психонавты покинули укрытие и вышли на открытую дорогу, ближайший прожектор с протяжным скрипом пошевелился и вперил в них фонарь, ослепив ярким пучком света. Остальные задвигались в унисон. Психонавты, щурясь, прикрывали глаза руками, пытаясь не ослепнуть. В тишине протяжно завывали сирены.

– Мне это чертовски не нравится! – крикнул Гловер.

– Вы читаете мои мысли, молодой человек.

Вдалеке послышался нарастающий шелест множества хитиновых лапок. Клещи со всей округи ринулись к ним, при-

званные системой обнаружения.

– Хотелось бы сказать что-то мудрое, – бросил Стейнбек, – но придется ограничиться банальностью. Бежим!

Они бросились вперед по бульвару, преследуемые лучами прожекторов. Сирены оглушали, а гул роя клещей нарастал. Психонавты пересекли мост и вновь окунулись в городскую черту.

Из-за домов на них выскочили первые чудовища. Психонавты стали отстреливаться, но клещи были чрезвычайно проворны.

– Цельтесь в брюхо, – скомандовал Стейнбек.

Пули разрывали хитиновый панцирь клещей, и те лопались с громким хлопком, окропляя землю багрянцем. Они верещали истошными человеческими голосами и отползали прочь, оставляя за собой длинные кровавые следы.

Несмотря на потери, монстры все прибывали и прибывали. Продвижение психонавтов замедлилось. Орье притягивала к себе шелковыми лентами тела людей, паривших в воздухе, и швыряла их в тварей, отвлекая внимание. Те набрасывались на приманку с необузданным аппетитом. Гловер рванул вверх по стене ближайшего дома, расстреливая клещей сверху.

– Похоже, придется засучить рукава, – сказал профессор.

Стейнбек облачился в многофункциональный военный экзоскелет и взял в руки крупнокалиберный пулемет. Такое снаряжение Вульф иногда видел в информационных свод-

ках с передовой во время шельфовой кампании. По большей части им пользовались мобильные десантные группы. Десантники нечасто добирались до госпитальной базы живыми. Они, как правило, погибали на поле боя. Оборудование было дорогим и сложным в производстве, а потому на трупы как своих, так и солдат противника, открывалась настоящая охота. Их вытаскивали из-под огня и доставляли транспортными вертолетами в госпитальный морг. Там санитары выскребали останки тел погибших из экзоскелетов без какого-либо пиетета. Свои отправлялись со всеми почестями домой в герметичных контейнерах. Враги – прямиком в печь крематория. Любая крошечная царапина на технике каралась лишением премии.

Окрестности затопил оглушающий грохот, когда профессор зажал гашетку. Впервые Вульф увидел ферзя во всей красе. Твари лопались под плотным огнем, как виноградины под нежными ступнями дочерей древних виноделов. Психонавты медленно, но верно продвигались по улицам, держа круговую оборону. Гловер швырял гранаты в гущу клещей. Взрывы выкашивали десятки тварей. Оставшиеся расплзались, а новые уже не горели желанием лезть на рожон.

Земля под ногами дрогнула и мелко завибрировала. Клещи неожиданно стихли и замерли на мгновение. Сейсмические толчки последовали с удвоенной силой. Заверещав, членистоногие стали расплзаться по щелям, убежищам и норам.

Небеса разорвал страдальческий стон древесного ствола, сгибаемого чуждой волей. Вульф обернулся к кошмарному дереву. Око вперило в них огромный чернильный зрачок. Щупальца в кроне волновались под порывами сильного ветра. Они изогнулись и устремились в их сторону.

Психонавты бросились кто куда, когда сверху на них обрушились многотонные шипастые ветви. Земля содрогалась от их ударов и расходилась глубокими трещинами. Ямы и кратеры оставались в тех местах, куда били щупальца.

Вульф скрывался, переползая от укрытия к укрытию. Он потерял из виду других психонавтов, сконцентрировавшись на единственной задаче – не погибнуть, обрекая остальных на безумие. Прямо перед ним по земле ударила ветвь кошмарного дерева. Алекс упал на спину, отброшенный ударной волной. Из окна соседнего дома выскочил осмелевший клещ и бросился на него. Вульф успел выстрелить, но попал в голову грудью членистоногого. Клещ зашипел и замер. Щупальце рванулось к нему, привлеченное кровью. Алекс едва успел перекатиться в кратер по соседству, чтобы зубастые присоски не сграбастали и его заодно. Щупальце пронеслось прямо над головой и обвилось вокруг вопящего клеща, утащив того в небо.

Вульф поднял голову и осмотрелся. В сотне метров от него психонавты продвигались к накренившемуся небоскребу на другой стороне улицы. Стейнбек заметил его и призывно махнул рукой, чтобы Вульф поторапливался. Несмотря на

весь хаос, у профессора явно имелся план действий.

Алекс перебежал улицу и скрылся в здании, нагнав психонавтов. За его спиной шипастая ветвь хлестнула по стене, обрушив проем главного входа. Здание опасно задрожало, а на головы посыпалась строительная пыль.

– У меня есть одна идея, – сказал Стейнбек.

Профессор распределил заряды взрывчатки каждому психонавту и раздал дистанционные детонаторы. Они установили заряды на разных этажах строго друг под другом, чтобы после взрыва большое количество строительного мусора обрушилось вниз в заданную точку. В эту точку профессор отправил Гловера как приманку. Артур появился в проеме выбитых окон и стал привлекать к себе внимание щупалец. Око вперило в него злобный взгляд, и одна ветвь устремилась к Артуру. Гловер ринулся вглубь здания, увлекая ее за собой. Он бежал что было мочи. Щупальце за его спиной хлестало по стенам, освобождая проход и стараясь зацепить Артура острыми шипами. Ама перепрыгивал со стены на потолок, с него на противоположную стену и снова на пол, закладывая невообразимые виражи и кульбиты, пока не уперся в тупик, где его поджидала Орье. Она обхватила Гловера и исчезла, рассыпавшись клубком желтых лент.

– Детонация! – скомандовал Стейнбек и строго поочередно сверху вниз психонавты стали подрывать заряды.

Тонны строительного мусора и обломки плит рухнули, придавив щупальце своим весом. Оно неистово задергалось,

но выбраться наружу уже не могло.

– Сработало? – осведомился Гловер откуда-то снизу.

– Похоже на то, – ответил Вульф, глядя в образовавшуюся после взрыва дыру.

Они спустились и вновь собрались вместе у придавленного обломками щупальца, тянувшегося от здания к кроне кошмарного дерева.

– Ну здравствуй, бобовый стебель, – похлопал по конвульсивно извивавшемуся щупальцу Гловер, а потом повернулся к остальным. – Пришла пора проведать великанов.

– Только после вас, сударь, – пропустил его вперед Стейнбек.

Они забрались на живую ветвь и, покинув здание, как по мосту пошли по ней вверх к кроне дерева. Щупальце дергалось, отчего приходилось ступать крайне осторожно. Здание за спиной натужно скрипело. Психонавты поднимались все выше и выше, оставив под собой расколотый на части город.

Для Вульфа испытание выдалось не из легких. Он старался не смотреть вниз, поднимаясь по живому мосту. Осознание нереальности происходящего не помогало.

Когда психонавты были на середине пути, злобное око заметило их. Ветви зашелестели и устремились к ним со всех сторон.

– Жюли, тащи Вульфа наверх! – приказал Стейнбек. – Якорь мы потерять не можем.

Орье схватила Алекса за руку, но остановилась, обернув-

шись на мгновение:

– А как же вы?

– Я справлюсь, – бросил Гловер и ринулся вперед.

– Не бойтесь. Своих не бросим, – хмыкнул Стейнбек и снарядил Пейтона с Беккером такими же экзоскелетами, как у себя самого. Выглядел он после этого выжатым лимоном. – Не мешкай, Жюли. Поспешите. Сейчас начнется родео.

Орье кивнула и перенесла Вульфа на сотню метров вперед, потом выдохнула и прыгнула вновь.

Алекс обернулся назад, глядя на удаляющихся психонавтов. Гловер бежал по спирали, закручиваясь вокруг щупальца. Он ловко ускользал от хлеставших по мосту ветвей, периодически отстреливаясь. Едва не попав под удар, Артур перепрыгнул на другое щупальце и исчез вместе с ним в небесах.

Стейнбек, Пейтон и Беккер шли уверенной поступью тяжелооруженных рыцарей, отстреливаясь из крупнокалиберных пулеметов. Они перемалывали атакующие щупальца в фарш. Едва Орье с Вульфом добрались до кроны дерева, Стейнбек приказал остальным вбить ботинки, похожие на верхолазные «кошки», поглубже в кору живого моста, обернулся и выстрелил из подствольного гранатомета, притороченного к его пулемету, по зданию, в котором застряло их щупальце. Серия взрывов сотрясла небоскреб. Он стал крениться все сильнее, пока не сложился с оглушительным грохотом, подняв в воздух тучу пыли. Щупальце пошевелило

кончиком и выбралось из сломанного капкана. Оно принялось мотаться из стороны в сторону, пытаясь сбросить психонавтов в пропасть, но те держались крепко и, пережив первый шок, начали продвигаться вперед.

Вульф с Орье свалились в сплетение ветвей на вершине ствола дерева, образовавшего хлипкую площадку в несколько десятков метров в диаметре. От нее отходили нервы и сосуды, питавшие око. Оно зыркало по сторонам и старалось уследить за всеми психонавтами сразу. Внутри него, как в матке матери, плавало, свернувшись эмбрионом, тело девочки.

– Это Банни? – спросил Вульф.

– Не знаю, – ответила Орье, – но это проклятое дерево точно надо ослепить, пока оно не уничтожило весь отряд.

Вульф передернул затвор и выпустил обойму в треклятое око, стараясь не попасть в девочку, заточенную внутри. Глазное яблоко лопнуло, пролившись полужидким стеклоподобным телом на верхушку дерева. Ствол у них под ногами содрогнулся. Щупальца мелко и спорадически затряслись, а затем безжизненными плетями обвисли, дав возможность остальным психонавтам без проблем добраться до Орье и Вульфа.

Девочка медленно поднималась из остатков глазных оболочек, больше походя на новорожденный призрак, нежели на живого ребенка. Ее длинные волосы облепили лицо, не позволяя всмотреться в смазанные черты. Она взглянула на

психонавтов и тоненько захихикала. Детский смех, призванный приносить радость в дома счастливых родителей, обратился каркающим надсадным хохотом. Тысячекратно усиленные эхом кошмара его раскаты сотрясли небеса, будто гром. Обращенная в сферу голова Банни Чок, зависшая над ними в зените вместо солнца, неожиданно раскрыла глаза и пронзительно закричала. Истошный и разрывающий барабанные перепонки вопль быстро перерос в булькающий задыхающийся хрип. Из ее глаз и рта полились потоки крови, обрушившиеся на вершину дерева. Девочка с вожделием подставила под них руки, словно под теплый летний дождик, психонавтов же багровый водопад накрыл густым селевым потоком. Они цеплялись за ветки дерева, не видя ничего вокруг. Кровь застилала глаза, заливала уши и не давала свободно вдохнуть. Когда сель наконец схлынул, впитавшись в землю, как в губку, они поняли, что оказались на парковке перед приходом церкви «Единения» из кошмара Банни.

Вокруг них не было ничего. Только одинокий холм, увенчанный храмом с приютом, притаившимся в его тени, и бескрайняя белая бесконечность. Странная девочка замерла в проеме приходских ворот и игриво поманила их, побежав вверх по склону. Им не оставалось ничего иного, как пойти за ней следом.

Глава 21. Обряд

Едва психонавты переступили врата церковного прихода, как очутились в запутанном и коварном лабиринте, сплетенном из снов и воспоминаний Банни Чок. Они проходили через дома многочисленных приемных семей и помещения социальных приютов. Обстановка вокруг оставалась невзрачной и тусклой. Ни капли радости и ни следа любви. Одна покорная обреченность и беспомощность оставленных без родительской опеки котят, которых пытаются выкормить с пипетки на пастеризованном молоке из супермаркета дотошные, но не особо нежные дети.

Странная девочка всегда была на шаг впереди, исчезая за очередным поворотом, стоило им только войти в новую комнату. Ее невинный детский смех всегда подсказывал, куда повернуть на периодически встречавшихся перепутьях.

На очередной развилке психонавты остановились в замешательстве. Противное хихиканье раздавалось из одного коридора, но маленькая фигура промелькнула в другом всего в трех метрах от психонавтов. Пейтон коршуном бросился вслед за девочкой, и лабиринт мгновенно поглотил его.

– Я остановлю его, а вы верните сознание Банни Чок в явь, чего бы это ни стоило, – крикнул Беккер и устремился в погоню за директором.

– Только ваших распоряжений и ждали, комиссар, – отса-

лютовал ему вслед Гловер. – Кто-нибудь может мне объяснить, что это за злобная малявка?

– Семя кошмара, – отозвался Стейнбек.

– Не просто семя, – добавила Орье. – Это воплощенная тень личности Банни. Все худшее, что в ней есть. В одночасье такое не состряпаешь. Вы знали об этом, профессор? Как вы готовили ее к сеансам КОС? Чем занимались на подготовительных сессиях?

– Мы работали над устранением последствий многочисленных психологических травм. Занимались лечением девочки каждый день. Не думал, что всю грязь, вытесненную в ее бессознательное, кто-то захочет использовать подобным образом. Хотя после уничтожения защитных барьеров в лице тульпы брата ее освобождение не составило особого труда. Хочу отметить, что идея использования семени кошмара в качестве оружия нового типа не лишена особого изящества.

– Да что вы такое несете?

– Просто констатирую факты. Дети – это маленькие зверята. Их личности не сформированы. Сознательное только зарождается. Коллективное бессознательное присутствует лишь в виде архетипов «мамы» и «папы». Что же вы тогда хотите от разума ребенка-сироты, лишенного даже подобных фундаментальных цензоров? Их тень – дистиллированное психическое оружие. После снов, возвращенных на подобном семени, одним плохим настроением не отделаешь.

– Да уж, к гадалке не ходи, – бросил Гловер.

– Однако во всем есть и позитивная сторона. Если отделить эту часть личности от общей структуры, девочка станет ангелом во плоти.

– Вы говорите о сегрегации? – спросил Вульф.

– Я говорю о лечении.

– Все, что я узнал о сегрегации личности, оказалось сущим изуверством.

– Не упрощайте, молодой человек. Когда дело касается медицины, то яд и лекарство по сути своей являются одним и тем же. Вопрос лишь в нужной концентрации.

– Куда направим стопы дальше? – оборвал профессора Гловер. – Жюли, твой выход. В конце концов, кто из нас шерпа?

– Это не обычный сеанс КОС. Здесь все запутано.

– Доверься интуиции, – предложил Вульф.

– Спасибо, Холмс. Обойдусь без твоих дельных советов.

Психонавты направились вслед за Орье вглубь лабиринта, игнорируя детский смех и мелькавшую то тут, то там фигуру маленькой девочки. Жюли расплела желтую шелковую ленту на запястье и оставила за собой яркий след на случай, если они заплутают. Возможно, ей было жалко бросать на произвол судьбы одержимых своими идеями Пейтона с Беккером. Так или иначе, найти дорогу вслед за психонавтами теперь не составляло особого труда.

Миновав очередную развилку, они вышли в длинный ко-

ридор с клетушками келий по обе стороны. Старый кафельный пол с многочисленными щербинами выбитых плиток искрился первозданной чистотой. Гловер нагнулся и провел по нему пальцем ради чистоты эксперимента, а затем продемонстрировал всем отсутствие следов грязи. Оштукатуренные белые стены местами потрескались и были расчерчены сырыми следами дождевых потеков на стыках бетонных плит. Какой-либо мебели или декора в коридоре не имелось вовсе. В кельи вели пробитые в плитах низкие арочные порталы. Никаких дверей или занавесей, дающих иллюзию уединения, не было и в помине. Внутри на холодном полу стояла простая металлическая кровать, стул и стол. Под потолком впускало внутрь немного света и свежего воздуха маленькое прямоугольное окошко. При ближайшем рассмотрении кельи больше напоминали тюремные камеры, хоть и не имели решеток.

Вульф заглянул внутрь. На прикроватном столе лежала маленькая Библия юницизма, выполненная на листах дешевой электронной бумаги. Алекс немного полистал ее и отложил в сторону, заметив под матрасом наивный детский тайник. Он залез в него и достал альбом для рисования. На его страницах нетвердой рукой были намалеваны простенькие корявые рисунки. Каждый был посвящен злоключениям двух детей: мальчика и девочки, схематично нарисованных палочками и кружками. Первый же лист навевал тоску. Малыши оказались брошены посреди серой и холодной соци-

альной организации, а двое взрослых ушли прочь, не оборачиваясь. Девочка безутешно плакала, а мальчик утешал ее, как мог. Вокруг них вились безликие чужие тени. Вершители их судеб. Ребят определили в сиротский приют. Они влились в толпу таких же одиноких, преисполненных злобы детей, но все же, к своему несчастью, они отличались от всех прочих. Их линии, черты и грани были грубее. Проще. У остальных малышей имелось больше деталей, пускай и не самых привлекательных. Те чувствовали различия и вычленили из стаи белых ворон. Новеньким, по давней традиции замкнутых социальных групп, устроили темную. Девочка забилась в угол, но мальчик стоял стеной на пути невзгод, защищая, оберегая ее и стойко принимая удары судьбы. К великому счастью ребят, мучения не продлились долго. Настала пора программ по социализации. Новые страницы альбома превратились в листопад приемных семей. Под фигурками стали появляться подписи, выведенные крупными печатными буквами. «Мама», «папа», «братик», «я». На каждом новом рисунке рядом со взрослыми все чаще был нацарапан неосознанный знак вопроса. Приемные родители преобразались то в зомби, то в вампиров, то в оборотней. Чудовища окружали их. Братик же приобрел черты рыцаря у подножия высокой башни, на вершине которой скрывалась принцесса. В конечном итоге они оказались в приюте церкви «Единения». Снова влились в большую группу детей, но теперь они казались идентичными. Вульф не мог отыскать мальчика и

девочку. Сироты, собравшиеся для молитвы в церкви, напоминали двоичный код. Палочки и кружочки. Единицы и нули. Последний рисунок изображал странный обряд. Головы детей были покрыты шлемами нейроинтерфейсов и соединены проводами в единую цепь. Общий шнур вел к церковному проповеднику, воздевшему вверх руки. Из его пальцев били лучи, пронзавшие небеса. Эти лучи возносились к околоземным спутникам, составлявшим паутину инфосети. Под рисунком была короткая подпись. «Бог».

Вульф отложил альбом. В навалившейся тишине он услышал мужские голоса. Алекс затих. Снаружи кто-то разговаривал. Слов было не разобрать, а потому он резко встал, пододвинул к окну металлический стол, забрался на него с ногами и подтянулся поближе. Высунуть голову в форточку не представлялось возможным. Она была крошечной – суцая бойница – и располагалась слишком высоко.

Разговаривали двое. Один был хорошо знаком. Второго он слышал лишь единожды в подвале церкви «Единения» из сна Банни при первом погружении в хост.

– Вам часто снятся кошмары, Пейтон?

– Нет. Я не запоминаю сны.

– Как иронично. Творец снов не способен оценить свои творения, – мужчина вздохнул. – А вот меня они мучают каждый божий день. С тех самых пор в Арктике. Они преследуют меня. Эти башни из трупов.

Пейтон недовольно одернул его:

– Вы для этого меня вызвали, Торн? Поговорить о кошмарах? Вы не слишком-то осторожны. Тем более что патриархат «Единения» и наши наниматели кардинально разошлись во взглядах за последнее время. Я мало похож на верующего. Мой визит может вызвать подозрения.

– Плевать! Скоро все закончится.

– Для вас, возможно. Я же продолжу играть свою роль. Отступать уже слишком поздно.

– У меня к вам небольшая просьба. После того как я выполню свою миссию, пришлите сюда Беккера и спасите тех, кто выживет. Эти дети. То, для чего они предназначены. Это против человеческой природы.

– В чем их предназначение, Торн?

– О! Вы увидите! Я послал отчет в разведывательное управление. Изначально планировалось, что мы будем готовить в приютах сновидцев для проекта «Морфей». После того как на престол взошел епископ Лоуренс, все контакты с РУ оборвались. Он настоящий фанатик. Даже сенатор Роген проникся.

– Святой Билл? Паттерсон рассказывал о нем.

– Так или иначе, под давлением Лоуренса патриархат изменил свой курс.

– Настоящих буйных мало, вот и не было вождя. Посмотрим, как долго продлится это соперничество.

– Пока борются властолюбцы, невинные страдают. Я освобожу несчастных сироток и освобожусь сам. Это будет мило-

сердием. Остальным поможете вы. Обещайте мне, Пейтон.

– Я найду детям достойное применение. Обещаю. Мы о них позаботимся. Хороших сновидцев всегда не хватает.

– Спасибо, Пейтон. Спасибо! Мой путь почти завершен, и лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

Пейтон не ответил. Голоса стихли.

Вульф спрыгнул на пол и вышел в коридор, где остальные психонавты искали проход дальше в глубины кошмара сновидицы.

Орье молча собирала на полу мозаику из керамических плиток, разбросанных по кельям приюта. Орнамент складывался в странную фигуру: три круга, заключенные в один большой круг.

– Символ церкви «Единения», – констатировал Вульф. – Что он означает?

Стейнбек подошел ближе:

– Он олицетворяет один из самых распространенных на нашей планете принципов триединства. Одни говорят, что это прошлое, настоящее и будущее, объединенные кольцом вечности. Для других ближе пояснение о религии, знании и искусстве в круге человеческой культуры. Этот символ многозначителен и встречался на протяжении всей нашей цивилизации то тут, то там. От крестоносцев и китайского Храма Неба до древнерусской иконографии.

– Поэтому этот древний знак был выбран символом глобального единения человечества, – пробормотала Жюли, не

отрываясь от своего занятия.

– В пекло этих малахольных! – выругался Гловер. – Пора закончить дело!

Орье вставила в мозаику последний сегмент и поднялась на ноги.

– Встаньте в круг, – приказала она, – и возьмемся за руки.

– Хороводы водить будем? – съязвил Гловер.

– Да, Артур. Мы будем водить чертовы хороводы, а теперь заткнись и делай, что говорят, – Орье была явно на взводе.

– Извините, – пробормотал Гловер. – Просто боязно до усрачки.

– Мы все устали, – согласился Стейнбек, – но надо продолжать двигаться вперед.

Как только психонавты сомкнули ладони, мир схлопнулся и возник вновь. Они очутились в сердце безумия.

Церковь «Единения» превратилась в ад. Посреди святилища лежали трупы детей. Их были десятки. Тела лежали кругами: три круга, объединенные в один большой. От их голов, покрытых нейроинтерфейсами, шли шнуры, соединявшиеся в очень простом на вид устройстве. Сланцево-серый куб заменял алтарный престол. На нем стояла купель, над которой был распят отец Торн. Самый крупный кабель вел от загадочного устройства к его голове, увенчанной ободом сверхмощного передатчика. Вульф видел подобные прототипы для прямого взаимодействия сознания с инфосетью в армии. Их массовое производство отложили до поры до време-

ни в связи с деструктивным влиянием на центральную нервную систему. Исследования продолжались.

Глаза Торна были выдавлены, рот зашит, а кровь из перерезанного горла наполняла купель до краев. В ней безмятежно плескалась девочка, отдаленно напоминавшая Банни. На психонавтов она не обращала никакого внимания.

Входные двери церкви распахнулись, и внутрь вошли двое. Беккер с намотанной на руку желтой лентой конвоировал Пейтона под дулом пистолета. Кисти директора были сомкнуты перед собой наручниками.

– Я уже говорил, вы не ведаете, что вас ожидает в сердце кошмара сновидицы, – произнес Беккер. – Я видел. Я был здесь в тот день.

– Что натворил Торн? – спросил Вульф.

– Выполнил поставленную задачу. Привлек к церкви внимание бюро общественной безопасности и уничтожил церковных сновидцев. Сделал это эффектно. Выпустил «Раав». От такого, – комиссар обвел взглядом побоище, – в одночасье не отмоешься.

– Зачем?

– Чтобы отсрочить Единение.

– Что это?

– Если бы мы знали, – пожал плечами Беккер. – Торн выиграл нам время. Дал возможность РУ разобраться в деталях и выработать контрмеры.

– И?

– Ничего. После того как епископ Лоуренс стал патриархом, все наши агенты перестали выходить на связь.

– И все же вы решили, что за этим стоит что-то скверное. Так следовало из последнего доклада Торна.

– Откуда ты знаешь? Впрочем, неважно. Это секретная информация.

– Возможно, директор сумеет пролить свет на минувшие события?

Беккер встрепенулся:

– Пейтон...

Пока комиссар отвлекся на разговор с Вульфом, директор воспользовался ситуацией. Он ударил Беккера ободом наручников по голове. Тот упал, а Пейтон побежал к наполненной кровью купели. Комиссар несколько раз выстрелил, но директор, шатаясь, добрал до алтаря.

– Вот мы и свидетелись, Банни! – рухнув перед купелью, он протянул ей раскрытую ладонь.

Девочка лениво повернула голову в его сторону, вальяжно свесив руку с края купели, и легонько коснулась пальцев Пейтона:

– Ты можешь звать меня Мара.

Глава 22. Восхождение

– Вы так настойчиво искали меня, – сказала Мара. – Пожалуй, я уделю вам немного времени. Давайте поиграем. Я знаю отличную забаву. Называется «Принцесса в башне». Только истинный герой сможет пройти лабиринт, подняться на самый верх и освободить несчастную, избежав всех напастей. Посмотрим, чего вы стоите.

По легкому мановению руки девочки из серого куба появились хищные провода и змеями устремились к психонавтам. Вульф застыл на месте. Мертвые дети кандалами сковали его ноги. Остальных психонавтов облепили погибшие церковные сновидцы, не давая пошевелиться. Один кабель подполз к Алексу, обвился вокруг ноги и забрался вверх по туловищу. Его наконечник раскрылся пастью пиона, заглотил голову Вульфа и заставил мир вспыхнуть от боли. Все тело горело, а нервы звенели перетянутыми струнами.

Вульф закричал и очнулся в такси, остановившемся перед зданием Конторы. Его лоб покрывала испарина, а тело тряслось в лихорадке. Отдышавшись, он кое-как сумел взять себя в руки.

Водитель-иммигрант повернулся к нему с широкой улыбкой на лице:

– Прибыли, сэр!

– Где мы? – смог выдать Вульф.

– Головной офис государственной службы психологического мониторинга. Как заказывали.

– Боже...

– И не говорите, сэр. Все сейчас помешались на своих головных болячках, как по мне, если ты впахиваешь минимум по двенадцать часов в сутки без отпусков и выходных, то переживать о душевных тревогах банально нет времени.

– Давно вы здесь?

– В СГА? Пять лет почитай уж как.

– И не нашли ничего лучше?..

– Чем водить такси? Выбор невелик. Бесправные разнорабочие всех мастей – фундамент любого здорового общества. Все остальное требует местного образования или аккредитации с получением сертификатов соответствия. Образование стоит денег. Для денег нужна хоть какая-то работа. Это длинный путь, сэр, но я не жалуясь. Ни одно дерево никогда не достанет до неба, но они все равно продолжают расти.

Вульф оплатил счет за поездку, оставив щедрые чаевые.

Водитель присвистнул:

– Ваша доброта обезоруживает, сэр.

– Этот мир слишком черств, чтобы с ним соревноваться.

Пора что-то менять. Возможно, стоит начать с себя.

Вульф, прихватив портфель, покинул машину и направился через парк ко входу в Контору. Из декоративного кустарника на Алекса вывалился бездомный и принялся кланчить мелочь.

Вытащив пару купюр из бумажника, Вульф сказал:

– Ты ошибался. В этой башне есть принцессы.

Бездомный покаянно склонил голову:

– Я обманул вас дважды, любезный. Чудовищ там тоже нет. Только люди.

На фонтанной площади Алекс заметил импровизированный пикет. Строй военных не давал толпе гражданских лиц прорваться к колонне конвоируемых в Контору работников фармацевтического производства «Скуп-фармтек». Рыжий мальчик, затесавшийся среди взрослых, заметил своего отца и бросился к нему. Солдаты не пустили его через оцепление. Паренек извивался угрем, но все же не смог просочиться между военных. Безжалостные руки держали крепко.

Вульф бросился ему на подмогу, расталкивая солдат. Его били, отпихивали и, в конце концов, заехали прикладом по голове. Он упал на колени и зарычал от бессилия. Мальчик заметил его.

Алекс закричал:

– Этот мир жесток. Не сдавайся. У любой тайны есть разгадка, а у сопротивления – свой предел. Приложи лишь достаточно сил. Борись!

Паренек извернулся и выскользнул из захвата. Пара обманных движений, и ему удалось прошмыгнуть сквозь строй. Он бежал что было силы, пока не уткнулся в спину отца, приняв его таким, каким он стал не по своей воле.

Солдаты, окружившие Вульфа, растаяли в воздухе. Он

медленно поднялся и продолжил путь.

У главного входа его встретил швейцар в лице Артура Гловера. Он приветственно снял шляпу, а затем приложил ключ-карту к датчику большой револьверной двери, запустив ее плавный ход. Вульф дружески хлопнул Гловера по плечу, как обычно делал сам Артур, и ама покинул коллективное осознанное сновидение.

– Это мой путь, – прошептал Вульф. – Больше никто не пострадает.

Разместившись в одной из ячеек, Алекс стал неторопливо продвигаться внутрь здания. На середине пути дверь застыла, не давая ему войти. Весь свет как искусственный, так и естественный погас, оставив Вульфа в крошечной темноте. Над головой загорелась красная лампочка аварийного освещения. Он оказался запертым в зеркальной комнате, наполненной тревожным багровым светом, в окружении десятков своих отражений. Они смотрели на него, а он разглядывал их.

Перед Алексом сидел его двойник в растянутом свитере. Давно немые волосы сваялись колтуном. Лицо покрывала многодневная и жесткая, как обувная щетка, щетина. Белки глаз были испещрены точечными кровоизлияниями от бесчисленных комариных укусов иглы офтальмологического шприца. Чувство безнадежной обреченности застыло на тонких губах с опущенными уголками. В одной руке он сжимал иньектор с нейрофином. В другой – пистолет. Голо-

ва безвольно повисла. За его спиной на стене висело черное зеркало выключенного экрана инфопанели.

Вульф попытался подойти к двойнику, но уперся лбом в стекло. Он тщательно прощупал его, а потом ударил кулаком. Один раз, второй, третий. Стекло пошло мелкими трещинами. Алекс колотил по нему с неистовой яростью. Ободренные в кровь костяшки оставляли багровые потеки на прозрачной поверхности. Наконец, стекло раскололось. Преград больше не было.

Вульф медленно подошел к своему двойнику и осторожно забрал из его рук иньектор с пистолетом, сложив их в портфель. Затем он повернул нерадивое отражение к экрану и включил инфопанель. Алекс открыл непрочитанное электронное письмо. В нем говорилось, что он принят на работу в государственную службу психологического мониторинга. Свет от экрана затопил темную зеркальную комнату, и Вульф очутился в зоне ожидания посреди вестибюля Конторы.

Рядом с ним нога на ногу сидела Орье, попивая ароматный кофе из чашки:

– Тебе когда-нибудь казалось, что вся твоя жизнь – это просто затянувшийся путаный сон? Ты раз за разом силишься проснуться, но у тебя ничего не выходит.

– Мне кажется, каждый человек хоть раз в жизни испытывал нечто подобное.

– Я практически не сплю, Алекс, и все же меня не поки-

дают схожие ощущения.

– Ты выгораешь, понимая, что принесла в жертву собственную жизнь из жалости и из чувства долга. Такое существование не имеет смысла. Мы либо безропотно и самоотверженно служим чужим мечтам, либо эгоистично творим собственную судьбу ради себя самих. Иного не дано. Пойдем. Я покажу.

Вульф протянул ей руку и повел к лифту. В кабине он нажал кнопку пятого этажа. Там располагался психоневрологический стационар Конторы. Створки распахнулись, и они вышли в коридор. Алекс целенаправленно шел к палате, где доживал последние годы отец Жюли. Орье едва поспевала за ним. Вульф не давал ей времени на сомнения и раздумья.

Перед дверьми девушка застыла в нерешительности:

– Стоит ли?

– Доверься мне.

Он мягко положил ее ладонь на ручку и слегка надавил. Дверь отворилась, выпуская их на бескрайний берег океана.

Орье ступила на мягкий песок. Волосы взметнулись, подхваченные порывами ветра. Жесткие черты сгладились. Усталость растворилась в глазах.

– Идем.

Они долго и бесцельно брели вдоль линии прибоя. Вдыхали терпкий соленый запах. Купались в солнечном тепле и монументальном спокойствии. Наслаждались отсутствием тревог и переживаний.

На горизонте они заметили бетонный пирс, далеко вдававшийся в аквамариновые воды. Он вел к небольшому скалистому острову со старым маяком. На пирсе сидел одинокий мужчина со спиннингом наперевес и меланхолично удил рыбу. Вульф и Орье направились к нему.

Прервав свое занятие, мужчина повернулся, услышав их приближающиеся шаги:

– Спустя столько времени вы все-таки научились отпускать, – легкая улыбка прорезалась сквозь бороду профессора.

– Без Жюли я бы не смог проделать этот путь, – сказал Вульф.

– Без Алекса я бы никогда не решилась отворить ту дверь, – парировала Орье.

– Верно. В этом и состоит суть здоровых отношений, – согласился Стейнбек. – Симбиоз.

– Чего? – фыркнула Орье.

– Возможно, вы пропустили зачатие чуда, но этот ребенок уже делает первые неуверенные шаги. Отношения – это партнерство, позволяющее успешно тянуть безрадостную лямку жизни. У вас это выходит недурно, – пожал плечами Стейнбек. – Так или иначе, осталась еще одна дверь, Жюли, – он махнул в сторону маяка. – Выпустите нас к триггеру бессознательного.

– Опять? – закатил глаза Алекс. – Только не этот проклятый ковролин.

– Бессознательное не кусается, если вы честны с самим собой.

– Боюсь, в этом-то и проблема.

– Я буду рядом.

Стейнбек поднялся на ноги, обратив спиннинг в посох волшебника из старых сказаний.

– Не замечала за вами раньше подобной инфантильности, профессор, – бросила Жюли, направившись к маяку.

– Эскапизм – один из немногих доступных интеллигентному человеку в наше время способов не спятить.

– Как и алкоголизм, – усмехнулся Алекс.

– Не впадайте в крайности. Они приводят к тому, что однажды в ожидании рая вы с возгласом «аллилуйя» воткнете себе провод в черепушку.

Психонавты прошли по пирсу к маяку, где Орье открыла тяжелую скрипучую дверь. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Профессор зажег волшебный огонек на верхушке посоха и ступил во тьму. Жюли двинулась было следом, но Вульф перехватил ее за талию.

– Тебе туда нельзя.

– Это еще почему?

– Ненавижу безумных пауков и грустных матушек. Не хочу, чтобы ты пострадала.

Он неистово впился в ее губы, преодолев сопротивление упершихся в грудь ладоней, чье давление слабело с каждой секундой. Глаза Орье широко распахнулись от удивления, а

потом она рассыпалась по ветру клубком желтых шелковых лент, вернувшись на твердую землю. Вульф в последний раз окинул взглядом покинутый берег и, улыбаясь, последовал за Стейнбеком.

Тьма окутала их тяжелым плащом. Сухой воздух пах гленом и пылью. Вокруг них витали бесплотные тени. Ледяной ужас пробегал мурашками по коже от их мимолетных касаний. Вульфа начало потряхивать от паники, а дыхание периодически перехватывало от набегающих спазмов, но он не сдавался.

Психонавты упорно шли вперед. Стейнбек размахивал посохом, отгоняя назойливых призраков. Сокрушая злобных духов, жезл вспыхивал бледным огнем, озаряя окрестности. Архетипы страхов витали в горниле истинной тени. Ликов их был легион. Современные фобии цивилизованного человека вились вокруг них роем ядовитых насекомых. Животный ужас таился чуть дальше, поджидая горящими глазами в ночи посреди непроходимых джунглей. Яростные бури с отблесками пожарищ озаряли горизонт вспышками молний, где небеса подпирали столпы великих древних богов, рожденных от тяги человека к познанию на заре эпохи сознательного.

Вульф ступил на мягкий ковролин. Его ноги вязли в податливом ворсе. С каждым новым шагом он проваливался все глубже и глубже. Алекс словно входил в теплые воды тропического моря.

Стейнбек застыл на границе бессознательного, отбиваясь от орд страхов. Вспышки так и мерцали во тьме. Он стойко держал оборону, выигрывая Вульффу драгоценное время.

– Профессор! – крикнул Алекс, барахтаясь на мелководье. – Я могу помочь вам проснуться.

– Нет!

Посох Стейнбека вспыхнул особенно ярко и разлетелся тысячью осколков, шрапнелью выкосив окружавших его чудовищ. Маска доброго волшебника спала с лица профессора, оставив гордого отца лицезреть венчание собственной дочери.

Стейнбек улыбнулся:

– Я задолжал один танец, молодой человек. Есть вещи, которые надо отпустить, но есть и такие, которые надо пережить и принять, иначе нет возможности двигаться дальше.

Он подал руку дочери, а Вульфф погрузился с головой в пучину.

Алекс тонул, но ему больше не было страшно. В глубине сиял мягкий разрезанный свет. Он манил и притягивал. Руки погибших коллег и товарищей возникли из фантасмагорической бездны и бережно подхватили его. Рядом плыла Анна. Она указывала дорогу. Свет становился все ярче, а Вульфф приближался к поверхности. Бесчисленные руки несли Алекса вверх, как дельфины выталкивают утопающих, чтобы те смогли всплыть. Навстречу ему приближался зеркальный двойник, и когда они соединились, Вульфф выныр-

нул из вод бессознательного.

Над бескрайней белой равниной висела жемчужина, источавшая теплый свет. Внутри нее, как муха в янтаре, застыла фигура Банни Чок. Прямо под невесомой сферой озаренные жемчужными бликами сражались двое мужчин: Пейтон и Беккер. Их битва была бессмысленной. Любая сила всегда вызывает к жизни противоположную силу. Они перетекают друг в друга в замкнутой системе, претерпевая трансформации, пока некто третий не сломает систему, направив силы в нужное ему русло.

Подойдя ближе, Вульф достал из портфеля пистолет и сделал два выстрела. Поверженные тела растаяли в ласковом свете, отправившись в явь. Алекс отбросил пистолет в сторону и поставил портфель на землю. Он подошел к парившей в воздухе жемчужине и возложил на нее свои руки. Мягкое тепло наполнило его ладони. Перламутровая поверхность таяла от его касаний. Руки Алекса погружались в жемчужину, пока кончики пальцев не коснулись спящей девочки. Темница Банни лопнула и пролилась на землю миллионом жемчужных бисерин. Девочка упала Вульфу на руки.

Банни Чок сонно потянулась и потерла руками заспанные глаза:

– Доброе утро, Алекс Вульф. Мне кажется, что я очень-очень долго спала.

– Доброе утро, Банни. Ты права. Ты спала очень долго, но скоро мы должны проснуться, – он погладил ее по голове.

Бескрайняя белая равнина пошла трещинами и закрутилась вокруг них безудержным ураганом. Торнадо оторвал их от земли и понес прочь из юдоли кошмаров. Вульф крепко сжимал девочку в руках и возносился все выше и выше. Банни растворялась в его объятьях, пока наконец не исчезла бесследно. Он остался один, подвешенный в бесконечности. Чувство падения заставило Вульфа открыть глаза. Алекс проснулся в купели, вернувшись к реальности.

Глава 23. Комиссар

Вульф очнулся, паря в невесомости. Белоснежные стенки купели подернулись серой дымкой, а затем стали прозрачными, однако гель Роуча все еще доверху наполнял ее. Ямагути молчал. Алекс огляделся. Короткие желтые вспышки сигнальных проблесковых маячков тревожно озаряли купол «Гипноса». Внутри царила полнейшая неразбериха.

Прекрасно экипированные боевики без знаков различия на форме согнали весь персонал лаборатории к краю купола и держали на прицеле. Там же находились и Гловер с Орье, все еще упакованные в амниотические костюмы. Беккер стянул свой и быстро переоделся в амуницию, подобную форме неизвестных боевиков. Заметив по показаниям датчиков купели, что Вульф проснулся, Беккер отдал несколько коротких команд, которые Алекс едва расслышал в наушниках через включенный микрофон Ямагути.

Миниатюрная смуглая девица с армейским ежиком на голове отделилась от отряда боевиков и выцепила дородного японца из согнанного в кучу персонала лаборатории. Понукаемый Ямагути заспешил к купели Вульфа в сопровождении девушки. Его пальцы лихорадочно забегали над консолью, и гель Роуча стал стремительно убывать. Крышка купели распахнулась. Японец, обильно потея, стянул с Алекса дыхательную маску и венец Домбровского. Вульф попытал-

ся подняться, но его замутило, а голова пошла кругом. Он едва не упал. Ямагути подхватил его и помог выбраться из купели, аккуратно усадив на пол.

Японец потянулся к аптечке с универсальным метаболитом, чтобы снять у Вульфа последствия интоксикации, но девица незамедлительно рявкнула:

– Назад!

К ней подошел Беккер и положил руку на плечо:

– Побереги связки, Лоутон, – он присел на корточки перед Алексом, внимательно глядя ему в глаза. – Мистер серый волк, вы смогли вернуть сновидицу в явь?

– Да, – ответил Вульф.

– Отличная работа, сынок! – Беккер похлопал его по щеке и обратился к Ямагути. – Подлатай его, Хиросима, иначе он здесь все заблюет.

Японец сделал Алексу укол, и голова постепенно начала проясняться. Стало немного легче.

Беккер продолжал раздавать команды:

– Каннингем! – он щелкнул пальцами в сторону алтаря Никты. – За дело! Извлеки сновидицу из камеры сенсорной депривации.

– Что вы делаете? – просипел Вульф.

– Спасая активы разведывательного управления. Пейтон предал нас.

Лоутон оскалилась на купель директора, где тот был заперт, беспомощно наблюдая за происходящим:

– Арестовать его, сэр?

– Нет. Это вне наших полномочий, – сморщился Беккер. – Оставим все как есть. Не хватало еще нажать себе врага в лице Паттерсона. Пускай руководители сами решают его судьбу, – он бросил взгляд на купель Стейнбека. – Что с профессором?

– Впал в гибернацию, – ответил Вульф.

– Ясно.

– Беккер, кто эти люди?

– Моя оперативная группа. Я не мог довериться случаю и вызвал подкрепление перед сеансом КОС, – комиссар поднялся на ноги и крикнул здоровенному бугаю, оставшемуся сторожить персонал лаборатории: – Все под контролем, Хикс?

– Порядок! – пробасил в ответ здоровяк.

– Каннингем, что у тебя?

Молодой парень с мощным армейским инфопадом в руках, увешанный гаджетами с головы до ног, ответил:

– Вошел в систему. Через пару минут сможем извлечь девочку из камеры. Мне нужна помощь, чтобы поместить ее на каталку, – его глаза лихорадочно метались из стороны в сторону под тактическими окулярами дополненной реальности.

– Иду.

Вульф посмотрел на Ямагути, беспомощно стоявшего рядом с купелью. Нейрофизиолог пребывал в шоковом ступоре. Губы мелко тряслись, а лицо было белее снега. Переведя

взгляд на Лоутон, Алекс заметил, что та бесстыдно пялится на его пах, туго обтянутый амниотическим костюмом.

Девушка томно прикусила губу:

– Эх, будь у нас немного времени, красавчик, я бы занялась тобой по полной программе. Нет ничего приятнее, чем присесть беспомощному врагу на лицо.

– Шельфовая кампания давно завершилась. Никто никому здесь не враг.

Та беззаботно пожала плечами:

– Все враги, кроме своих.

Вульф бессильно закрыл глаза, стараясь унять метель в голове.

– Идти сможешь? – осведомилось Лоутон.

– Да.

– Тогда поднимай жопу, и топайте к остальным. Незачем распылять силы по периметру.

При помощи Ямагути Алекс доковылял до группы заложников, остававшихся под присмотром Хикса.

Орье бесстрашно выступила вперед:

– Почему вы забираете Банни? Ей нужен специальный уход.

– Девчонка опасна, – буркнул здоровяк. – Необходимы изоляция и контроль.

Беккер и Каннингем вернулись от алтаря Никты.

– Мы эвакуируем Банни Чок. Пси-оружие принадлежит государству. Опасно оставлять ее в руках гражданских. Ру-

ководство проведет расследование по поводу правомочности действий Пейтона. Это стезя юристов.

За оперативниками тянулась хвостом роботизированная медицинская каталка с защитным коконом для эвакуации пострадавших. Внутри лежала Банни под действием успокоительных.

– Что ты творишь, комиссар? – встрял Гловер. – Ты нарушаешь все мыслимые законы СГА.

– Успокойся, Артур, и дай нам закончить свою работу. Мы, в отличие от бюро, всегда делом заняты, а не просто подглядываем из-за угла, сжимая член в кулаке.

– Не сотрясай воздух попусту, Пэдди, – осклабился Хикс. Гловер сжал зубы и ринулся на здоровяка. Тот выстрелил из тазера, и Артур свалился на пол, забившись в конвульсиях.

– Красиво танцует, – хмыкнула Лоутон.

– Обожаю работать дома.

Беккер не поддержал их веселье:

– Довольно! Пора уходить.

Хикс отстрелил электроды шокового пистолета, и Гловер затих.

Каннингем, не выпуская из рук инфопода, направился к лифту. Створки распахнулись, и он вошел в кабину:

– Карета подана, леди и джентльмены.

Беккер с Лоутон отконвоировали каталку в кабину лифта. Хикс до последнего держал персонал лаборатории на прице-

ле, отступая спиной вперед, и напоследок отсалютовал остающимся через закрывающиеся створки.

Персонал лаборатории «Гипноса» моментально пришел в движение. Несколько нейрофизиологов бросились проверять Гловера.

Орье взяла руководство в свои руки:

– Хадзиме, вытащи директора из купели. Проверьте состояние Стейнбека и переведите его в стационар до естественного пробуждения.

Вульф подошел к Артуру:

– Живой? – уточнил он у персонала лаборатории.

– Оглушен. Жить будет.

Орье продолжала наводить порядок:

– Вызовите службу безопасности. Пусть заблокируют лифты. Нельзя дать им уйти.

– Бестоляк! – откликнулся кто-то. – Они установили глушилки по периметру лаборатории. Мы не можем связаться с охраной. Этот парень – Каннингем, настоящий профессионал. Контроль над системой безопасности и камерами видеонаблюдения Конторы пока у него в руках.

Пейтон выскочил из купели, позабыв о собственной хромоте, едва Ямагути откинул крышку:

– Это ненадолго. У меня есть коды перезагрузки системы, – его пальцы отбивали чечетку на близлежащей консоли. В полу открылась потайная ячейка с пистолетом внутри. – Антитеррористический комплект. Алекс, берите ору-

жие. Надеюсь, в реальности вы управляетесь с ним лучше, чем во сне?

– Я проходил военную подготовку.

– Сейчас она пригодится вам как никогда, – призывно звякнула ближайшая кабина лифта. – Они поднимаются на крышу. Не мешкайте. Задержите их. Выиграйте время для службы безопасности.

Вульф рванулся к лифту. Орье последовала за ним.

– Нет, – попытался остановить ее Алекс.

– Я не брошу Банни и не оставлю тебя, – Жюли отправила кабину лифта наверх.

Вульф проверил обойму и передернул затвор. Пистолет удобно лег в руку. Поднимались молча. Сердце бешено колотилось в груди. Лифт доставил их на крышу.

Снаружи дохнуло как из духовки. После долгого сна и мягкого искусственного освещения психонавты ослепли от ярких лучей солнца, выбивших из глаз слезы. Наверху гулял порывистый ветер. Десантный вертолет в городском камуфляже с двумя винтовыми турбинами, притороченными по бокам на пилонах, бесшумно завис над Конторой. На борту была намалевана рыжая лисья морда. Подразделение Беккера находилось на полпути к точке эвакуации.

Воспользовавшись эффектом неожиданности, Вульф прицелился и выстрелил в управляющий блок роботизированной медицинской каталки. Он вспыхнул и отрубился. Каталка застыла на месте и больше не сдвинулась ни на санти-

метр.

Оперативники мгновенно рассыпались во все стороны. Вульф с Орье спрятались за крупным кубическим силовым агрегатом с турбиной приточно-вытяжной вентиляции. Из их укрытия хорошо просматривались подходы к остановившейся каталке с телом сновидицы.

Лоутон выругалась:

– Гадство! Напомните, почему нам запрещено пользоваться летальным оружием на территории СГА?

– Потому что некоторые постоянно работают на рефлексках и моментально спускают курок при малейшей опасности, – меланхолично отозвался Каннингем.

– От скорострела слышу!

– Заткнитесь оба, – рявкнул Беккер. – Теряем драгоценное время. Вульф, это ты?

Орье приложила палец к губам. Алекс кивнул. Их расположение могли легко отследить по голосу.

– Шон, проверь камеры. Где он?

– Я ослеп, – констатировал Каннингем. – Они вернули контроль над системой безопасности.

– Пейтон... – процедил Беккер сквозь зубы. – Алекс, послушай. Ты умный парень. Не влезай в дела, которых не понимаешь. Сейчас ты содействуешь террористу. У тебя в руках боевое оружие. Кто-нибудь может ненароком пострадать.

Пока Беккер отвлекал их, Хикс бесшумно перемахнул че-

рез силовой агрегат вентиляционной шахты. Здоровяк двигался словно тень. Хлесткий удар по запястью выбил пистолет из рук Вульфа. Бросившаяся на подмогу Орье отлетела в сторону, как тряпичная кукла. Ее моментально взяла в оборот Лоутон, вынырнув из-за рядов внешних блоков сплит-системы небоскреба. Она взяла Жюли на прицел тазера. Хикс схватил Алекса за грудки, поднял в воздух и впечатал спиной в жестяной короб. Вульф ударился затылком и медленно сполз по стене оглушенный и дезориентированный. Воздух ушел из легких. Дыхание сбилось.

Орье приняла боевую стойку, стараясь спровоцировать Лоутон и потянуть время.

Та удивленно повела бровью:

– Владеешь джиу-джитсу, институтка?

– А ты проверь!

Ответом Орье послужили два электрода из тазера. Жюли упала как подкошенная.

– Наподдать бы тебе по заднице, сучка, да недосуг. Командир заругает.

Проходя мимо Вульфа, девушка подхватила оброненный пистолет и сунула его за пазуху:

– Пушки детям не игрушка.

Хикс снял защитный кокон с каталки и без малейших усилий перекинул через плечо. Геликоптер приземлился на крышу, распахнув створки десантного отсека.

Каннингем запрыгнул внутрь, доложив Беккеру:

– Сэр, безопасники ГСПМ на подходе. Едут наверх.
Комиссар кивнул.

Вульф, шатаясь, поднялся на ноги и бросился вслед за Хиксом. Он почти нагнал его, когда Алекса перехватила Лоутон. Подсечка опрокинула Вульфа на землю, но тот успел вцепиться в девушку обеими руками. Они клубком покатались по крыше. Лоутон понимала, что любая проволочка сейчас была не на ее стороне. Она колотила Алекса по всем частям тела, до которых могла дотянуться, но он не отпускал. Наконец она смогла извернуться и впечатала ему лбом лицо. Из глаз посыпались искры. Вульф ослабил хватку, и Лоутон начала вставать. В последней попытке Алекс выхватил у нее пистолет. Завязалась борьба за оружие. Прогремел выстрел.

Голову пронзило горячей стрелой. Волна боли затопила сознание. Руки разжались, а ватные ноги перестали держать. Вульф осел и больше не шелохнулся.

– Блядь! – выругалась Лоутон, отступая к вертолету.

Она бросилась бежать, когда лифты доставили на крышу отряды службы безопасности. Беккер подал ей руку и затащил внутрь.

– Лисы на борту, Карсон. Вытаскивай нас.

– Принял, – ответил пилот. – Взлетаем.

Винтовые турбины взвыли, раскручиваясь на полную мощность. Десантный люк закрылся, и вертолет оторвался от крыши, подняв в воздух клубы пыли.

Орье медленно подползла к Вульфу и проверила пульс.

– Только не вздумай у меня умереть.
Алекс погрузился в сладостную тишину.

Глава 24. Якорь

Шум прибоя успокаивал истерзанную душу. Волны лениво накатывали на галечный берег, взбивая хлопья пушистой белой пены. Ее подхватывали и уносили в недостижимую высоту сталкивающиеся воздушные потоки, идущие встречными курсами с материка и океана. Крикливые чайки парили в подернутом серой дымкой небе на волнах теплой восходящей тяги, рожденной борьбой воль, внимательно выглядывая съестное в окрестностях жилой береговой полосы. Люди для них давно стали самым простым источником пищи. Слишком избыточные и пресыщенные, чтобы рачительно следить за объедками своего бытия.

Вульф часами мог наблюдать за приливами и отливами, сидя на краю пирса и свесив босые ноги поближе к воде. Брызги волн приятно щекотали голые ступни, а спокойная основательность бескрайней водной глади даровала медленное, но верное исцеление его поврежденному мозгу. Изначальная мощь океана и непререкаемая цикличность природных явлений благоприятно влияла на процессы восстановления после полученной неврологической травмы. Стейнбек, вышедший из гонимости, сердобольный Ямагути и команда нейрофизиологов Конторы изрядно перепаяла его проводку в центральной нервной системе и поработала над обновлением прошивки. Дело оставалось за малым – необходимо было

дать время для перезагрузки и естественного обновления.

Маленькая детская ручонка легла на его плечо:

– Сестренка зовет обедать, Алекс Вульф. Идем, дружок.

Не забывай. Прием пищи строго по расписанию.

Он взял Банни за руку и послушно зашагал за ней к дому.

Это первое, что поразило его, когда он пришел в себя после операции. Жюли сказала, что служба безопасности успела в самый последний момент и отбила девочку. Время, которое они подарили оперативникам, оказалось решающим. Беккер со своим отрядом успел ускользнуть.

Вульф чувствовал диссонанс в воспоминаниях, но радость от встречи с Банни и Жюли в конечном итоге растопила лед сомнений и переживаний. Все кончилось хорошо – это самое главное. Последствия подождут.

Уютный одноэтажный дом, расположившийся на берегу океана вдали от суетной городской черты, принадлежал Конторе и представлял собой образчик современного минимализма: никаких вычурных, сложных форм, а из материалов только отпринтованный на строительном фабрикате биоразлагаемый плексиглас и электрохромное стекло для панорамных окон. В отделке внутренних помещений преобладали светлые тона, а мебель была произведена из искусственной эко-древесины. Государственная служба психологического мониторинга держала марку передовой организации, соответствующей злободневной информационной сетевой повестке.

– Это будет полезным жизненным опытом для каждого из вас, – сказал Алексу перед выпиской Стейнбек. – Терапия бывает разной.

Он не стал спорить. Всем троим требовалось время, чтобы прийти в себя.

Жюли каждый день возила девочку в центральный офис на психотерапевтические сеансы к Стейнбеку, а дома они использовали «Морфей». Положительной динамики пришлось ждать долго, но прогресс был налицо. Банни начала засыпать без медикаментов, а ночные кошмары мучали ее все реже. Сложнее дело обстояло с диссоциативное расстройством идентичности. Мара ушла со сцены, забившись в самые потаенные уголки разума девочки, но профессор не спешил давать позитивный прогноз. Требовался глубокий анализ посредством коллективного осознанного сновидения, но пока никто из группы извлечения не горел желанием возвращаться в лабораторию «Гипноса» и погружаться в купель.

Кухня наполнилась ароматами свежее испеченного хлеба, натурального джема, сваренного кофе и экзотических фруктов, очищенных и красиво сервированных на блюде. Орье раскладывала по тарелкам поджаренные яйца с кусочками помидоров и гренками. Этому армейскому способу приготовления ее научил Вульф.

– Какая вкуснотища, – протянул Алекс.

– Заткнись! – шутливо отмахнулась Орье. – Знаешь же, что я и готовка – вещи несовместимые. Вы нацепили по-

варской колпак на человека, всю жизнь питавшегося полуфабрикатами и обретавшегося по кафетериям медицинских учреждений.

– Никогда не поздно начать менять свою жизнь, – Вульф хитро подмигнул Банни.

Они взялись за вилки и синхронно стали стучать по тарелкам, скандируя:

– Есть-есть-есть-есть!

– Чертовы питомцы, – пробурчала Жюли с улыбкой.

Орье подала еду, а Вульф разлил сок по стаканам. На большее его мелкой моторики пока не хватало. Приходилось тренироваться по много часов в день, но упорство в экзерсисах вознаграждалось. Реабилитация шла споро.

– Сегодня мы с дедушкой будем проходить очень-очень новый тест, – проговорила Банни с набитым ртом.

– Профессор говорит, что пока не может вычленить Мару в структуре личности Банни, – пояснила Орье. – Он настаивает на сеансе КОС.

– Эту идею подкинул ему Пейтон?

Жюли пожала плечами.

– Мы еще не готовы.

– Знаю.

Алекс напрягся, обдумывая услышанное, а Орье убрала пустые тарелки и разлила всем кофе, обронив как бы невзначай:

– Директор сегодня хотел заскочить к тебе, пока мы будем

в офисе.

– Зачем?

– Обсудить рабочие моменты.

– Зараза!

– Ты примешь его?

– Разве у меня есть выбор?

Банни радостно захлопала в ладоши:

– У папки есть для тебя предложение, Алекс Вульф. Для всех нас. Новая работенка! Полиция снов.

– Это еще чего? – скривился Алекс.

– Все при встрече.

Вульф с Орье переглянулись.

– Ты знала?

– Нет.

Банни обрадовалась своей приобщенности к тайне, о которой не ведают взрослые:

– Папка сказал, что вы могли испортить сюрприз.

– Сюрприз кому?

– Очень-очень плохим людям. Еще он сказал, что весь сыр-бор с кошмарами и Марой ради создания этой самой полиции. Я поклялась на мизинчиках, что сохраню этот секретик. Ой... похоже, все-таки разболтала...

Орье поджала губы:

– Я сегодня спрошу Стейнбека, а ты не давай спуску Пейтону.

– Так точно, мэм! – отсалютовал ей Вульф.

– Не паясничай! – пригрозила она Алексу, а затем добавила, обращаясь к Банни: – Собирайся. Скоро выезжаем.

Девочка пулей унеслась наверх в свою комнату готовиться к очередному посещению Конторы. Орье загрузила грязную посуду в посудомойку, быстро переоделась сама и проследила за переодеваниями Банни. Алекс вышел на крыльцо, чтобы проводить их.

– Занимайся сегодня как следует, – бросила ему напоследок Орье, вырвав из гаража на подъездную дорожку. – Не филонь.

Он помахал им вслед и пошел исполнять каждодневный ритуал терапевтических упражнений. Дело шло бодро, и Вульф не заметил, как пролетело несколько часов. К реальности его вернул гул двигателя приближающейся к дому машины. Он сполоснул лицо и пошел наливать сок для себя и незваного гостя.

В дверь постучали.

– Войдите!

Пейтон открыл дверь и по-хозяйски прошел в холл. На парковке у дома Алекс заметил седан службы психологического мониторинга с рыжим водителем за рулем.

– Добрый день, Алекс.

– Директор, – кивнул тот в ответ. – Гловер теперь подрабатывает водителем на полставки?

– Я немногим могу доверять.

– Он не зайдет?

– Этот разговор только для наших с вами ушей.

– Ваше доверие весьма своеобразно, – хмыкнул Вульф. – Берите сок и пойдёмте полюбуемся океаном. В конце концов, за эти сногшибательные виды вы платите из своего кармана.

Алекс провел директора на пирс и устроился, свесив ступни к воде. Пейтон примостился рядом, кое-как справившись со своей больной ногой.

– Отчего вы не искорените последствия травмы? – спросил Вульф.

– Некоторые шрамы служат нам каждодневным напоминанием о собственной глупости. Знаю, вы не одобряете моих подходов, но мне и не нужно ваше одобрение. Просто хочу, чтобы вы поняли, что стоит на кону.

– Разве проникновенной речи в кошмаре Банни было недостаточно?

– Это была идея Стейнбека, – отмахнулся директор. – Порой наши высказанные вслух мечтания выглядят больной фантазией психопата. Отличие заключается в том, что здоровый человек никогда не станет претворять подобные замыслы в жизнь. Это был «олл ин» – ход, заставивший всех игроков раскрыть свои карты.

– Я заинтригован. В чем смысл?

– Моей работе мешали, и пришла пора избавиться от паразитов.

– Вы рискнули, и пострадало множество сотрудников

Конторы.

– Есть и позитивное зерно. Я проверил своих психонавтов в полевых условиях и получил то, что планировал изначально. Рычаг давления. Туза в рукаве.

– Туза?

– Играя с шулерами, даже талантливые игроки остаются в дураках. Позвольте поведать вам историю о трех юношах. Они хотели излечить мир при помощи сладких грез, но у них не было ничего кроме теорий и идей. Первые требовали доказательств, вторые – реализации. Современная наука – это прежде всего вложенные инвесторами деньги, и как однажды сказал этим молодым людям мистер Стейнбек: «Если твои идеи неинтересны для бизнеса, то ты неинтересен вообще». Не единожды осмеянные, амбициозные исследователи изменили подход, поработали над подачей, маркетинговой стратегией и добились успеха. Их работой заинтересовались. «Как насчет социального контроля или военного применения?» – уточнили государственные инвестиционные аналитики. Поначалу для трех мечтателей это не стало проблемой. Они слабо понимали, о чем шла речь. Слишком велико было их желание самореализоваться. Им предложили набраться опыта, работая по правительственным контрактам, а потом пообещали полный карт-бланш в их собственных исследованиях вместе с увесистым пакетом инвестиций. Они подписали договор с дьяволом, имевшим мягкий французский говор и интеллигентный внешний вид. Он был щедр на зна-

ния и советы, но по горькой иронии судьбы сам оказался лишь пешкой в вероломной игре политиков. Дьявол нужен, чтобы у Бога была хорошая репутация, хотя даже у демонов иногда просыпается совесть. Он был снят с игровой доски. Теперь роль дьявола была уготована трем молодым ученым. Они видели много ужасных вещей на пути к воплощению своей мечты. Их знания использовались, чтобы творить зло из геополитических соображений. Экзистенциальный кризис не заставил себя долго ждать. Первый юноша сдался и сторел, как римская свеча. Он погряз в глубочайшей депрессии и бесчисленных зависимостях. Второй боролся и нацепил терновый венец правдоруба, попытавшись донести свою историю до независимых общественных институтов. Он исчез без следа. Третий остался в рамках системы, потому что считал, что только изнутри можно внести хоть какие-то изменения. Он принял правила игры и тихонечко ждал своего часа.

– И вы дождались. Заручились доверием и поддержкой, а потом нанесли удар. Создали пси-оружие.

– Верно. В рамках системы у тебя должно быть конкурентное преимущество. Так работают капитализм и демократия. Они хороши ровно до той поры, пока у тебя под подушкой хранится мощный хорошо смазанный ствол для защиты собственной свободы. Есть старая техасская поговорка. Если твоя пушка покрыта ржой и не внушает страха, всегда найдется сердобольный сосед, рискнувший проверить ее

на осечку. Иногда одно обладание новым оружием, не имеющим аналогов, способно заставить любые силы считаться с тобой. В алчной тяге к знаниям мы отворили врата в наши сны, но теперь в моих силах создать организацию, контролирующую противоправную деятельность в этой сфере. В том числе и со стороны правительства.

– Пресловутую полицию снов? Звучит претенциозно.

– Название придумала Банни. Она всегда любила глупые фильмы.

– Вы пытаетесь обуздать то, что сами создали.

– Мы не властны над судьбой своих творений, но в наших силах нести ответственность. Я принимаю ее и буду бороться, чего бы это ни стоило.

– Например, страданий бедной девочки?

– Не разыгрывайте опороченную невинность. Довольно рефлексии. В ответ на вечную дилемму о слезинке ребенка, скажу так: «Если боль этой несчастной принесла хоть толику справедливости в наш жестокий мир хищников – пускай рыдает!»

– Для чего вам я?

– Вы уникальны, как и каждый мой сотрудник. Вы идеальные инструменты для предстоящей работы по защите общественного сознания. Знаете, что такое сознание, Алекс? Давным-давно оно возникло как цензор рефлексов в быстро развивающейся центральной нервной системе. Это дорожный указатель на перепутьях внутривидовых и межви-

довых взаимодействий. Эволюционный костыль, позволяющий неокрепшему мозгу быстрее встать на ноги. Небольшой заступ за линию старта, дающий весомую выгоду в гонке при всех прочих равных. Пройдем путь от простого к сложному. Что выбрать, когда ты тонешь: вдохнуть полной грудью из-за нехватки кислорода или задержать дыхание в надежде спастись? Что важнее при пожаре: страх сгореть заживо или будущее твоего потомства, отрезанного стеной пламени? Что правильнее при нападении врага: спасти свою шкуру в чаще леса или встать сплоченным строем, отразив внешнюю угрозу? Итог этих выборов известен. Наш вид взобрался на вершину пищевой цепи. Когда у человечества не осталось значимых конкурентов, сознание оказалось ненужно. Оно превратилось в заскорузлый бюрократический аппарат, погрязший в собственной избыточности с бесчисленными правилами и устоями, – в ту самую пресловутую Контору. Мы перестали получать удовольствие от выживания и развития, от прогресса и размножения. Нам этого стало мало. Разум превратил нас в скаредных гедонистов, наслаждающихся фактальными узорами, музыкальными гармониками, математическими формулами и бесконечным самокопанием с производством терабайтов бессмысленной вирусной информации. Мы все блуждаем в своих конторах. Мы в тупике. Вы поняли, для чего был создан «Раав»?

– Чтобы посеять панику и безумие в стан врага, и тот своими руками открыл ворота захватчикам. Чтобы получить на

захваченных территориях общество идеальных безмозглых болванчиков, которыми можно легко манипулировать.

– Такие предположения подсказала вам ваша контора, Алекс. Они лежат на поверхности. Правда чуть глубже. «Раав» – это эксперимент, вирус, что убивает самосознание. Для успешности биологического вида в долгосрочной многовековой перспективе разум не нужен вообще. Он якорь. Прогресс достигается из бесчисленных повторений. Проб и ошибок. Из опыта. Любой ученый подскажет: хочешь прорыва, когда ты застрял в работе, – отключись и займись рутинной. Самые лучшие спортсмены действуют на инстинктах. Быстрее, чем рождается тень мысли. Виртуозные музыканты никогда не следят за пальцами при игре – это верный путь к провалу. В успехе нет сознательного компонента. Только опыт и подсознательная работа мозга. Сознательное служит пояснительной запиской глупому Квазимодо нашего «Я», живущему на чердаке Собора Парижской Богоматери центральной нервной системы. Оно рудимент альфа-вида.

– Как я понял, «Раав» был призван исключить из уравнения переменную человеческого сознания?

– Да. Таков был замысел наших властвующих социопатов. Попытка искусственно раскрутить спираль эволюции, зашедшей в тупик.

– Но у этого подхода нашлись противники, верно?

– Все так. Церковь «Единения». Ее служители возвели сознание в абсолют. Они пытаются взрастить симбионт мил-

лионов «Я», что переплюнет квантовые компьютерные системы. Лепят из сырой глины человеческих душ карманного божка, запершись под сводами душевных храмов и вознося молитвы нейроинтерфейсам и инфосети.

– Так кто же из них прав?

– А это, Алекс, совершенно правильный вопрос! Ответ на него позволит вам выйти за пределы своей конторы. Вы немного заплутали, но не переживайте. Скоро я пришлю к вам опытных проводников. Они помогут выбраться из этого проклятого лабиринта.

Директор оставил его на берегу океана наедине со своими мыслями и бесконечностью.

Жизнь продолжила идти своим чередом, пока однажды утром на лужайке перед их домом не остановилась машина. Она подъехала по дороге, ведущей в город. Обычный непримечательный седан из автопарка службы психологического мониторинга.

Вульф, как обычно, после обеда сидел на берегу и краем глаза заметил, что из автомобиля вышли двое. Рыжий мужчина позвонил в дверь. Вторая – девушка, встала рядом. Малышка Банни со всех ног бросилась открывать гостям по своему непосредственному обыкновению. Как только дверь распахнулась, прозвучал выстрел. Девушка исчезла в недрах дома, а рыжий остался ждать снаружи.

Вульф подскочил и побежал к дому так быстро, как только мог.

Внутри разгорелась нешуточная борьба. Раздалось еще несколько выстрелов, послышался звук бьющейся посуды, а потом все стихло. Задняя дверь отворилась, и из нее выскочила Жюли. Она кинулась навстречу Алексу, что-то неразборчиво крича. Слов Вульф не мог разобрать из-за шума прибоя. Выстрел нагнал ее на полпути. Орье рухнула на песок.

Вульф подбежал к ней и перевернул на спину. Глаза слепо смотрели в безучастное серое небо. Он прижал ее к груди и зарылся лицом в волосы.

Размеренная поступь приближающихся шагов отбивала ритм метронома. К нему подошла девушка из полузабытой реальности, как две капли воды похожая на своего двойника из терапевтического модуля «Морфея».

Она спросила:

– Ты в порядке?

– В этом я не уверен, – прошептал Вульф и поднял взгляд.

– Здоровый естественный сон – это привилегия, которую мы дарим обществу, Алекс. Ты спал слишком долго, но теперь... – она протянула ему руку. – Пора просыпаться!